

**МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

Айзек Азимов
Лакки Старр и
кольца Сатурна
Серия «Лакки Старр», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136709

Миры Айзека Азимова. Книга 15: Полярис; Пуга; 1992

Оригинал: Isaac Asimov, "Lucky Starr and the rings of Saturn"

Перевод:

Станислав Степанович Никоненко

Аннотация

По закону, принятому очень давно (роман Айзека Азимова «Лаки Старр и кольца Сатурна»), любое тело, вращающееся вокруг звезды, принадлежало именно этой звездной системе. Но Сириус решил захватить систему планеты Сатурн в Солнечной системе, обосновав на Титане базу.

Содержание

1. Захватчики	4
2. Погоня	14
3. Смерть в кольцах	28
4. Между юпитером и сатурном	41
5. Скольжение вдоль поверхности Сатурна	54
6. Сквозь ущелье	68
7.	81
8. К Титану	93
9. Враг	108
10. Наставники и роботы	122
11. Бигмен против всех	136
12. Капитуляция	149
13. Накануне полета на Весту	163
14. На Весте	176
15. Конференция	190
16. Попался, который кусался	203

Айзек Азимов Лакки Старр и кольца Сатурна

1. Захватчики

Солнце сверкало бриллиантом в небе, достаточно большим, чтобы невооруженным глазом можно было разобрать: это нечто большее, чем обычная звезда, больше, чем крошечный, величиной с горошину, раскаленный добела шар.

Сюда, в просторы космоса, в окрестности второй по величине планеты Солнечной системы, Солнце отдавало лишь один процент света, который оно проливалось на родную планету человека. И все же оно было самым ярким объектом в небе – даже четыре тысячи полных Лун вряд ли могли бы с ним сравниться.

Лакки Старр задумчиво смотрел на экран, в центре которого было изображение далекого Солнца. Вместе с ним в экран уставился Джон Бигмен Джонс. Полная противоположность высокому и стройному Лакки, Джон Бигмен Джонс, вытянувшись в полный рост, достигал лишь пяти футов и двух дюймов. Но этот ко-

ротышка не измерял себя в дюймах и позволял называть себя только средним именем: Бигмен.

– Ты знаешь, Лакки, до него отсюда почти со миллионов миль. Я имею в виду – до Солнца. Я никогда не был так далеко, – задумчиво сказал Бигмен.

Третий мужчина в кабине, Советник Бен Вессилевски, усмехнулся, глянув на них через плечо со своего места у пульта управления. Он был тоже крупным мужчиной, хотя и не таким высоким, как Лакки. Копна желтых волос взималась над его лицом, покрывшимся темным космическим загаром за время службы в Совете Науки.

– В чем дело, Бигмен? – поинтересовался он. Неужели тебя пугает дальняя дорога?

– Клянусь Марсом, Весс! – завопил пронзительно Бигмен. – Ты уберешь руки от управления и повторишь это.

Он обошел Лакки и направился уже к Советнику, когда руки Лакки опустились на плечи Бигмена и подняли его в воздух. Ноги Бигмена все еще двигались, как бы неся его в сторону Весса, но Лакки вернул своего друга-марсианина на прежнее место.

– Успокойся, Бигмен.

– Но, Лакки, ты же слышал. Этот верзила думает, что он более человек, чем я, лишь потому, что занимает места больше. Если у Весса рост шесть футов,

то это означает лишь то, что в наличии лишний фунт сала...

– Ладно, Бигмен, – прервал Лакки. – И, Весс, ты тоже, поберегите юмор для сирианцев.

Он говорил негромко, но никаких сомнений в его авторитете не возникало. Бигмен откашлялся и уже спокойно спросил:

– Где Марс?

– По другую сторону Солнца.

– Все-то ты знаешь, – заметил коротышка раздосадованно. Потом лицо его прояснилось: – Постой-ка, Лакки, мы на миллион миль ниже плоскости эклиптики. Значит, мы должны видеть Марс ниже Солнца, хотя бы чуть-чуть выглядывающим из-за него. По-моему, так.

– Держи карман шире, увидим! В самом деле, он на градус или около того отстоит от Солнца, но это все равно слишком близко, и Марс тонет в ослепительном сиянии. А вот Землю, я думаю, ты можешь увидеть.

Лицо Бигмена передернулось в надменном отвращении.

– Кому в космосе хочется видеть Землю? Там ничего нет, кроме людей; в большинстве своем сурков, которые никогда не отрывались даже на сотню миль от поверхности. Я бы не взглянул на нее, даже если бы в небе вообще не на что было смотреть. Предложи

Вессу смотреть на нее. Это для него, – и он угрюмо отошел от экрана.

– Эй, Лакки, – предложил Весс, – как насчет того, чтобы сесть на Сатурн и посмотреть хорошенько на него под этим углом? Давай, я обещал тебе удовольствие.

– Не думаю, – возразил Лакки, – что вид Сатурна в эти дни доставит удовольствие.

Он сказал это непринужденно, но на минуту тяжелое молчание воцарилось в кабине пилотов «Метеора».

Все трое почувствовали изменение в атмосфере. Сатурн означал опасность. Сатурн стал новым олицетворением смерти для людей Земной Федерации. Для шести миллиардов людей Земли, для нескольких миллионов на Марсе, Луне, Венере, для сотрудников научных станций на Меркурии, Церере и внешних лунах Юпитера Сатурн недавно и неожиданно стал смертоносным.

Лакки почувствовал, что он должен как-то изменить атмосферу, и, послушные прикосновению его пальцев, чувствительные радиоэлектронные антенны, установленные в корпусе «Метеора», мягко повернулись на своих подвесках. Как только это произошло, поле обзора на экране сместилось.

Звезды двигались через экран непрерывной чере-

дой, и Бигмен, криво усмехнувшись, спросил:

– Какая-то из них Сириус, Лакки?

– Нет, мы движемся через Южную небесную полу сферу, а Сириус находится в Северной. Не желаешь взглянуть на Канопус?

– Нет, ответил Бигмен. – Чего ради?

– Я просто подумал, что, возможно, интересно. Это вторая по яркости звезда, и ты мог бы принять ее за Сириус. – Лакки слегка улыбнулся. Его забавляло, что патриотически настроенный Бигмен, вероятно, испытывал досаду оттого, что Сириус, родная звезда главных врагов Солнечной системы (хотя сами происходили от землян), был самой яркой звездой небе Земли.

– Очень забавно, – проворчал Бигмен. – Давай-ка, Лакки, посмотрим Сатурн, а потом, когда возвратимся на Землю, ты поставишь шоу, от которого все будут в шоке.

Звезды на экране продолжили свое плавное движение, затем замедлились и остановились.

– Вот он – собственной персоной, – с некоторой торжественностью произнес Лакки.

Весс заблокировал рычаги управления и повернулся в кресле пилота, чтобы посмотреть на экран.

Это было похоже на полумесяц, только заметно раздававшийся, светящийся мягким желтым светом, более тусклым в центре, чем по краю.

– Как далеко мы от него? – спросил удивленно Бигмен.

– Думаю, около сотни миллионов миль, – заметил Лакки.

– Что-то не так. Где кольца? Я полагал, что их хорошо видно.

«Метеор» находился высоко над южным полюсом Сатурна. Из этого положения кольца должны были хорошо просматриваться.

– Кольца становятся размытыми на фоне планеты, Бигмен, из-за расстояния. Пожалуй, мы увеличим изображение и посмотрим поближе.

Пятнышко света, которое было Сатурном, расширилось и растянулось, разрастаясь во всех направлениях. И то, что представлялось полумесяцем, распалось на три части.

По-прежнему сохранялся центральный шар, выглядевший полумесяцем. Однако вокруг него, не касаясь шара ни в одной точке, шла огибающая его по кругу узкая полоска света, разделенная на две неравные части темной линией. В том месте, где полоска огибала Сатурн и достигала его тени, она обрывалась в темноту.

– Да, сэр Бигмен, – начал Весс свою лекцию. – Сам Сатурн имеет только семьдесят восемь тысяч миль в диаметре. С расстояния ста миллионов миль он пред-

ставляется всего лишь светящейся точкой, тогда как, включая кольца, отражающая поверхность от одного конца до другого составит около двух сотен тысяч миль.

– Я все это знаю, – возмутился Бигмен.

– И вот что еще, – продолжал Весс, не обращая на него внимания, – с расстояния ста миллионов миль промежутки шириной семь тысяч миль между поверхностью Сатурна и внутренним краем колец совсем нельзя заметить, не говоря уже о промежутке в двадцать пять сотен миль, разделяющем кольца надвое. Эта черная линия называется делением Кассини, как ты знаешь, Бигмен.

– Я сказал, что знаю, – проревел Бигмен. – Послушай, Лакки, этот парень хочет доказать, что я не ходил в школу. Может, я и не слишком блистал в учебе, но рассказывать мне о космосе?! Скажи, Лакки, скажи, чтобы он перестал прятаться у тебя за спиной, и я раздавлю его, как клопа.

Но Лакки сказал совсем другое:

– Можете увидеть Титан.

– Где? – хором отозвались Бигмен и Весс.

– Там, справа.

Титан выглядел крошечным полумесяцем и был примерно такого же размера, при нынешнем увеличении, который, по-видимому, имел Сатурн с кольцами

без увеличения. Он находился близко к краю экрана.

Титан был единственной луной солидной величины в системе Сатурна. Но вовсе не его величина приковала пристальные взгляды Весса и Бигмена. Причем Весс смотрел с любопытством, а Бигмен – с ненавистью.

Настоящая причина крылась в том, что все трое были почти уверены: Титан – единственный мир в Солнечной системе, населенный людьми, которые не признают верховенство Земли. И вот внезапно он открылся как стан врага.

Это вдруг приблизило опасность.

– Когда мы войдем в систему Сатурна, Лакки?

– Нет настоящего определения тому, что является системой Сатурна, Бигмен. Большинство людей считает, что система какого-либо мира включает в себя все пространство, где самое отдаленное тело движется под гравитационным влиянием этого мира. Если так, то мы пока еще вне системы Сатурна.

– Однако сирианцы говорят... – начал Весс.

– Пошел ты в центр Солнца со своими сирианскими подонками, – взревел Бигмен, топая в гневе своими высокими сапогами. – Кого интересует, что они говорят? – Он топнул еще раз, будто все сирианцы должны были ощутить силу его ударов. (Его сапоги были истинно марсианской вещью. Их кричащая окраска,

оранжево-черный изгибающийся узор громко возвещали о том, что их владелец рожден и вскормлен среди марсианских ферм и куполообразных городов.)

Лакки выключил экран. Приборы обнаружения на корпусе корабля втянулись, и внешняя обшивка корабля стала гладкой, блестящей и цельной, выделялась лишь выпуклость, которая опоясывала корму и несла на себе аgrav-устройство.

Лакки сказал:

– Мы не можем, Бигмен, позволить себе такой роскоши, как кого-интересует-что-они-говорят. В данный момент у сирийцев преимущество. Возможно, со временем мы выпроводим их из Солнечной системы, но в данный момент единственное, что мы можем, играть по их правилам.

– Мы находимся в нашей собственной системе, – не сдавался Бигмен.

– Конечно, но Сириус оккупировал эту часть, и в ожидании межзвездной конференции Земля ничего не может с этим поделать, если не желает войны.

На это нечего было возразить. Весс вернулся к своим приборам, и «Метеор» с минимальным расходом энергии, используя до максимума силу притяжения Сатурна, продолжал быстро снижаться к полярным областям планеты.

Ниже, ниже, глубже в объятия того, что было теперь

миром Сириуса, пространство которого кишело сирианскими кораблями на расстоянии почти пятидесяти триллионов миль от их родной планеты и всего лишь в семистах миллионах миль от Земли. Одним гигантским шагом Сириус одолел 99,999% расстояния между ним и Землей и основал военную базу у самого порога Земли.

Если Сириусу позволить остаться здесь, то потом в один прекрасный момент Земля опустится до статуса второразрядной державы под властью Сириуса. А в данный момент складывалась такая межзвездная политическая ситуация, что вся гигантская военная машина Земли, все ее могучие корабли и вооружение не могли оказать сопротивления.

Только трем мужчинам в одном маленьком корабле, по собственной инициативе и без ведома Земли, оставалось попытаться ловкостью и хитростью изменить ситуацию, зная, что, если они будут пойманы, они будут сразу же казнены захватчиками Солнечной системы как шпионы – в их собственной Солнечной системе! – и что Земля ничего не сможет сделать для их спасения.

2. Погоня

Еще месяц назад не было и мысли об опасности, ни малейшего представления, пока не грянул взрыв перед лицом правительства Земли. Неуклонно и методично Совет Науки чистил гнездо роботов-шпионов, которые наводнили Землю и ее владения и власть которых сокрушил Лакки Старр в снегах Ио.

Это было суровое и в известном смысле пугающее задание, ибо шпионаж был всепроникающим и эффективным, более того, его успехи были таковы, что вот-вот должны были достичь цели и нанести ужасный ущерб Земле.

Позже, в тот момент, когда ситуация, казалось, наконец полностью прояснилась, структура защиты Земли дала трещину. И тогда поздней ночью Гектор Конвей, Главный Научный Советник, разбудил Лакки.

Лакки, усиленно моргая, чтобы прогнать сон и прояснить взор, предложил кофе и только после этого удивленно спросил:

– Что случилось, дядя Гектор (Лакки звал его так со своих ранних сиротских дней, когда Конвей и Аугустус Генри были его опекунами), разве нет видеофонов?

– Я не доверяю видеофону, мой мальчик. Мы попали в ужасную беду.

– В каком смысле? – Лакки задал вопрос спокойно, но при этом быстро сбросил верхнюю часть своей пижамы и начал умываться.

Вошел Бигмен, потягиваясь и зевая.

– Эй, по какому случаю весь этот марсианский тарарам? – При виде Главного Советника его сонливость как рукой сняло. – Неприятности, сэр?

– Агент X ускользнул от нас.

– Агент X? Таинственный сирианец? – Глаза Лакки сузились. – Но насколько мне известно, Совет вынес решение, что его не было.

– Это было до того, как внезапно возникло дело робота-шпиона. Он очень умен, Лакки, ужасно умен. Нужен умный шпион, чтобы убедить Совет в том, что он не существует. Мне бы следовало направить тебя по его следу, но всегда оказывалось, что ты должен делать что-то еще. Так или иначе...

– Да?

– Ты знаешь, что, как показывает дело робота-шпиона, должно существовать центральное легальное агентство для сбора информации и что наиболее вероятное место нахождения этого агентства – Земля. В конце концов это снова вывело нас на след агента X, и подозрение пало на человека по имени Джек Дорренс, работающего в «Акме Эйр Продактс» здесь, в Интернейшенл-Сити.

– Я не знал этого.

– Подозревались и другие. Но тут Дорренс увел частный корабль с Земли и стартовал прямо в момент аварийной блокировки. Нам повезло, что один из Советников был в Портовом Центре. Он сразу предпринял надлежащие действия и начал преследование. Когда до нас дошло сообщение о старте корабля во время блокировки взлетов, понадобилось время, чтобы выяснить, что из всех подозреваемых только Дорренс оказался без контрольного наблюдения. Он прошел мимо нас. Затем совпали несколько других моментов, и, в общем, он является агентом X. Теперь мы в этом уверены.

– Ну ладно, дядюшка Гектор. В чем беда? Он же ушел.

– Мы знаем сейчас еще одно. Он взял с собой личную капсулу, и у нас нет сомнений, что эта капсула содержит информацию, сбором которой от шпионской сети по Федерации он руководил, и он пока еще не успел вручить ее своим хозяевам. Это точно, но стоит этим сведениям попасть в руки сирийцев – и от нашей безопасности не останется и мокрого места.

– Вы сказали, что его преследовали. Его вернули назад?

– Нет. – Утомленный Главный Советник не сдержал своего раздражения. – Разве я был бы здесь, если бы

его вернули?

– А корабль, на котором он сбежал, был оборудован для совершения скачка? – неожиданно осенило Лакки.

– Нет, – закричал Главный Советник. Лицо его покраснело, и он пригладил свои густые седые волосы, как если бы они встали дыбом от ужаса при одной мысли о скачке.

Лакки тоже облегченно вздохнул. Скачок, само собой разумеется, был прыжком через гиперпространство, при этом корабль выходил из обычного пространства и затем возвращался обратно в нужную точку в космосе на расстоянии многих световых лет, и все совершалось мгновенно.

В таком корабле агент X, очень похоже, удрал бы наверняка.

– Он работал один, продолжил Конвей, – и бежал в одиночку. Вот почему ему удалось ускользнуть от нас. И корабль, который он взял, – межпланетный крейсер, управляемый одним человеком.

– А корабли, оборудованные для скачка через гиперпространство, не могут управляться одним оператором. По крайней мере, пока. Но, дядюшка Гектор, если он взял межпланетный крейсер, то, по-моему, ему больше ничего не нужно.

Лакки закончил умываться и стал быстро одевать-

ся. Вдруг он повернулся к Бигмену.

– А ты чего ждешь? Живо одевайся!

Бигмен, сидевший на краю кушетки, чуть не перекувырнулся, слезая с нее.

– Вероятно, существует сирианский корабль, оборудованный для скачка через гиперпространство и ожидающий этого шпиона где-то в космосе, – предположил Лакки.

– Возможно. И корабль у него быстрый, так что мы не можем поймать его или даже приблизиться на расстояние выстрела. И остается...

– ..."Метеор". Я понял вас, дядюшка Гектор. Буду на «Метеоре» через час, и Бигмен со мной, если конечно он успеет натянуть свою одежду. Только дайте мне координаты местонахождения и курс преследующих кораблей и данные для идентификации корабля агента X, и мы отправляемся в путь.

– Хорошо. – Изможденное лицо Конвея немного просветлело. – И, Дэвид, – он употребил настоящее имя Лакки, как всегда в моменты душевного волнения, – ты будешь осторожен?

– Вы попросили об этом людей на десяти других кораблях тоже, дядюшка Гектор? – усмехнулся Лакки, но голос его был мягким и нежным.

Бигмен один сапог уже натянул, другой – держал в руке. Он любовно похлопал маленькую кобуру, встро-

енную на бархатной поверхности ненадетого сапога.

– Отправляемся, Лакки? – Огонек энтузиазма горел в его глазах, и его маленькое плутоватое лицо сморщилось в свирепой ухмылке.

– Мы в пути, – сказал Лакки и взъерошил песочные волосы Бигмена. – Сколько времени мы ржавели на Земле? Шесть недель? Ну, это достаточно долго.

– Еще бы, – весело согласился Бигмен и натянул второй сапог.

Они миновали орбиту Марса, прежде чем установили нормальную эфирную связь с преследующими кораблями, используя при этом секретный шифр.

Отозвался Советник Бек Вессилевски с корабля «Гарпун».

– Лакки! – прокричал он. – Ты присоединяешься к нам? Превосходно! – Он ухмыльнулся с экрана и подмигнул: – Не покажешь ли кабину, чтобы глянуть на Бигменовскую страшную рожу? Или его нет с тобой?

– Я с ним, – заревел Бигмен, бросаясь между Лакки и экраном. – Думаешь, Главный Советник Конвей позволил бы этому балбесу куда-нибудь отправиться без меня? А кто будет присматривать, чтобы он не запутался в своих длинных ногах?

Лакки приподнял Бигмена и, несмотря на его протест, зажал у себя под мышкой.

– Кажется, связь с помехами, Весс, – сказал он. –

Каково местонахождение корабля, за которым мы следуем?

Весс, становясь серьезным, сообщил данные:

– Это корабль «Космическая ловушка». Он частного владения, с законной регистрацией производства и продажи. Агент Х, должно быть, купил его под фиктивным именем и давно подготовил на крайний случай. Это отличный корабль, и он все увеличивает скорость. Мы отстаем.

– Каковы его силовые возможности?

– Мы это уточняем. Мы проверили заводскую документацию судна. В случае, если он выжмет все возможное из двигателей, корабль не сможет лететь с максимальной скоростью и придется либо уменьшить тягу двигателей, либо в жертву приносится маневренность при достижении места назначения. Мы рассчитываем загнать его именно в такую неприятную ситуацию.

– Однако, по-видимому, у него пока есть некоторый смысл увеличивать тягу двигателей корабля.

– Вероятно, – согласился Весс, – но даже если так, он не может это делать до бесконечности. Меня беспокоит, что он может ускользнуть от наших масс-детекторов, перескочив за астероиды. Если он использует разрывы в поясе астероидов, мы потеряем его.

Лакки знал эту уловку. Двигайся так, чтобы асте-

роид находился между тобой и преследователем, и масс-детекторы преследователя скорее обнаружат астероид, чем корабль. Когда в зоне досягаемости окажется второй астероид, корабль перемещается от одного к другому, оставляя преследователя со всеми его приборами привязанным к первой глыбе.

– Он движется слишком быстро, чтобы маневрировать, – заметил Лакки. – Ему потребовалось бы полдня, чтобы снизить скорость.

– Понадобилось бы чудо, – искренне согласился Весс, – но чудо уже то, что мы сели ему на хвост, поэтому я почти жду, что другое чудо сведет на нет первое.

– Что было первым чудом? Шеф что-то говорил об аварийной блокировке.

– Да, это так. – И Весс подробно изложил историю, но это не заняло много времени. Дорренс, или агент X (Весс назвал его тем и другим именем), ускользнул из-под наблюдения, использовав аппарат, который исказил поисковый радиосигнал, тем самым сделав его бесполезным. (Аппарат был обнаружен, но фабричные клейма на нем были оплавлены, и даже невозможно было определить, был ли он сирийского производства.)

Он добрался до корабля «Космическая ловушка» без хлопот и приготовился взлететь: протонный мик-

рореактор был активирован, двигатель и средства управления проверены, сверху чистое пространство – и тут в стратосфере появился с трудом двигающийся грузовой корабль, поврежденный метеоритом и не имевший возможности посылать радиосообщения, отчаянно сигналивший, умоляя освободить пространство.

Был подан сигнал об аварийной блокировке. Все корабли в порту были тут же задержаны. Любому кораблю на старте, если только он уже не находился в полете, предписывалось отменить взлет.

«Космической ловушке» следовало отменить взлет, но она этого не сделала. Лакки Старр догадывался, какие чувства должен был испытывать на борту агент X. Он владел новейшей информацией о Солнечной системе и каждая секунда была на счету. Он не мог полагаться на то, что пройдет достаточно много времени, прежде чем Совет будет у него на хвосте. Отмени он свой взлет, и время задержки трудно предсказать. Пока еще поврежденный грузовой корабль медленно опустится, и машины «скорой помощи» примут членов экипажа и возможных пассажиров... Потом, когда взлетное поле снова освободят, понадобится реактивация микрореактора и повторная контрольная проверка. Нет, он не мог позволить себе задержку.

Итак, его реактивный двигатель выбросил струю, и он стартовал.

И все же агент X смог ускользнуть. Звучал сигнал тревоги, полиция порта посылая отчаянные призывы «Космической ловушке», но именно Советник Вессилевски, служивший постоянной помехой в Портовом Центре, предпринял надлежащие меры. Он сыграл свою роль в поиске агента X, и теперь, когда корабль стартовал в нарушение аварийной блокировки, он вызвал его подозрение. Конечно, поступок капитана корабля был слишком отчаянным, привлекающим внимание, чтобы предположить, что в космос взлетел агент X, но Вессилевски начал действовать.

Опираясь на авторитет Совета Науки, власть которого уступала разве только что прямым распоряжениям Президента Земной Федерации, он приказал вывести корабли в космос, связался со штаб-квартирой Совета и возглавил погоню на «Гарпуне». Он был уже несколько часов в космосе, прежде чем Совет осознал ситуацию. И вскоре пришло сообщение, что Вессилевски действительно преследует агента X и что к нему присоединятся другие корабли.

– Ты сделал все, что мог, Весс. И как следует. Хорошая работа, – одобрил Лакки действия Советника.

Весс ухмыльнулся. Советники обычно избегают рекламы и внешних атрибутов славы, но одобрение то-

варищей всегда принималось с удовольствием.

– Я двигаюсь дальше, – передал Лакки. – Пусть один из ваших кораблей поддерживает со мной масс-контакт.

Он выключил визуальный контакт, и его сильные, мускулистые руки почти нежно легли на рычаги управления его корабля – «Метеора», во многих отношениях самого лучшего корабля в космосе.

«Метеор» имел самые мощные протонные микро-реакторы, какие только возможно установить на корабле такого размера; реакторы мощностью почти достаточной для выполнения скачка через гиперпространство. Корабль имел ионный привод, который устранял значительную часть нежелательных эффектов ускорения посредством воздействия одновременно на все атомы на борту корабля, в том числе и на те, из которых состояли живые тела Лакки и Бигмена. Он даже имел аграв-устройство, недавно изобретенное и пока экспериментальное, которое позволяло маневрировать в сильных гравитационных полях больших планет. И сейчас могучие двигатели «Метеора» ровно, монотонно, чуть слышно жужжали, и Лакки почувствовал легкое давление обратной тяги, которая возникала при неполной компенсации ионным приводом. Корабль рвался в дальние пределы Солнечной системы – быстрее, быстрее, еще быстрее...

И все же агент X сохранял лидерство, «Метеор» сокращал расстояние между ними слишком медленно. Когда основной массив пояса астероидов остался далеко позади, Лакки проговорил:

– Похоже, дело плохо, Бигмен.

– Мы же запросто достанем его, Лакки, – удивился Бигмен.

– Я имею в виду то, куда он держит курс. Я был уверен, что его поджидает сирианский корабль-матка, чтобы подобрать его и совершить скачок к дому. Но такой корабль мог бы находиться вне плоскости эклиптики или прятаться в поясе астероидов. В обоих случаях вероятность его обнаружения невелика. Но агент X остается в эклиптике и движется за астероидами.

– Может, он просто пытается замотать нас, перед тем как направиться к кораблю?

– Может быть, – согласился Лакки, – а может, сирианцев база на внешних планетах.

– Ну ты даешь, Лакки. – Маленький марсианин зашелся в смехе. – Прямо у нас под носом?

– Иногда именно под самым носом и трудно угледеть. Во всяком случае, его курс лежит прямо на Сатурн.

Бигмен сверился с компьютерами, которые непрерывно следили за курсом корабля агента X.

– Смотри, Лакки, – заметил он, – парень до сих пор на баллистическом курсе. Он не трогал свои двигатели на протяжении двадцати миллионов миль. Возможно, у него кончилась энергия.

– А возможно, он сберегает свою энергию для маневров в системе Сатурна. Там сильное гравитационное поле. По крайней мере, я *надеюсь*, что он сбережет энергию. Я *надеюсь наэто*. – Худощавое, красивое лицо Лакки помрачнело, губы плотно сжались.

– Но, Лакки, почему ты беспокоишься за его энергию?! – изумился Бигмен.

– Потому что, если существует сирийская база в системе Сатурна, нам нужно, чтобы агент X привел нас к ней. У Сатурна один гигантский спутник весьма солидных размеров и множество осколочных сателлитов. Надо узнать точно, где находится база сирийцев.

– Вряд ли наш приятель настолько туп, чтобы повести нас туда. – Нахмурил брови Бигмен.

– Или позволить нам поймать его... Бигмен, просчитай-ка его курс вперед до точки пересечения с орбитой Сатурна.

Бигмен выполнил указание. Для компьютера это была обычная работа.

– А как насчет положения Сатурна в момент пересечения? Далеко ли будет Сатурн от корабля агента

Х? – поинтересовался Лакки.

После короткой паузы, необходимой для получения данных об орбите Сатурна из таблиц эфемерид, Бигмен ввел их в компьютер. Несколько секунд работы вычислителя, и вдруг Бигмен в тревоге вскочил на ноги:

– Лакки! О пески Марса!

Лакки не нуждался в деталях.

– Итак, агент Х решил не приводить нас к сирийской базе. Если он будет следовать точно баллистическому курсу, как сейчас, он ударится в сам Сатурн – и безусловно погибнет.

3. Смерть в кольцах

С каждым часом все меньше оставалось сомнений в этом. Даже экипажи преследующих беглеца сторожевых кораблей, находившихся далеко позади «Метеора», слишком далеко для того, чтобы достаточно точно определить местоположение при помощи своих масс-детекторов, были обеспокоены.

Советник Вессилевски связался с Лакки Старром.

– О Лакки, куда он движется?

– Кажется, на Сатурн.

– Думаешь, на Сатурне его ждет корабль? Я знаю, он имеет тысячи миль атмосферы с давлением в миллион тонн, и без аэродвигателей они бы не смогли... Лакки! Ты допускаешь, что у них есть аэродвигатель и пузыри силового поля?

– По-моему, он просто собирается разбиться, чтобы мы его не поймали.

– Если умереть – это все, чего он желает, – сухо проговорил Весс, – почему он не разворачивается и не нападает, чтобы вынудить нас уничтожить его и чтобы, может быть, прихватить одного-двух из нас с собой?

– Согласен, или почему не замкнуть свои двигатели, и оставить Сатурн в сотне миллионов миль в

стороне от курса? Меня беспокоит, почему он своими действиями привлекает внимание к Сатурну.

– Ну, тогда можешь ли ты его отрезать, Лакки? Космос свидетель, мы *слишком* далеко, – прервал молчание Весс.

Бигмен закричал со своего места у управляющей панели:

– Но, Весс! Если мы усилим ионный луч настолько, чтобы догнать его, мы будем двигаться слишком быстро, чтобы маневром отрезать его от Сатурна.

– *Сделай что-нибудь.*

– О космос, это разумный приказ, – съехидничал Бигмен. – Действительно полезный. «Сделай что-нибудь».

– Продолжай движение, Весс. Я что-нибудь сделаю, – спокойно отозвался Лакки.

Он выключил связь и повернулся к Бигмену.

– Он отвечает на наши сигналы, Бигмен?

– Ни слова.

– Теперь забудь об этом и сосредоточься на перехвате его луча связи.

– Не думаю, что он использует его, Лакки.

– Он может использовать его в последнюю минуту. Ему нужно будет воспользоваться этим шансом, в том случае, конечно, если ему есть что сказать. А пока мы атакуем его.

– Как?

– Ракетой. Просто маленький снарядик величиной с горошину, – и Лакки склонился над компьютером. Пока «Космическая ловушка» двигалась по известной им орбите, сложных вычислений не требовалось, чтобы направить дробинку в надлежащий момент с соответствующей скоростью для удара в убегающий корабль.

Лакки подготовил пулю. Она не предназначалась для взрыва. Она была только четверть дюйма в диаметре, но энергия протонного микрореактора выбросит ее со скоростью пятисот миль в секунду. Ничто в космосе не снизит этой скорости, и пуля пройдет через корпус «Космической ловушки», как сквозь масло.

Однако Лакки рассчитывал вовсе не на это. Пуля должна оказаться достаточно большой, чтобы ее обнаружили масс-детекторы намеченной жертвы. «Космическая ловушка» автоматически изменит курс, чтобы уйти от пули, и это собьет ее с прямого курса к Сатурну. Время, потраченное агентом X на вычисление нового курса, позволит «Метеору» подойти ближе и применить магнитный захват.

Все это давало некоторый шанс, возможно, ничтожно малый, но, казалось, другого варианта действий нет. Лакки нажал контакт. Пуля удалась в беззвучной вспышке, и стрелки корабельного масс-детектора

прыгнули, затем, когда пуля удалась, быстро успокоились.

Лакки вернулся в свое кресло. Пуле понадобилось два часа, чтобы коснуться (или почти коснуться) цели. Ему пришло в голову, что у агента X, может быть, совсем иссякла энергия, что автомат может выдать команду на изменение курса, которая не сможет быть исполнена, что пуля пробьет, возможно, взорвет корабль, и в любом случае оставит его курс неизменным – на Сатурн.

Он почти сразу прогнал эти мысли. Было бы невероятным предположение, что агент X истратил остаток энергии в тот момент, когда его корабль взял курс, явно ведущий к столкновению с планетой. Гораздо более вероятно, что часть энергии все же им оставлена.

Часы ожидания были ужасны. Даже Гектор Конвей, далеко на Земле, проявлял растущее беспокойство и держал прямой контакт по субэффиру.

– Но где в Сатурнианской системе, по-твоему, может быть база? – спросил он с тревогой.

– Если она существует, – осторожно предположил Лакки. – Если то, что делает агент X, не является потрясающей попыткой ввести нас в заблуждение, тогда я бы сказал, что наиболее очевидным выбором является Титан. Это действительно большой спутник Сатурна, с втрое большей массой по сравнению с нашей

Луной и более чем в два раза большей площадью поверхности. Если сирианцы спрятались под поверхностью, то попытка перекопать весь Титан для того, чтобы их найти, заняла бы много времени.

– Трудно поверить, что они отважились бы на это. Ведь фактически – это акт войны.

– Возможно, и так, дядюшка Гектор, но совсем недавно они уже попытались основать базу на Ганимеде.

– Лакки, он перемещается! – раздался крик Бигмена.

Лакки взглянул на него в изумлении.

– Кто перемещается?

– «Космическая ловушка». Сирианский приятель.

– Я свяжусь с вами позже, дядюшка Гектор, – торопливо проговорил Лакки и выключил связь.

– Но ему же это ни к чему, Бигмен. Он же пока не обнаружил пулю.

– Посмотри и убедись, Лакки. Говорю тебе: он перемещается.

Моментально Лакки оказался у масс-детектора «Метеора». В течение долгого времени прибор показывал местоположение убегающей добычи. Он был настроен на свободный полет корабля через пространство, и движущийся объект на экране выглядел маленькой яркой звездочкой.

Но теперь это яркое пятнышко смещалось. Оно превратилось в короткую черточку.

– О великая Галактика! Конечно же! Теперь это имеет смысл. Как я мог подумать, что его главная задача – избежать захвата? Бигмен... – В голосе Лакки чувствовалось напряжение.

– Да, Лакки. Что? – Маленький марсианин был готов ко всему.

– Нас переигрывают. Теперь мы должны уничтожить его, даже если нам самим придется врезаться в Сатурн.

Впервые с тех пор, как год назад на «Метеоре» были установлены ионно-лучевые реактивные двигатели, Лакки прибавил аварийную тягу к главному двигателю. Корабль дрогнул, когда вся несомая им энергия была превращена в мощнейший толчок реактивной силы от гигантского выброса назад, который едва не сжег корабль.

– Но что это значит, Лакки? – Напряжение передалось Бигмену.

– Он направляется к Сатурну, Бигмен. Он только использовал могучую силу его гравитационного поля, чтобы опередить нас. Теперь он срезает курс вблизи планеты, чтобы попасть на орбиту. Он направляется к кольцам. Кольцам Сатурна. – Лицо Советника было искажено от напряжения. – Продолжай следить за

этим лучом связи, Бигмен. Он должен заговорить. Теперь или никогда.

Бигмен склонился над волновым анализатором с учащенным сердцебиением, хотя не мог взять в толк, почему мысль о кольцах Сатурна так взволновала Лакки.

Пуля «Метеора» пролетела теперь мимо цели не менее чем в пятидесяти тысячах миль. Но теперь сам «Метеор» был пулей, стремящейся к месту встречи, но и он тоже пройдет мимо.

Лакки застонал.

– Мы никогда не сделаем этого. Слишком мало пространства, чтобы сделать это.

Сатурн был теперь гигантом в небе, с кольцами, пересекавшими тонким шрамом его лицо. Желтый шар Сатурна был почти полным, ибо «Метеор» мчался к нему со стороны Солнца.

И вдруг Бигмен взорвался:

– Вот как, грязный приятель! Он растворяется в кольцах, Лакки. Теперь я понимаю, что ты имел в виду, говоря о кольцах.

Он яростно трудился у масс-детектора, но, кажется, безнадежно. Стоило части колец попасть в фокус – и каждое из образующих эти кольца неисчислимых твердых тел дало свою метку-звездочку на экране. Экран стал просто-напросто белым, и «Космиче-

ская ловушка» исчезла.

Лакки покачал головой.

– Ничего страшного. Мы достаточно близко, чтобы визуально определить местоположение. Приближается, по-моему, что-то еще.

Перед Лакки, бледным и сосредоточенным, находился экран для визуального наблюдения при максимальном усилении телескопа. «Космическая ловушка» виднелась на нем крошечным металлическим цилиндром, затемненным, но не скрытым веществом колец. Отдельные частицы в кольцах были не более чем крупный гравий и вспыхивали искорками, поскольку ловили и отбрасывали свет далеко от Солнца.

– Лакки! – крикнул Бигмен. – Я поймал его луч связи... Нет, нет, подожди... фу, я поймал его.

Теперь в кабине управления звучал дребезжащий, колеблющийся голос, неясный и искаженный. Проворные пальцы Бигмена работали над дешифрирующим устройством, стараясь настроить его в соответствии с неизвестными характеристиками сирийской кодирующей системы.

Слова было исчезли, но потом слышались вновь. Повисла тишина, раздавалось лишь слабое жужжание записывающего устройства, постоянно фиксирующего все звуки.

– ... нет... напр... сюда... – Пауза в то время, когда Бигмен неистово сражался со своими детекторами. – ... на хвосте и... невозможно стряхнуть... испорчено... и я должен сообщить... колец... рна на нормальную орб... же запуш... рычаги управления вра... следую... координаты такие...

Затем все разом прекратилось – голос, помехи, треск.

– О проклятье! Что-то сломалось – чуть ли не застонал от бессилия Бигмен.

– Здесь все в порядке, – возразил Лакки. – Это на «Космической ловушке».

Он видел, как это произошло через две секунды после прекращения передачи. (Передача через суб-эфир шла с практически неограниченной скоростью. А свет, который он видел через экран, преодолевал только 186 тысяч миль в секунду.)

Он видел, как задняя часть «Космической ловушки» засветилась вишнево-красным цветом, затем раскрылась и брызнула цветком плавящегося металла.

Бигмен застал самый конец зрелища, и он, и Лакки без слов наблюдали, как под воздействием радиации все охладилось и застыло.

Лакки покачал головой.

– Вблизи колец, даже если вы находитесь вне их основной массы, в космосе больше обычного летящих с

огромной скоростью тел. Возможно, у него не хватило энергии, чтобы увести корабль с пути одного из этих кусочков. Или, может быть, два осколка вонзились в него с разных направлений. В любом случае – он был храбрым человеком и умным противником.

– Я не понял, Лакки. Что он делал?

– Ты не понял даже сейчас? Мне следовало самому сообразить это раньше. Его самой главной задачей было доставить находящуюся у него украденную информацию на Сириус. Он не рискнул использовать субэфир для передачи того, что, возможно, составляло тысячи слов информации – из-за погони и вероятного перехвата его луча. Он вынужден был максимально сократить свое послание, оставив лишь самое существенное, и проследить за тем, чтобы капсула попала в руки сирианцев.

– Как он мог сделать это?

– То, что мы поймали из его сообщения, содержит слог «орб» – вероятно, соответствующий слову «орбита», и сочетание слов «... же запущен» явно означает «уже запущен».

Бигмен крепко сжал своими маленькими пальцами запястье Лакки.

– Он запустил капсулу в кольца, так, Лакки?! Кусочек гравия среди тьмы-тьмущей других кусочков, как пыль на Луне или капля воды в океане.

– Или, – подхватил мысль Лакки, – как кусочек гравия в кольцах Сатурна, что хуже всего. Конечно, он погиб, не успев дать координаты орбиты, которую выбрал для капсулы, так что сирианцы и мы на равных, и нам бы следовало поспешить.

– Начать искать? Сейчас?

– Сейчас! Если он готов был дать координаты, зная, что я дышу ему в затылок, он также должен был знать, что сирианцы были близко к... Свяжись с кораблями, Бигмен, и передай им новости.

Бигмен повернулся к передатчику, но даже не коснулся его. Кнопка приема светилась, сигнализируя о перехвате радиоволн. Радио! Обычная радиосвязь! Очевидно, кто-то находился близко (определенно в пределах системы Сатурна) и кто-то, более того, совершенно не таился, поскольку радиосвязь, в отличие от субэфирной связи, не составляло никакого труда перехватить.

Глаза Лакки сузились.

– Давай примем, Бигмен.

Послышался голос с легким акцентом, протяжно произносивший гласные и резко, отрывисто – согласные. Это был голос сирианца.

– ... себя, прежде чем мы вступим в схватку с вами и возьмем вас под стражу. У вас есть четырнадцать минут, чтобы подтвердить прием. – И снова после минут-

ной паузы. – Властью Центрального Тела вам приказывают назвать себя, прежде чем мы вступим в схватку с вами и возьмем вас под стражу. У вас есть четырнадцать минут, чтобы подтвердить прием.

– Прием подтверждается. Это «Метеор» Земной Федерации, мирно выходящий на орбиту в пространстве Земной Федерации. Никакой другой власти, помимо власти Федерации, не существует в этом пространстве, – холодно откликнулся Лакки.

Прошла секунда или две тишины (радиоволны распространяются всего лишь со скоростью света), и голос резко возразил:

– Власть Земной Федерации не признается в мире, колонизированном людьми Сириуса.

– Что это за мир? – поинтересовался Лакки.

– Необитаемая Сатурнианская система была взята во владение от имени нашего правительства по межзвездному закону, который присуждает любой необитаемый мир тем, кто колонизирует его.

– Не любой необитаемый мир. Любую обитаемую звездную систему.

Ответа не последовало. Затем голос бесстрастно проговорил:

– Вы находитесь в Сатурнианской системе, и вам предлагается немедленно удалиться. Любая задержка приведет к тому, что мы возьмем вас под стражу.

Все последующие корабли Земной Федерации, заходящие на нашу территорию, будут взяты под стражу без дополнительного предупреждения. Ваше продвижение за пределы Сатурнианской системы должно начаться не позднее чем через восемь минут, или мы предпримем соответствующие действия.

Бигмен, с лицом, искаженным от яростного веселья, прошептал:

– Давай достанем их, Лакки. Давай покажем им, как старый «Метеор» может драться.

Но Лакки, не обращая на него внимания, спокойно передал по радио:

– Ваше замечание принято во внимание. Мы не признаем сирийскую власть, но мы сами принимаем решение уйти и сейчас так поступим.

Бигмен был потрясен.

– О, Лакки! Неужели мы собираемся бежать от компании сирийцев? Неужели мы собираемся оставить эту капсулу в кольцах Сатурна, чтобы сирийцы спокойно подобрали ее?

– Прямо сейчас, Бигмен, мы должны это сделать. – Лицо Лакки побледнело и напряглось, но что-то в его глазах совсем не соответствовало тому, что должно быть в глазах отступающего человека. Все, что угодно, только не это.

4. Между юпитером и сатурном

Самым старшим по званию офицером в преследующей эскадре (не считая, разумеется, Советника Вессилевски) был капитан второго ранга Майрон Бернольд. Ему не было еще и пятидесяти, а по своему телосложению он выглядел на десять лет моложе. Волосы его уже седели, но брови были все еще первоначального черного цвета, и тщательно выбритый подбородок отливал синевой.

Он пристально смотрел на гораздо более молодого Лакки Старра с явным презрением.

– И вы отступили?

«Метеор», взявший курс обратно по направлению к Солнцу, встретил корабли эскадры приблизительно на полпути между орбитами Юпитера и Сатурна Лакки перешел на борт флагманского корабля.

– Я сделал все необходимое, – спокойно ответил ему Лакки.

– Когда враг вторгается в нашу родную систему отступление невозможно просто-напросто. Вы должны были хоть лопнуть, но найти время предупредить и мы прибыли бы, чтобы заменить.

– С каким количеством энергии, оставшейся в ваших микрореакторах, капитан?

Капитан вспыхнул.

– Это не имело бы значения, если бы взорвали космос. Но перед этим мы предупредили бы об опасности родную базу.

– И начали войну?

– Они начали войну. Сирианцы... Я собираюсь сейчас двинуться на Сатурн и атаковать.

Мускулистая фигура Лакки напряглась. Он был выше, чем капитан, и его хладнокровный взгляд не дрогнул.

– Как старший Советник Совета Науки, капитан, я выше вас по званию, и вы знаете это. Я не отдам распоряжения атаковать. Мой приказ – вернуться на Землю.

– Я бы скорее... – Капитан явно боролся со своим темпераментом. Его кулаки сжались. Сдавленным голосом он произнес: – Могу я спросить о причине такого приказа, сэр? – С иронией он сделал особое ударение на уважительном обращении. – Если, сэр, вы были бы так добры раскрыть те убедительные основания, которые у вас, безусловно, есть, сэр. Мое собственное понимание базируется на небольшой традиции флота. На традиции, сэр, что флот никогда не отступает, сэр.

– Если вы хотите мои объяснения, капитан, сядьте, и я их вам изложу. И не говорите мне, что флот не

отступает. Отступление – это часть военных маневров, и офицер, который скорее позволил бы уничтожить свои корабли, чем отступить, не может быть командующим. Полагаю, в вас говорит только ваш гнев. Теперь, капитан, готовы ли мы начать войну?

– Я сказал вам, что они уже начали. Они вторглись в Земную Федерацию.

– Не совсем точно. Они заняли необитаемый мир. Беда в том, капитан, что скачок через гиперпространство сделал путешествие к звездам таким простым, что земляне колонизировали планеты других звезд задолго до колонизации более удаленных частей нашей собственной Солнечной системы.

– Граждане Земной Федерации высадились на Титане. В году...

– Мне известно о полете Джеймса Френсиса Хогга. Он высадился также на Оберон в системе Урана. Но это была лишь дальняя разведка, а не колонизация. Система Сатурна осталась необитаемой, а незаселенный мир принадлежит первой группе, которая колонизирует его.

– Если, – мрачно проговорил капитан, – эта необитаемая система планеты является частью необитаемой звездной системы. Сатурн не является таковым, если позволите. Он является частью нашей Солнечной системы, которая, клянусь завывающими чертя-

ми космоса, обитаема.

– Это так, но я не думаю, что есть какое-нибудь официальное соглашение на такой случай. Возможно, будет решение, что Сириус вправе занять Сатурн.

Капитан опустил кулак на свое колено.

– Меня не волнует, что говорят космические законники. Сатурн наш, и любой землянин, в чьих жилах течет кровь, согласится с этим. Мы вышибем сирианцев и предоставим нашему оружию утвердить закон.

– Но это как раз то, на что Сириус нас толкает!

– Тогда дадим ему то, что он хочет.

– Нас обвинят в нападении... Капитан, среди звезд находятся пятьдесят миров, которые никогда не забывают, что они когда-то были нашими колониями. Мы дали им свободу без войны, но они забывают это. Они только помнят, что мы все еще самый населенный и самый развитый из всех миров. Если Сириус закричит, что мы совершили неспровоцированную агрессию, то он объединит их всех против нас. Именно по этой причине он сейчас и пытается спровоцировать нашу атаку, и именно по этой причине я отказался от подобного приглашения и ушел.

Капитан прикусил нижнюю губу и хотел было ответить, но Лакки продолжал:

– С другой стороны, если мы ничего не сделаем, мы можем обвинить сирианцев в агрессии, и мы раско-

лем общественное мнение во внешних мирах. Мы можем использовать это и склонить их на нашу сторону.

– Внешние миры на нашу сторону?

– Почему нет? Не существует звездной системы, которая не имела бы сотен необитаемых миров разной величины. Они не захотят создавать прецедент, который подталкивал бы каждую систему вторгаться в любую другую систему для создания баз. Наибольшая опасность заключается в том, что мы обратим их в оппозицию к нам, если план действия будет выглядеть так, что мы, могущественная Земля, подавляем своим авторитетом наши бывшие колонии.

Капитан поднялся со своего кресла и промерил большими шагами помещение, затем вернулся к Лакки и сказал:

– Повторите ваш приказ.

– Но вы понимаете причину моего отступления?

– Да. Могу я получить приказ?

– Отлично. Я приказываю вам вручить эту капсулу с моим донесением, которую я сейчас вам дам, Главному Советнику Конвею. Вы не должны обсуждать все, что произошло во время этой погони с кем бы то ни было еще как по субэффиру, так и любым другим способом. Вы не должны предпринимать никаких враждебных действий – повторяю, никаких враждебных действий – против любых сирийских сил, если только не

будете непосредственно атакованы. И если вы сойдете с вашего пути, чтобы встретить такие силы или если вы умышленно спровоцируете нападение, то вы будете судимы военным трибуналом и признаны виновным. Все ясно?

Капитан стоял с застывшим лицом. Его одеревеневшие губы с трудом выталкивали слова.

– При всем уважении к вам, сэр, не сочтет ли Советник возможным принять командование моими кораблями и самому передать послание?

Лакки Старр слегка пожал плечами.

– Вы очень упрямы, капитан, и я даже восхищаюсь вами. Бывают моменты в бою, когда такое упорство может быть полезно... У меня нет возможности передать это послание, поскольку моим намерением является вернуться на «Метеор» и снова стартовать к Сатурну.

Суровая неприязнь мигом слетела с лица капитана.

– Что?! Что вы сказали?!

– Думаю, что я ясно выразился, капитан. Я кое-что оставил там недоделанным. Моей первой задачей было позаботиться о том, чтобы Земля была предупреждена об ужасной политической опасности, перед лицом которой мы стоим. Если вы примете на себя заботу об этом предупреждении, я могу продолжать то дело, с которым я теперь связан – там, в Сатурни-

анской системе.

Капитан широко ухмыльнулся.

– Ну, тогда это другое дело. Я был бы не прочь прогуляться с вами.

– Я знаю это, капитан. Уклонение от боя – задача для вас трудная, и я прошу вас сделать это, потому что, я надеюсь, вы можете справиться с трудными задачами. Теперь я хочу, чтобы каждый из ваших кораблей передал часть своей энергии в микрореакторные установки «Метеора». Мне будут нужны и другие запасы из ваших хранилищ.

– Вам стоит только попросить.

– Очень хорошо. Я вернусь на свой корабль и попрошу Советника Вессилевски сопровождать меня.

Он коротко попрощался с теперь совершенно дружественным капитаном, и затем Советник Вессилевски присоединился к нему, когда Лакки вошел в переходную трубу, извивающуюся змеей между флагманским кораблем и «Метеором».

Труба между кораблями вытянулась почти на всю свою длину, и потребовалось несколько минут, чтобы преодолеть расстояние между кораблями по трубе. Она была без воздуха, но два Советника могли легко поддерживать контакт между скафандрами: звуковые волны распространялись по металлу, и голоса звучали, хотя и пронзительно, но достаточно отчетливо. В

конце концов, никакая другая форма связи так не совершенна в смысле конфиденциальности, как звуковые волны на коротком расстоянии, поэтому именно в трубе Лакки имел возможность коротко поговорить со спутником.

Наконец Весс, слегка изменив тему, сказал:

– Послушай, Лакки, если сирианцы так стараются развязать конфликт, почему они позволили тебе все-таки уйти? Почему не вынудили принять бой?

– Что касается этого, Весс, то послушай-ка запись обращения сирианца. Явное отсутствие эмоций, а так же отсутствие угрозы нанесения действительно-го ущерба – только возможность магнитного захвата. Я убежден, что это был корабль, пилотируемый роботом.

– Роботы!

– Да. Судя по твоей собственной реакции, какой она была бы у Земли, если бы эта затея удалась. Факт состоит в том, что эти корабли, пилотируемые роботом, не могут причинить никакого ущерба кораблям, пилотируемым человеком. Первый Закон робототехники – ни один робот не может причинить вред человеку – предотвратил бы это.

И это только увеличивает опасность. Если бы я атаковал – а этого они, вероятно, ожидали от меня, – сирианцы бы утверждали, что я совершил смертонос-

ное и неспровоцированное нападение на беззащитное судно. А внешние миры понимают истины робототехники еще лучше, чем Земля. Нет, Весс, единственный способ воспрепятствовать им – это уйти, что я и сделал.

Тем временем они подошли к воздушному шлюзу «Метеора». Бигмен ждал их. На его лице появилась ухмылка облегчения, как всегда при встрече с Лакки даже после краткой разлуки.

– Эй! Вот это да! Ты не выпал из трубы между кораблями в конце концов и... Что здесь делает Весс?

– Он отправляется с нами, Бигмен.

Маленький марсианин выглядел недовольным.

– Зачем? У нас корабль для двух человек.

– Мы устроим гостя временно. А теперь нам бы лучше заняться отводом энергии с других кораблей и получением дополнительного оснащения по трубе. После чего мы готовимся к немедленному старту.

Лакки говорил твердо, резко переменяв тему разговора.

Бигмен понял: лучше не спорить.

– Так точно, – проворчал он и, бросив сердитый взгляд на Советника Вессилевски, прошагал в машинное отделение.

Весс удивился:

– Что его так терзает? Я не сказал ни слова о его

росте.

– Ну, ты должен понять малыша. Формально он не Советник, хотя фактически является таковым во всех практических делах. Хотя сам не осознает этого. Ну и значит, думает, что, поскольку ты еще один Советник, мы будем общаться без него, скрывать наши маленькие тайны от него.

– Понимаю, – кивнул Весс. – Полагаешь ли ты в таком случае, что мы расскажем ему...

– Нет, – хотя и мягко, но достаточно определенно акцентировал Лакки – Я сказал ему то, что следовало. Ты ничего не говори.

В этот момент вошел в кабину Бигмен и объявил:

– Машина впитывает энергию. – Затем перевел взгляд с одного на другого и проворчал: – О, извините, что помешал. Мне покинуть корабль, джентльмены?

– Сначала сбей меня с ног, Бигмен, – усмехнулся Лакки.

– О, парень, какая трудная задача! Ты думаешь, дополнительный слой сала поможет тебе? – С молниеносной быстротой Бигмен нырнул под руку Лакки, выброшенную в шутку по направлению к нему, и его кулаки замолотили по корпусу друга.

– Теперь чувствуешь себя лучше? – улыбнулся Лакки.

Бигмен отпрыгнул назад:

– Я попридержал удар. Не хочется, чтобы Главный Советник Конвей накричал на меня, что я больно тебя поколотил.

Лакки рассмеялся.

– Спасибо. Теперь слушай. Нужно рассчитать орбиту и отослать капитану Бернольду.

– Так точно. – Бигмен, казалось, успокоился, не осталось и следа от злости.

– Послушай, Лакки, – сказал Весс, – не хочется тебя расхолаживать, но мы не очень далеко от Сатурна. Мне кажется, сирианцы спокойно определяют наше местоположение и будут точно знать, где мы, когда мы вышли и куда летим.

– Я тоже так думаю, Весс.

– Но тогда каким образом в космосе нам незаметно покинуть эскадру, чтобы направиться к Сатурну и чтобы при этом сирианцы не узнали, где мы находимся и куда мы направляемся?

– Хороший вопрос. Мне было интересно, догадаешься лишь – как. Если даже ты не догадался, то теперь я вполне уверен, что сирианцы также не догадуются, ведь они не знают так хорошо детали нашей системы, как знаем их мы.

Весс откинулся в своем кресле пилота.

– Не темни, Лакки.

– Все очень просто. Корабли, включая наш, стар-

туют в плотном строю, так что, учитывая расстояние между сирианцами и нами, мы будем выглядеть на их масс-детекторах одним пятнышком. Мы сохраняем этот строй, летя к Земле по почти минимальной орбите, но позволяющей подойти достаточно близко к астероиду Идальго, который сейчас выдвигается к афелию.

– Идальго?

– Да, Весс, ты знаешь его. Это зарегистрированный астероид, известный с первобытных времен, еще до космических путешествий. Его особенность в том, что он выходит из пояса астероидов. В ближайшей точке он подходит к орбите Марса, а в наиболее удаленной точке он отдаляется почти до орбиты Сатурна. Теперь, когда мы будем проходить около него, Идальго также будет зафиксирован на экранах сирианских масс-детекторов, по силе, с которой будет светиться его отметка, они будут знать, что это астероид. Затем они увидят, что масса наших кораблей проходит мимо Идальго по направлению к Земле, и они не обнаружат менее чем десятипроцентного общего уменьшения в массе кораблей, которое произойдет, когда «Метеор» развернется и направится обратно от Солнца в тени Идальго. Путь Идальго вовсе не ведет прямо к нынешнему положению Сатурна, но после двух дней движения в его тени мы можем значительно удалиться от

эклиптики по направлению к Сатурну и быть уверенными в том, что нас не обнаружили.

Весс поднял свои брови.

– Надеюсь, это сработает, Лакки.

Он понял стратегию. Плоскостью, в которой располагались все планеты и маршруты коммерческих космических полетов, была эклиптика. Никто практически никогда ничего не искал значительно выше или ниже этой зоны. Логично предположить, что космический корабль, движущийся по орбите, намеченной Лакки, ускользнет от сирианских приборов. И все же на лице Весса сохранилось выражение неуверенности.

– Как ты думаешь, мы справимся с этим? – спросил Лакки.

– Может быть, и справимся, – ответил Весс. – Но даже если мы вернемся обратно... Лакки, я в этом участвую и сделаю свою работу, но позволь мне сказать один раз и больше к этому не возвращаться. Поэтому, мы уже приговорены к смерти!

5. Скольжение вдоль поверхности Сатурна

И таким образом «Метеор» пронесся бок о бок с Идальго и вдали от эклиптики взял курс снова в направлении южных полярных областей второй по величине планеты Солнечной системы.

Еще ни разу в их пока еще короткой истории космических приключений не оставались Лакки и Бигмен в космосе в течение такого продолжительного времени без перерыва. Прошел уже примерно месяц с тех пор, как они покинули Землю. И все же маленький пузырь воздуха и тепла – их «Метеор» – представлял собой частицу Земли, которая могла поддерживать сама себя в таком состоянии в течение почти неограниченного времени.

Их запаса энергии, доведенного до максимума жертвованиями других кораблей, хватило бы примерно на год, если не принимать во внимание возможное полномасштабное сражение, воздуха и воды, воспроизводимых в резервуарах с морскими водорослями, хватило бы на всю жизнь. Водоросли обеспечивали резерв пищи на тот случай, если бы кончились их обычные концентраты.

Лишь присутствие третьего человека создавало некоторое реальное неудобство. Как заметил Бигмен, «Метеор» был создан для двоих. Его необыкновенная концентрация энергии, скорости и вооружений стала возможной во многом благодаря продуманной экономии его жилых помещений.

Поэтому третьему пришлось спать на стеганом одеяле в кабине пилотов.

Лакки заметил, что некоторое неудобство компенсировалось преимуществом. Теперь можно было установить четырехчасовые дежурства у пульта управления вместо обычных шестичасовых.

На что Бигмен горячо возразил:

– Конечно, но, когда я пытаюсь заснуть на этом чертовом одеяле, а у приборов олух Весс, он делает так, что все сигнальные лампы светят мне прямо в лицо.

– Я проверяю разные аварийные сигналы, чтобы убедиться в их исправности. Таков порядок, – спокойно ответил Весс.

– И, – продолжал Бигмен, – он все время свистит. Послушай, Лакки, если он еще раз выдаст мне припев из «Моей милой Афродиты» – хоть еще раз, – я встану и обломаю ему руки и потом забью его этими обрубками до смерти.

– Весс, пожалуйста, воздержись от насвистывания припевов. Если Бигмен будет вынужден покарать те-

бя, то он зальет кровью всю пилотскую кабину, – очень серьезно предупредил Лакки.

Бигмен промолчал, но в следующий раз во время дежурства у приборов, он, направляясь к креслу пилота, умудрился наступить на кисть руки мелодично похрапывающего на одеяле Весса.

– О проклятье! – воскликнул марсианин, воздевая руки вверх и вращая глазами в ответ на свирепый вопль Весса. – А я и подумал, что это такое, под моими тяжелыми марсианскими сапогами? О, мой Весс, неужели это были твои маленькие пальчики?

– Теперь тебе лучше совсем не спать! – вопил Весс от боли. – Если ты заснешь, когда я буду у пульта, я раздавлю тебя, марсианская песчаная крыса, как клопа.

– Я так испуган, – запричитал Бигмен в притворных рыданиях, что вконец вывело из себя Лакки.

– Послушайте, – рассердился он, – любой из вас двоих, кто разбудит меня, потащится за «Метеором» в своем скафандре на конце каната весь остаток путешествия.

Но когда Сатурн и его кольца стали видны совсем близко, они все собрались в кабине пилотов. Даже если посмотреть, как обычно, со стороны экватора, Сатурн представлял собой самое красивое зрелище в Солнечной системе, а со стороны полюса...

– Если я верно помню, – сказал Лакки, – даже исследовательский полет Хогга затронул эту систему только у Япета и Титана, так что он видел Сатурн лишь со стороны экватора. Если сирианцы не видели его по-иному, то мы первые люди, когда-либо видевшие его так близко с этого направления.

Как и в случае с Юпитером, мягкое желтое свечение поверхности Сатурна в действительности было солнечным светом, отраженным от верхних слоев бурной атмосферы глубиной в тысячи или более миль. И как и в случае с Юпитером, атмосферные возмущения проявлялись в виде зоны изменяющихся цветов. Но зоны не были полосами, как представлялось с обычного экваториального угла зрения. Они образовывали концентрические окружности неяркого коричневого, более светлого желтого и пастельно-зеленого цвета вокруг сатурнианского полюса как центра.

Но даже это зрелище не шло ни в какое сравнение с кольцами. При их нынешнем удалении кольца вытянулись на угол в двадцать пять градусов в пятьдесят раз шире, чем полная Луна Земли. Внутренний край колец был отделен от планеты промежутком в сорок пять угловых минут, в котором хватило места для довольно свободного размещения объекта размером с полную Луну. Кольца, окружающие Сатурн, нигде не касались его поверхности. Так, во всяком случае, ви-

делось с «Метеора». Они были видны на три пятых своей окружности, остальное же резко обрезалось тенью Сатурна. На трех четвертях пути к наружному краю кольца находился черный промежуток, известный как деление Кассини. Он был шириной около пятнадцати минут, плотная полоска черноты, разделяющая кольца на две светлые части неравной ширины. Во внутренней кромке колец – мерцающая россыпь сверкающих искорок, так называемая траурная каемка.

Общая площадь колец в восемь раз превышала площадь шара Сатурна. Более того, кольца были явно ярче, чем сам Сатурн, так что в целом, по крайней мере, девяносто процентов света, доходящего к ним от планеты, шло от ее колец. Количество света, достигавшего их, было примерно в сто раз большим, чем от полной Луны.

Даже Юпитер, каким он видится со столь поразительно близкой Ио, нельзя было сравнить с этим. Когда Бигмен в конце концов заговорил, с его губ сорвался лишь шепот:

– Лакки, как получается, что кольца такие яркие? Сам Сатурн выглядит тускло. Это не оптическая иллюзия?

– Нет, это реальность. Сатурн и кольца получают от Солнца одинаковое количество света, но отражают

вовсе не одинаковое. То, что мы видим исходящим от Сатурна, это свет, отраженный от атмосферы, состоящей в основном из водорода и гелия плюс немного метана. Она отражает около шестидесяти трех процентов света, падающего на нее. Кольца, в основном твердые глыбы льда, посылают обратно как минимум восемьдесят процентов, что делает их значительно более яркими. Глядеть на кольца – все равно что глядеть на снег.

– И нам нужно найти одну снежинку на снежном поле, – посетовал Весс.

– Но черную снежинку, – взволнованно проговорил Бигмен. – Послушай, Лакки, если все частицы кольца – лед, а мы ищем капсулу, которая представляет собой металл...

– Полированный алюминий, – уточнил Лакки, – отразит даже больше света, чем лед. Он будет просто слепящим.

– Ну, тогда, – Бигмен в отчаянии посмотрел на кольца, находившиеся в полумиллионе миль отсюда, но все столь огромные даже на таком расстоянии, – это дело безнадежное.

– Посмотрим, – проговорил Лакки уклончиво.

Бигмен сидел за пультом управления, регулируя орбиту короткими бесшумными вспышками ионного двигателя. Великолепно отлаженные приборы управ-

ления аграмом делали «Метеор» значительно более маневренным в этом столь близком к массе Сатурна пространстве, чем любой сирианский корабль.

Лакки находился у масс-детектора, который чутко прощупывал пространство в поисках какого-либо предмета, фиксируя его местонахождение посредством измерения его отклика на гравитационную силу корабля, если он был мал, или влияния его гравитационной силы на корабль, если он был велик.

Весс только что проснулся и вошел в кабину пилота, где царили тишина и напряженность в эти минуты снижения к Сатурну. Бигмен наблюдал за лицом Лакки краешком глаза.

Лакки все более погружался в свои мысли и становился менее общительным по мере того, как приближался Сатурн.

– Не думаю, что тебе следует так потеть над масс-детектором, Лакки, – прервал молчание Весс. – Здесь не будет кораблей. Мы встретим корабли тогда, когда опустимся к кольцам. Возможно, даже много. Сирианцы тоже будут искать капсулу.

– Согласен, поскольку так оно и есть.

– Может быть, – мрачно проговорил Бигмен, – эти приятели уже нашли капсулу.

– Даже это возможно, – согласился Лакки.

Они теперь разворачивались, начиная движение

вдоль окружности шара Сатурна, сохраняя дистанцию в восемь тысяч миль от его поверхности. Дальняя часть колец (или, по крайней мере, часть, которая была освещена Солнцем) незаметно сливалась с Сатурном, так как их внутренняя кромка спряталась за гигантской выпуклостью.

У колец, которые ближе к планете, внутренняя траурная каемка более заметна.

– Ты знаешь, я не вижу края этого внутреннего кольца, – удивился Бигмен.

– Возможно, края и нет. Самая внутренняя часть основных колец находится всего лишь в шести тысячах миль над видимой поверхностью Сатурна, а атмосфера Сатурна может простираться на это расстояние, очень даже миролюбиво отозвался Весс.

– Шесть тысяч миль!

– Очень разреженная, но достаточно плотная для того, чтобы создавать трение для самых ближних кусков гравия и заставлять их кружить ближе к Сатурну. Те, которые продвигаются ближе, образуют траурную кайму. Чем ближе они движутся, тем больше трение, так что они вынуждены двигаться еще ближе. Вероятно, частицы находятся на всем пути вниз, к Сатурну, причем часть из них сгорает, попадая в более плотный слой атмосферы.

– Значит, кольца не будут существовать вечно, – за-

метил Бигмен.

– Вероятно, нет. Но они будут существовать еще миллионы лет. Достаточно долго для нас. – Весс помолчал и мрачно добавил – Слишком долго.

– Я покидаю корабль, джентльмены, – прервал их Лакки.

– Зачем? – закричал Бигмен.

– Хочу посмотреть снаружи, – коротко ответил Лакки, натягивая скафандр.

Бигмен бросил быстрый взгляд на автоматическое записывающее устройство масс-детектора. Ни одного корабля в космосе. Лишь редкие изломы линии, но ничего существенного. Да еще дрейфующие метеориты, разбросанные повсюду в Солнечной системе.

– Займи место у масс-детектора, Весс. Пусть он все время работает. – Лакки надел шлем и защелкнул его. Он проверил измерительные приборы на груди, давление кислорода и двинулся к воздушному шлюзу. Его голос теперь раздался из маленького радиоприемника на панели управления. – Я буду использовать магнитный канат, так что не делайте внезапных выбросов энергии.

– Когда ты снаружи? Думаешь, я сумасшедший? – возмутился Бигмен.

Лакки появился в поле зрения у одного из иллюминаторов, за ним змеиными кольцами вился кабель, не

образуя в отсутствие притяжения гладкой кривой.

Маленький ручной реактор в его закованном в латы кулаке выстрелил маленькой реактивной струей, ставшей в слабом солнечном свете едва видимым облаком крошечных ледяных частиц, которое рассеялось и исчезло. Лакки, по закону действия и противодействия, переместился в обратном направлении.

– Как ты думаешь, что-то неладно с кораблем? – спросил Бигмен.

– Если это так, – ответил Весс, – то на панели управления ничего не видно.

– Тогда чем занимается большой начальник?

– Я не знаю.

Но Бигмен бросил на Советника подозрительный, свирепый взгляд, затем повернулся снова, чтобы следить за действиями Лакки.

– Если ты думаешь, – проворчал он, – что так как я не являюсь Советником...

– Может, он просто захотел побыть несколько минут вне пределов досягаемости твоего голоса, Бигмен, – пошутил Весс.

Масс-детектор в автоматическом режиме методично прощупывал пространство вокруг них, градус за градусом, при этом экран становился чисто-белым всякий раз, когда он продвигался слишком далеко в сторону Сатурна.

– Я хочу, чтобы что-нибудь произошло, – вдруг заявил Бигмен, как бы стряхивая с себя уныние от слов Весса.

И что-то произошло.

Весс, вернувшись взглядом к масс-детектору, увидел подозрительный всплеск на записывающем устройстве. Он быстро зафиксировал на нем прибор, подключил вспомогательные обнаружители и следил за ним в течение двух минут.

– Это корабль, Весс, – взволнованно сказал Бигмен.

– Похоже, – неохотно согласился Весс.

Одинокая масса могла означать большой метеорит, но здесь был также выброс энергии, который мог исходить только из микрореакторных двигателей корабля; энергии именно того вида и именно в тех количествах. Это так же хорошо идентифицировалось, как отпечатки пальцев. Любой мог даже обнаружить некоторые отличия от структуры энергии, вырабатываемой земными кораблями, и безошибочно установить, что этот объект – сирианский корабль.

– Он направляется к нам, – заметил Бигмен.

– Не прямо. Вероятно, он не отваживается рисковать в условиях гравитационного поля Сатурна. Все же он медленно приближается и примерно через час сможет установить против нас заграждение... Чему, о

космос, ты так радуешься, ты, марсианский фермач?

– Разве не ясно, ты, ком сала? Это объясняет, почему Лакки там, снаружи. Он знал, что приближается корабль, и он ставит ловушку для него.

– Как, о космос, он мог узнать, что приближается корабль? – изумился Весс. – Еще десять минут назад не было никаких показаний масс-детектора. Он не был даже сфокусирован в нужном направлении.

– За Лакки не беспокойся! У него есть способ узнать. – Бигмен, довольный, ухмылялся.

Весс пожал плечами, подвинулся к панели управления и позвал в передатчик:

– Лакки! Ты слышишь меня?

– Конечно, я тебя слышу, Весс. Что случилось?

– В зоне досягаемости масс-детектора сирианский корабль.

– Как близко?

– Около двухсот тысяч, и приближается.

Бигмен, наблюдавший в иллюминатор, заметил вспышку ручного реактора Лакки, и ледяные кристаллы вихрем закружились прочь от корабля. Лакки возвращался.

– Я вхожу, – предупредил он.

Бигмен заговорил сразу же, как только Лакки снял с головы шлем и открылись коричневая копна волос и ясные карие глаза.

– Ты ведь знал, что приближается корабль, не так ли, Лакки?

– Нет, Бигмен. И мысли не было. Не понимаю, каким образом они обнаружили нас так быстро. Возникает слишком много вопросов, чтобы считать простым совпадением появление сирийцев в этом районе.

Бигмен постарался скрыть свою досаду.

– Хорошо, в таком случае не разнести ли нам его в космосе, Лакки?

– Не стоит вновь себя подвергать опасным политическим последствиям, возможным после нашего нападения. Кроме того, на нас возложена определенная миссия, а это более важно, чем игры в войну с другими кораблями.

– Я понимаю, – прервал его нетерпеливо Бигмен. – Существует капсула, которую нам нужно найти, но...

Марсианин удрученно покачал головой. Капсула есть капсула, он понимал ее значимость. Но ведь и хороший бой – это хороший бой, и политические аргументы Лакки об опасности агрессии к нему не относятся, если все равно будет развязана война.

– Что мне делать в таком случае? – буркнул он. – Держаться прежнего курса?

– И ускорить движение. Направиться к кольцам.

– Если мы так поступим, то они направятся туда вслед за нами.

– Совершенно верно. У нас начнется состязание.

Бигмен медленно вернулся к контрольному пункту, и протонный распад в микрореакторе пошел с невероятной силой.

Корабль понесся вдоль выпуклого изгиба Сатурна.

Сразу же под ударами радиоволн ожил приемный фиск.

– Мы вступим в активный контакт с ними? – спросил Бигмен.

– Нет, известно, что они скажут. Капитуляция, или нас захватят магнитными щупальцами.

– Да?

– У нас сейчас только один шанс – бежать.

6. Сквозь ущелье

– Из-за одного дурацкого корабля, Лакки? – завопил Бигмен.

– Времени хватит и на бой, только попозже, Бигмен. Дело прежде всего.

– Но это означает, что мы снова покидаем Сатурн. Лакки мрачно улыбнулся.

– Не в этот раз, Бигмен. На этот раз мы создадим базу в системе этой планеты, и как можно скорее.

Корабль стремительно понесся к кольцам. Лакки отеснил Бигмена от пульта управления, став на его место.

– Появилось множество кораблей, – тревожно сообщил Весс.

– Где? К какому спутнику они ближе всего? Весс реагировал быстро.

– Они все в районе кольца.

– Хорошо, – пробормотал Лакки, – тогда мы еще поохотимся за капсулой. Сколько там кораблей?

– Вдали видны пять, Лакки.

– Между нами и кольцами есть корабли?

– Показался шестой. Мы неуязвимы, Лакки. Они слишком далеко от нас, чтобы прицельно стрелять, но, похоже, они намерены следовать за нами до тех

пор, пока мы не покинем систему Сатурна.

– Или пока наш корабль не будет уничтожен, так?

Кольца Сатурна увеличивались и наконец заполнили весь экран своей снежной белизной; корабль тем временем все быстрее мчался вперед. Лакки не сделал ни одного движения, чтобы снизить скорость.

Вдруг Бигмен подумал, что Лакки старается намеренно разбить корабль среди колец. Он непроизвольно вскрикнул:

– Лакки!

И тут кольца исчезли.

Бигмен изумился. Его руки потянулись к рукояткам управления видеоэкрана.

– Где они? Что случилось? – закричал он.

Весс, потевший над масс-детектором и с беспокойством лохмативший свои желтые волосы, бросил через плечо:

– Деление Кассини.

– Что?

– Промежуток между кольцами.

– Ох! – Шок миновал. Бигмен стал вращать окуляром смотрового люка на корпусе корабля, и снежная белизна колец постепенно снова заполнила экран. Он маневрировал еще осторожнее.

Сначала показалось одно кольцо. Затем пространство, черное пространство. Затем другое кольцо,

чуть-чуть более тусклое. Внешнее кольцо было покрыто нетолстым слоем ледяного гравия. И опять пространство между кольцами. Деление Кассини. Здесь нет гравия. Только широкая черная брешь.

– Она большая, – заметил Бигмен.

Весс вытер пот со лба и посмотрел на Лакки.

– Мы пролетим насквозь, Лакки?

Лакки не отрывал глаз от пульта управления.

– Через несколько минут, Весс, мы пройдем насквозь. Дыши спокойно и надейся.

Весс повернулся к Бигмену и быстро проговорил:

– Несомненно, брешь большая. Я тебе говорил, что она две с половиной тысячи миль шириной. Полно ангаров от кораблей, как раз то, что тебя так напугало.

– Твой голос звучит чуть-чуть нервозно для такого парня высотой в шесть футов, – произнес Бигмен. – Тебе кажется, что Лакки летит чересчур быстро?

– Смотри, Бигмен, если мне придет в голову сесть на тебя, то...

– Да в той твоей части, на какой ты сидишь, мозгов больше, чем в твоей голове, – захохотал довольный своей шуткой Бигмен.

– Через пять минут мы будем в делении Кассини, – предупредил Лакки.

Бигмен удивился и повернулся к смотровому экрану:

– Время от времени в расщелине какое-то мерцание.

– Это гравий, Бигмен, – пояснил Лакки. – Деление Кассини свободно от него в отличие от самих колец, а они на сто процентов не свободны. И если мы заде-нем один из этих кусочков на пути через...

– Один шанс из тысячи, – прервал его Весс, пожи-мая плечами.

– Один шанс из миллиона, но именно этот один шанс из миллиона пришелся на агента X в его «Кос-мической ловушке»... Мы почти у самой границы бре-ши. – Его руки уверенно лежали на рычагах управле-ния.

Бигмен глубоко вздохнул, он весь напрягся в ожида-нии удара, который расколлет корпус корабля, а может быть, и превратит протонный микрореактор в бушую-щее пламя красной энергии. По крайней мере, все за-кончилось бы до того...

– Порядок, – спокойно сказал Лакки.

Весс шумно выдохнул.

– Мы уже прошли насквозь? – удивился Бигмен.

– Конечно, мы уже прошли насквозь, глупенький марсианин, – ухмыльнулся довольный Весс. – Коль-ца всего лишь десять миль толщиной, и, как ты дума-ешь, сколько секунд требуется на преодоление всего десяти миль?

– И мы уже на другой стороне? – не верил Бигмен.

– Можешь быть в этом уверен. Постарайся найти кольца на видеоэкране.

Бигмен изменил угол обзора, посмотрел назад, затем вверх и снова вверх, захватывая большое пространство.

– Виден какой-то туманный контур.

– И это все, что ты увидишь, дружок. Теперь ты находишься на теневой стороне колец. Солнце освещает другую сторону, и свет не проникает через десятидюймовый плотный слой гравия. Скажи, Бигмен, что преподают по астрономии в марсианских школах, что-нибудь вроде – «мерцай, мерцай, маленькая звездочка»?

Бигмен медленно выпятил нижнюю губу.

– Ты знаешь, свиная башка, мне хотелось бы заполнить тебя на один сезон на марсианскую ферму. Я спустил бы с тебя шкуру и посмотрел бы, что за мясо у тебя – думаю, всего фунтов десять, и все в твоей большой ноге.

– Я по достоинству оценил бы вашу аргументацию, Весс, если бы вы с Бигменом отложили ее до лучших времен. Не проверил бы ты, что там, на масс-детекторе? Будь добр!

– Будь спокоен, Лакки. Эй, с ним не все в порядке. Насколько резко ты намерен изменить курс?

– Насколько способен корабль. Мы останемся под кольцами на таком расстоянии, на каком возможно.

Весс кивнул.

– О'кей, Лакки. Это выведет из строя их систему обнаружения.

Бигмен ухмыльнулся. Сработано превосходно. Ни один из масс-детекторов не может опознать «Метеор» из-за влияния массы колец Сатурна, а оптическое обнаружение сквозь кольца было просто невероятно.

Лакки вытянул свои длинные ноги, и мускулы на его спине плавно задвигались, когда он потянулся и нагнулся, слегка напрягая руки и плечи.

– Сомневаюсь, – сказал Лакки, – чтобы у какого-либо из сирийских кораблей хватило смелости последовать за нами через ущелье. У них нет аграва.

– О'кей, пока все хорошо. Но куда мы теперь летим? Кто-нибудь мне скажет? – спросил Бигмен.

– Нет секрета, – ответил Лакки. – Мы направляемся к Мимасу. Мы полетим, придерживаясь колец, пока не приблизимся вплотную к Мимасу насколько удастся, а тогда сделаем стремительный бросок через разделяющее нас пространство. Мимас находится всего в тридцати тысячах миль от колец.

– Мимас? Это одна из лун Сатурна, не так ли?

– Верно, – включился в разговор Весс. – Ближайшая к планете.

Их полет теперь выравнился, и «Метеор» помчался вокруг Сатурна теперь уже с запада на восток по линии, параллельной его кольцам.

Весс поудобнее уселся на плече и, ехидно улыбаясь, обратился к Бигмену.

– Не желаешь ли ты чуть-чуть заняться астрономией? Если в грецком орехе, находящемся в твоём черепе, есть хотя бы малюсенькое пространство, я могу рассказать тебе, что такое брешь в кольцах.

Любопытство и презрение боролись в душе маленького марсианина.

– Ну, давай, давай быстрее, ты, невежественный обалдуй. Давай, я послушаю твой бред.

– Не бред, – высокомерно отреагировал Весс. – Слушай и учись. Внутренние части двух колец обращаются вокруг Сатурна за пять часов. Самые удаленные их части совершают оборот за пятнадцать часов. Справа, где находится деление Кассини, материал, из которого состоит кольцо, если там что-то есть, должен двигаться по окружности со средней скоростью, совершая круг за двенадцать часов.

– Ну и что?

– Так, сателлит Мимас, к которому мы направляемся, делает оборот вокруг Сатурна за двадцать четыре часа.

– И опять же – ну и что?

– Все частицы в кольце притягиваются так или иначе спутниками, поскольку они и спутники вращаются вокруг Сатурна. Притяжение на Мимасе наибольшее, так как он ближе всего расположен к Сатурну. Обычно притяжение идет сейчас в одном направлении, а через час в другом, так что все аннулируется. Если бы в делении Кассини находился гравий и каждый второй раз он совершал свое вращение, то Мимас оказался бы на том же самом месте в небе, двигаясь в старом направлении. Часть гравия постоянно движется вперед, так что он закручивается в спираль и перемещается во внешнее кольцо; другие части гравия оттягиваются назад, так что они движутся по внутреннему кольцу. Они не остаются там, где находятся; части кольца освобождаются от частиц, и вот – ты получаешь деление Кассини и два кольца.

– Это так? – тихо спросил Бигмен. Разумом он понимал, что Весс рассказал ему все правильно. – Тогда как туда попадает какая-то часть гравия, в эту брешь? Почему он весь не переместился во внешнее кольцо к настоящему времени?

– Потому что, – ответил Весс с высокомерным видом превосходства, – некоторые частицы постоянно либо втягиваются, либо вытягиваются из-за случайного воздействия сателлитов, но ни одна из них никогда надолго не останавливается... И надеюсь, ты за-

пишешь все это, Бигмен, потому что я могу тебе позже задать несколько вопросов.

– Пошел бы ты куда подальше! – проворчал Бигмен.

Улыбаясь, Весс вновь повернулся к своему масс-детектору. Но то, что он там увидел, моментально стерло улыбку с его лица.

– Лакки!

– Да, Весс?

– Кольца нас не прикрывают.

– Что?

– Ну, посмотри сам. Сирианцы приближаются. Кольца им больше не мешают.

– Ну и ну, как же это могло случиться?

– Это нельзя считать слепым везением, ведь все восемь кораблей оказались на нашей орбите. Мы проделали поворот под прямым углом, и они изменили соответственно свою орбиту. Они, должно быть, обнаружили нас.

Лакки костяшками пальцев задумчиво потер подбородок:

– Если они это сделали, значит, они это сделали. Нет смысла обсуждать факт, что они не смогут этого сделать. Это может означать только то, что у них есть нечто, чего нет у нас.

– Никто и никогда не утверждал, что сирианцы тупицы, – заметил Весс.

– Нет, но иногда некоторые из нас действуют так, как будто наши враги – глупцы, будто весь научный прогресс сосредоточен только в умах Совета Науки и пока сирианцам не удастся узнать наши секреты, у них ничего не будет. А порой и я попадаю в такой переплет... Ну что ж, двинулись.

– Куда двинулись? – потребовал ответа Бигмен.

– Я уже сказал тебе, Бигмен, – ответил Лакки. – На Мимас. Но они прибудут туда после нас.

– Понятно. Это только означает, что мы должны лететь туда скорее, чем когда-либо... Весс, а не могут они перерезать нам путь, прежде чем мы достигнем Мимаса?

– Нет, если им не удастся ускорить свой полет, по крайней мере, в три раза, по сравнению с нашим.

– Ответно. Отдавая сирианцам должное, я не могу поверить, что у них большая мощность, чем у «Метеора». Итак, мы выполним это.

– Но, Лакки, – вмешался Бигмен, – ты сошел с ума. Давай лучше сражаться, или совсем уберемся из системы Сириуса. Мы не можем приземлиться на Мимасе.

– Извини, Бигмен, но у нас нет выбора. Мы должны приземлиться на Мимасе.

– Но они нас, несомненно, заметят. Они будут следовать за нами вплоть до Мимаса, и нам тогда придет-

ся драться, так почему же не вступить в бой теперь, когда мы с помощью аграва можем маневрировать, а они нет?

– Они не собираются следовать за нами на Мимас.

– Почему же они не последуют?

– Ну, Бигмен, мы же хотели отправиться в кольца и забрать то, что осталось от «Космической ловушки»?

– Но тот корабль взорвался.

– Вот именно.

В приборном отсеке наступило молчание. «Метеор» рванулся через пространство, медленно сворачивая в сторону от Сатурна, затем полетел быстрее, выскользнув из-под самого дальнего кольца в открытый космос. Впереди лежал Мимас, сверкающий мир, видимый в форме крошечного полумесяца. В диаметре он имел всего лишь 320 миль.

Пока еще далеко позади виднелась плотная группа кораблей сирийского флота.

Мимас увеличивался в размере. Наконец вступила в действие передняя тяга «Метеора», и корабль начал сбрасывать скорость.

Но Бигмену казалось просто невероятным, чтобы Лакки со своим космическим опытом мог так просчитаться. Он сдержанно проговорил:

– Слишком поздно, Лакки. Мы не успели снизить скорость, чтобы приземлиться. Нам необходимо пе-

рейти на спиральную орбиту, пока скорость значительно не уменьшится.

– Нет времени для вывода корабля на спираль вокруг Мимаса, Бигмен. Мы летим прямо.

– Но это невозможно! На такой скорости!

– Вот именно, на это, я надеюсь, сирианцы и не решатся.

– Но, Лакки, они будут правы.

– Не хочется это говорить, Лакки, но я согласен с Бигменом, – поддержал Весс марсианина.

– Нет времени аргументировать или объяснять, – бросил Лакки и склонился над приборами.

На видеозэкране Мимас летел на них с сумасшедшей скоростью. Бигмен облизнул враз пересохшие губы.

– Лакки, если ты думаешь, что лучше такой путь, чем сдать в плен, то о'кей. Тогда вперед. Но, Лакки, если мы намерены продолжать двигаться, не лучше ли нам завязать бой? Может, мы сумеем сначала расчитаться с одним из этих парней?

Лакки покачал головой и ничего не сказал. Его руки двигались теперь так быстро, что Бигмен не успевал уследить, что он делал. Скорость уменьшалась все еще медленно.

Внезапно Весс протянул руку, как будто хотел силой отодвинуть Лакки от приборов, но Бигмен быстро по-

ложил свою руку ему на запястье. Бигмен понимал, что они идут на верную смерть, но его безграничная вера в Лакки оставалась непоколебимой.

Они летели все медленнее, медленнее, медленнее, только этого торможения было явно недостаточно – Мимас заполнял собой уже весь видеозэкран.

Сверкнув при падении на смертельной скорости, «Метеор» врезался в поверхность Мимаса.

7.

И больше ничего.

Раздался резкий свист, столь знакомый Бигмену. Так было всегда, когда корабль проникал в атмосферу.

Атмосферу?

Но ведь это невозможно. Ни один мир, по размеру равный Мимасу, не мог обладать атмосферой. Бигмен посмотрел на Весса, который вдруг вновь сел на плед, беспомощный и бледный, но так или иначе удовлетворенный.

Бигмен шагнул к Лакки:

– Лакки...

– Не теперь, Бигмен.

И внезапно Бигмен понял то, что делал Лакки с приборами. Он манипулировал термоядерным лучом. Бигмен подбежал к видеоэкрану и направил камеру прямо вперед.

Да, теперь не оставалось никаких сомнений, он окончательно понял идею Лакки. Термоядерный луч считали самым могущественным «тепловым лучом» со времени его открытия. Он применялся главным образом как оружие ближнего боя, но, совершенно точно, никто никогда его не использовал так, как теперь

им воспользовался Лакки.

Струя дейтерия, бьющая перед носом корабля, искривилась под воздействием мощного магнитного поля, и на много миль впереди все озарилось ядерной вспышкой от мощного импульса из микрореактора. Сохранись силовой импульс хотя бы некоторое время, он обязательно должен был разрушить корабль и миллионной доли секунды было достаточно. После этого распространялась сама собой дейтериевая реакция и ужасное термоядерное пламя сжигало все, достигая трехсот миллионов градусов.

Этот пылающий шар, возникший перед поверхностью Мимаса, вонзился в тело сателлита, пробуравив в его организме туннель. В этот туннель со свистом влетел «Метеор». Парообразная субстанция Мимаса служила атмосферой, которая их окружала, помогая снизить скорость корабля, вместе с тем повышая температуру внешней обшивки корабля до опасной отметки.

Лакки посмотрел на измеритель температуры обшивки.

– Весс, добавь побольше энергии в катушки испарения.

– Для этого потребуется вся вода, какая у нас есть, – ответил Весс.

– Сделай это. Нам не нужна вода для собственного

потребления в этом море.

Вода под сильным напором пошла к внешним змеевикам из пористой керамики, в которых она испарялась, способствуя снижению температуры, возникшей от испарения. Но вода испарялась столь же быстро, сколь быстро подавалась в змеевики. Температура обшивки продолжала нарастать.

Но нарастала более медленно. Постепенно снижалась и скорость корабля, и Лакки уменьшил силу струи дейтерия и отрегулировал магнитное поле. Горящее пятно термоядерного дейтерия становилось все меньше и меньше. Свист атмосферы также уменьшился.

Наконец струя исчезла полностью, и корабль понесло вперед в твердую стену, где он продолжил свой путь, расплавляя окружающую массу своим жаром, и наконец остановился.

Только теперь Лакки сел.

– Джентльмены, – обратился он к своим коллегам. – Простите, у меня не было времени для объяснения, но решение пришло в самую последнюю минуту, и управление кораблем отняло у меня всю мою энергию. Как бы то ни было – добро пожаловать во чрево Мимаса!

Бигмен вздохнул во всю глубину легких и проговорил:

– Никогда не думал, что ты станешь использовать термоядерную струю, чтобы проложить путь летящему кораблю в недра этого мира.

– Обычно это невозможно, – сказал Лакки. – Уж так случилось, что Мимас – это особый случай. Таков и Энцеладус, следующий сателлит.

– Как это происходит?

– Они представляют собой снежные комья. Астрономы знали об этом давно, еще до космических путешествий. Их плотность меньше, чем у воды, и они отражают около восьмидесяти процентов света, который падает на них, так что вполне понятно, что они могут быть только из снега плюс чуть замерзшего аммиака, тоже не слишком плотно сбитого.

– Верно, – присоединился к разговору Весс. – Кольца – это лед, и те первые два сателлита тоже представляют собой всего-навсего скопления льда слишком удаленные, чтобы стать составной частью колец. Вот почему Мимас так легко плавится.

– Но добрая часть работы еще впереди, – заметил Лакки. – Давайте начнем.

Они оказались в настоящей пещере, образовавшейся под действием термоядерного луча, и были зажаты со всех сторон. Туннель, который они проделали, когда проникали внутрь, сжимался по мере их движения, пар конденсировался и замерзал. На масс-де-

текторе появились показатели, свидетельствовавшие о том, что они углубились почти на сотню миль от поверхности сателлита. Из-за массы льда над ними пещера даже при слабой гравитации Мимаса медленно сжималась.

«Метеор» постепенно зарывался все глубже, протыкая Мимас насквозь, подобно раскаленной проволоке, вонзенной в масло, и, когда они достигли точки в пяти милях от поверхности, они остановились и образовали кислородный пузырь.

Поскольку топливных запасов, да и запасов продовольствия и водорослей, в резервуарах хватало надолго, Весс покорно пожал плечами:

– Ну что ж, это на время станет моим домом; давайте сделаем его удобным.

Бигмен очнулся ото сна. Он скривил лицо, глянув с горьким осуждением.

– Бигмен, в чем дело? – поинтересовался Весс. – Неужели будешь скучать по мне?

– Справлюсь как-нибудь. Через два-три года я, пролетая мимо Мимаса, брошу тебе письмо. – Затем он воскликнул: – Послушай, я слышал, ты что-то говорил, думая, что я сплю без задних ног. О чем речь? Секреты Совета?

Лакки смущенно покачал головой.

– Все в свое время, Бигмен.

Позднее, когда Лакки с Бигменом остались на корабле одни, Советник сказал:

– Действительно, Бигмен, почему бы тебе не остаться здесь вместе с Вессом?

– Ну конечно. Стоит два часа побыть с ним вместе в клетке – и я разрублю его топором на части и положу на лед, чтоб сохранить для его родственников. – Затем добавил: – Ты это серьезно, Лакки?

– Вполне серьезно. То, что произойдет в дальнейшем, может быть для тебя более опасным, чем для меня.

– Да? А зачем мне эта радость?

– Если ты останешься с Вессом, то, что бы ни случилось со мной, тебя отсюда заберут в течение двух месяцев.

Бигмен попятился. Его маленький рот скривился:

– Лакки, если ты прикажешь мне остаться тут дм того, чтобы здесь что-то делать, о'кей. Я выполню это, но, когда сделаю, я хотел бы присоединиться к тебе. Но если ты хочешь просто оставить меня здесь, чтобы спасти, тогда как ты сам отправляешься навстречу опасности, мы закончим разговор. У меня с тобой нет больше дел, а без меня ты, переросший дружище, не сможешь выполнить дело, и ты знаешь, что не выполнишь его. – Марсианин быстро заморгал глазами.

– Но, Бигмен.. – начал Лакки.

– Ладно, я буду в опасности. Ты что, хочешь, чтобы я подписал бумагу, где сказано, что я беру ответственность на себя, что ты ни при чем? Хорошо. Я подпишу. Это тебя удовлетворяет, Советник?

Лакки с нежностью схватил Бигмена за волосы и подергал его голову взад-вперед.

– Да, пытаться заботиться о тебе – это все равно что черпать воду решетом.

Весс возвратился в отсек и объявил:

– Дистиллятор установлен и работает.

Вода из ледяной субстанции Мимаса вошла в резервуары «Метеора», наполняя их и заменяя ту воду, которая была использована для охлаждения корабля. Часть выделенного аммиака была тщательно нейтрализована и помещена в отсеке обшивки, где его можно было использовать в резервуарах с водорослями в качестве азотного удобрения.

И тогда они прошли в воздушный пузырь с изящно очерченными ледяными стенами и осмотрели довольно уютное помещение.

– О'кей, Весс, – наконец проговорил Лакки, крепко пожав ему руку. – По-моему, ты все устроил.

– Я сделал все, что мог, Лакки.

– Тебя заберут отсюда, примерно через два месяца, во что бы то ни стало. Тебя отсюда возьмут значительно раньше, если дела пойдут как следует.

– Ты поручил мне эту работу, – холодно произнес Весс, – и она будет сделана. Ты сосредоточишься на своем задании и заодно позаботишься о Бигмене. Следи, чтобы он не вывалился из койки и не поранился.

– Не думай, что я не понимаю вашего тайного сговора. Вы оба занимаетесь интригами и не рассказали мне... – начал возмущенный Бигмен.

– В корабль, Бигмен, – прервал его Лакки и подтолкнул марсианина вперед. Тот отчаянно сопротивлялся, пытаясь закончить свою отповедь Вессу.

– О, Лакки, – воскликнул он как только они вернулись на корабль. – Посмотри, что он сделал. Достаточно того, что ты от меня скрываешь ваши проклятые тайны Совета, но ты к тому же позволил этому обалдую оставить за собой последнее слово.

– Ему предстоит тяжелая работа, Бигмен. Он должен остаться здесь, в то время как мы улетаем и добавляем ему беспокойства. Так пусть хоть получит удовольствие от того, что последнее слово осталось за ним.

Они легко оторвались от Мимаса в том месте, с которого ни Солнце, ни Сатурн не были видны. На темном небе самым большим объектом был Титан, расположившийся у подножия небосклона, и его величина едва достигала четверти видимого диаметра зем-

ной Луны.

Его шар был наполовину освещен Солнцем, и Бигмен мрачно взирал на его изображение. Энтузиазм покинул его.

– И именно там находятся сирианцы, не так ли? – спросил он.

– Думаю – да.

– И куда мы направляемся? Назад, в кольца?

– Верно.

– А если они обнаружат нас опять?

Должно быть, это был сигнал. Приемный диск загорелся, оживая.

Лакки это встревожило.

– Они обнаружили нас слишком легко.

Он установил контакт. На этот раз это был не безжизненный голос робота, отсчитывающего минуты. Напротив, это был резкий, вибрирующий, полный жизни голос, и, несомненно, он принадлежал сирианцу.

– ... рр, пожалуйста, ответьте! Я пытаюсь установить контакт с Советником Дэвидом Старром с Земли. Дэвид Старр, пожалуйста, ответьте! Я пытаюсь...

– Советник Старр у микрофона. Кто вы?

– Я Стен Девур с Сириуса. Вы проигнорировали требование наших кораблей-автоматов и возвратились в нашу планетную систему. Поэтому вы наш пленник.

– Кораблей-автоматов?

– Управляемых роботами. Вам это понятно? Наши роботы могут вполне удовлетворительно управлять кораблями.

– Я это понял.

– Так я и думал. Они следовали за вами, когда вы вышли за пределы нашей системы, затем повернули назад под прикрытием астероида Идальго. Они проследовали за вами во время вашего полета от эклиптики к южному полюсу Сатурна, потом через деление Кассини, под кольцами, а затем и внутрь Мимаса. Вам никогда не удастся ускользнуть из-под нашего надзора.

– И что же делает ваши наблюдения столь эффективными? – спросил Лакки, стараясь говорить ровным и спокойным голосом.

– О, уверен, землянин не понимает, что сирианцы могут иметь свои собственные методы. Но это неважно. Мы несколько дней ожидали вашего выхода из норы в Мимасе, куда вы так остроумно проникли при помощи направленной термоядерной реакции. Это нас так позабавило, что мы позволили вам скрыться. Некоторые из нас даже стали заключать пари по поводу того, как скоро вы высунете снова свой нос. Тем временем наши корабли, укомплектованные экипажами из роботов, окружили вас. Вы не преодолеете и ты-

сячи миль, и мы вас взорвем, если захотим.

– Только, конечно же, не с помощью ваших роботов, которые не могут причинять вред людям.

– Дорогой мой Советник Старр, – раздался насмешливый голос сирианца, – разумеется, роботы не причинят вред человеческим существам, если они случайно узнают, что здесь человеческие существа. Но видите ли, роботы, управляющие оружием, тщательно проинструментированы, что на вашем корабле летят только роботы. Они не испытывают угрызений совести из-за уничтожения роботов. Не хотите ли капитулировать?

Бигмен вдруг наклонился к самому микрофону и прокричал:

– Послушай ты, ублюдок, а что если мы сначала выведем из строя несколько ваших жестянок-роботов? Как вам это понравится? (Во всей Галактике было известно, что сирианцы считали разрушение роботов чуть ли не убийством.)

Но Стен Девур был непоколебим.

– Это то существо, с которым вы поддерживаете дружбу, Советник? Бигмен? Если так, то у меня нет никакого желания вступать с ним в разговор. Скажите ему и осознайте сами: я сомневаюсь, успеете ли вы причинить ущерб хотя бы одному кораблю, прежде чем будете уничтожены. Думаю, дам вам, пожалуй,

пять минут для решения. Что вы предпочитаете: уничтожение или капитуляцию? Со своей стороны, я давно жду встречи с вами, так что примите как надежду – вашу капитуляцию. Идет?

Лакки на мгновение застыл, стиснув зубы.

Бигмен спокойно смотрел на него, скрестив руки на своей маленькой груди, и ждал.

Прошли три минуты, и Лакки медленно, но четко проговорил:

– Я отдаю свой корабль и его содержимое в ваши руки, сэр.

Бигмен молчал.

Лакки прервал связь и повернулся к маленькому марсианину. Беспокорно и смущенно Советник кусал нижнюю губу.

– Бигмен, ты должен понять. Я...

Бигмен пожал плечами.

– Мне действительно это не нравится, Лакки, но я понял после нашего приземления на Мимасе, что ты умышленно решил сдаться сирианцам сразу же, как мы полетели второй раз к Сатурну.

8. К Титану

Лакки вскинул брови.

– Как ты это узнал, Бигмен?

– Я не так глуп, Лакки. – Маленький марсианин был важен и чрезвычайно серьезен. – Ты помнишь, когда мы держали курс к южному полюсу Сатурна, и ты покинул корабль? Это было как раз перед тем, как сирианцы заметили нас и мы были вынуждены отогнать их огненной струей к делению Кассини.

– Да.

– У тебя была причина так поступать. Ты не говорил какая, потому что полностью был поглощен своим делом и находился в напряжении, а потом мы удирали от сирианцев. Ну а когда мы строили помещение для Весса на Мимасе, я сразу же осмотрел «Метеор» снаружи и понял, что ты работал на аграв-блоке. Так ты все устроил, что мог взорвать всю установку нажатием кнопки на панели управления.

Лакки мягко проговорил:

– Аграв-блок – это единственная абсолютно сверхсекретная установка на «Метеоре».

– Мне это известно. И я исходил из того, что ты хорошо знаешь: если ты вступаешь в бой, то не имеешь права покинуть «Метеор», не взорвав его вместе с на-

ми. Чтобы уничтожить аграв-блок и все остальное. Если ты решил взорвать только аграв, а все остальное сохранить невредимым, значит, ты не думал вступать в бой. Ты собирался капитулировать.

– И об этом-то ты так грустно размышлял, когда мы приземлились на Мимасе.

– Ладно, Лакки, я ведь с тобой, что бы ты ни предпринял, – вздохнул Бигмен и отвел взгляд, – но капитуляция – не шутка.

– Согласен, но можешь ли ты придумать другой способ, как добраться до их базы? Наше дело, Бигмен, всегда не забава. – И Лакки коснулся переключателя скоростей на контрольной панели. Корабль слегка вздрогнул, когда наружные детали аграва превратились в кипящую белую массу и в виде капель стали отрываться от корабля.

– Ты думаешь, что сможешь вырваться отсюда? И это причина капитуляции?

– В какой-то мере.

– А не взорвут ли они нас, как только поймают?

– Думаю, они этого не сделают. Если бы они хотели нас уничтожить, они могли это совершить в космосе, как только мы оторвались от Мимаса. Подозреваю, что мы нужны живыми... И если мы останемся в живых, у нас теперь есть Весс на Мимасе, как своего рода заслон. Я вынужден был подождать, пока мы

не организуем этот заслон, прежде чем позволить себе капитулировать. Вот ради чего мы рисковали свернуть себе шею на Мимасе.

– Возможно, Лакки, они знают и о нем. Похоже, они знают обо всем.

– Может быть, и так, – задумчиво согласился Лакки. – Этот сирианец знал, что ты был моим партнером, может, он думает, что мы образуем пару, а не трио, и не станет искать третьего человека. По-моему, просто замечательно, что я не настоял на том, чтобы ты остался вместе с Вессом. Если бы я вышел один, сирианцы стали бы тебя искать и принялись обследовать Мимас. Конечно, если бы они обнаружили тебя и Весса... я уверен, они не уничтожили бы вас... Нет, пока я находился в их руках, я мог бы что-то делать... – Он разговаривал сам с собой и наконец совсем замолчал.

Молчал и Бигмен, и первым звуком, нарушившим тишину, был хорошо знакомый лязг, который отдался в стальном корпусе «Метеора». Магнитный провод вошел в контакт, связывая их с другим кораблем.

– Кто-то к нам пожаловал, – беззвучно проговорил Бигмен.

На видеоэкране им удалось различить сначала часть провода, затем фигуру, размахивающую рукой вверх-вниз, чтобы привлечь внимание, затем она ис-

чезла. Потом корабль вздрогнул, как от удара грома, и зажегся сигнал воздушного шлюза.

Бигмен привел в движение рычаг, открывающий наружную дверь шлюза, дождался следующего сигнала, затем закрыл наружную дверь, открыв внутреннюю.

И вошел захватчик.

Но он не был одет в скафандр, ибо это был не человек. Перед ними предстал робот.

В Земной Федерации также были роботы, в том числе и весьма совершенные, но в значительной мере они были заняты в точно обозначенных рамках, что не позволяло им вступать в контакт с человеческими существами помимо тех, кто ими управлял. Так что, хотя Бигмен и видел роботов, но не так уж много. Поэтому он внимательно разглядывал вошедшего.

Он был подобно всем сирианским роботам большим и блестящим. Его внешняя форма отличалась однообразной простотой, соединения конечностей и торса были так хорошо сделаны, что почти не были заметны.

А когда он заговорил, Бигмен замер. Потребовалось немало времени, чтобы привыкнуть к почти настоящему человеческому голосу, раздающемуся из металлической имитации человеческого существа.

– Добрый день, – произнес робот. – В мою обязанность входит наблюдение за тем, чтобы ваш корабль

и вы сами в безопасности прибыли к месту назначения. Первая часть информации, которую мне следует получить, заключается в следующем: не повлиял ли взрыв, который заметили на корпусе вашего корабля, на снижение его навигационных возможностей?

Его голос был глубоким и мелодичным, без эмоций и с явным сирианским акцентом.

– Взрыв не подействовал на космические достоинства корабля, – ответил Лакки.

– Что же тогда произошло?

– Его произвел я сам.

– Зачем?

– Этого я не могу сказать.

– Очень хорошо. – Робот сразу же оставил тему. Человек может настаивать, угрожать силой. Робот – никогда. Он продолжил: – Я обязан управлять космическими кораблями, сконструированными и построенными на Сириусе. Я смогу управлять этим космическим кораблем, если вы объясните мне сущность различных приборов, которые я здесь вижу.

– О, Лакки, – вклинился Бигмен, – мы не должны ничего рассказывать этой штуковине, верно?

– Он не может нас заставить что-нибудь рассказать, Бигмен, но коль скоро мы капитулировали, какой еще дополнительный ущерб мы причиним этим объяснением, которое поможет им доставить нас туда, куда

мы летим?

– Давай сперва выясним, куда мы должны отправиться? – Бигмен обратился к роботу резким тоном: – Ты! Робот! Куда ты заберешь нас?

Робот уставился в Бигмена красным немигающим глазом.

– По инструкции мне не позволено отвечать на вопросы, не относящиеся к моему непосредственному заданию.

– Ну, смотри. – Взволнованный Бигмен отбросил руку Лакки, пытающегося его удержать. – Куда бы ты ни завез нас, сирианцы причинят нам зло, возможно даже убьют. Если ты не хочешь повредить нам, помоги нам вырваться, пойдём с нами... Ох, Лакки, позволь мне договорить или ты сам хочешь?

Но Лакки твердо покачал головой, и заговорил робот:

– Я уверен, что вам не будет нанесен никакой вред. А теперь, если бы я мог получить инструкции относительно способа пользования этим аппаратом, я немедленно бы приступил к выполнению моего задания.

Шаг за шагом Лакки объяснил ему систему управления кораблем. Робот показал превосходное знакомство с существом рассматриваемых технических вопросов, тщательно проверил каждый прибор, что-

бы убедиться в правильности полученных сведений, и к концу объяснений Лакки стало очевидно, что он великолепно освоил управление «Метеором».

Лакки улыбнулся, и в его глазах засветилось искреннее восхищение.

Бигмен затащил его в их кабину.

– С чего это ты скалишь зубы?

– Бигмен, этот робот – великолепная машина. Мы должны признать заслуги сирианцев. Они сумели создать роботов, работающих с таким искусством.

– О'кей, но давай потише. Я не хочу, чтобы он слышал то, что я собираюсь сказать. Послушай, ты решил сдать себя только ради того, чтобы попасть на Титан и получить информацию о сирианцах. Конечно же, мы можем никогда не вырваться, и тогда что толку от этой информации? Но теперь у нас есть этот робот. Если мы сумеем заставить его помочь нам убратся отсюда прямо сейчас, то получим то, что хотели. У робота должна быть масса информации о сирианцах. Таким образом мы добудем больше информации, чем если бы приземлились на Титане.

Лакки покачал головой.

– Звучит хорошо, Бигмен. Но как ты предлагаешь убедить робота присоединиться к нам?

– Во-первых, Закон. Мы растолкуем ему, что на Сириусе всего лишь пара миллионов жителей, в то вре-

мя как в Земной Федерации – свыше шести миллиардов. Мы объясним, что важнее уберечь от близящейся беды большее количество людей, чем незначительное меньшинство, так что Первый Закон на нашей стороне. Ну как, Лакки?

– Беда в том, – сказал Лакки, – что сирианцы являются специалистами в управлении роботами. Этот робот, возможно, запрограммирован на то, что он теперь не причиняет никакого вреда ни одному человеческому существу. Он ничего не знает о шести миллиардах жителей Земли, кроме того, что услышит от тебя, а это не совпадает с его программой. Ему нужно видеть, что человеческому существу угрожает реальная опасность, чтобы отбросить инструкции.

– Я постараюсь.

– Отлично. Вперед. Для тебя это хорошая практика.

Бигмен приблизился к роботу, который уверенными движениями рук направлял стремительно несущийся сквозь космическое пространство «Метеор» на новую орбиту.

– Что ты знаешь о Земле? О Земной Федерации? – приступил к выполнению своего плана марсианин.

– По инструкции я не должен отвечать на вопросы, не относящиеся к моему непосредственному заданию, – ответил робот.

– Приказываю тебе игнорировать прежние инструк-

ции.

В ответе робота почувствовалось чуть заметное колебание:

– По инструкции мне не позволено получать инструкции от неправомочного лица.

– Мои указания даются тебе для того, чтобы предотвратить зло, которое может быть причинено человеческим существам. Значит, их следует выполнять, – настаивал на своем Бигмен.

– Я уверен, что человеческим существам не угрожает никакая опасность, и я не чувствую никакой грозящей беды. Мои инструкции обязывают меня воздерживаться от ответа на запретные побуждения, если они бесполезно повторяются.

– Ты лучше послушай. Зло надвигается. – И Бигмен вдохновенно говорил в течение некоторого времени, но робот больше не отвечал.

– Бигмен, ты напрасно тратишь силы, – заметил Лакки.

Бигмен лягнул робота по сверкающей лодыжке. Потом с силой ударил по корпусу корабля, вот и весь эффект от разговора. С покрасневшим от злости лицом он шагнул к Лакки.

– Просто великолепно! Человеческие существа совершенно бесполезны из-за того, что какой-то кусок металла имеет свои собственные идеи! Мы даже не

знаем, куда мы направляемся.

– Нам для этого не нужен робот. Я проверил курс. Мы летим к Титану.

Они оба стояли у видеозэкрана в течение последних часов приближения к Титану. Это был третий самый большой спутник в Солнечной системе (лишь Ганимед у Юпитера и Тритон у Нептуна были больше, и то ненамного), и из всех спутников он обладал наиболее плотной атмосферой.

Воздействие его атмосферы было заметно даже с дальнего расстояния. На большинстве спутников (включая Луну Земли) терминатор – то есть линия, разделяющая дневное и ночное время, – был резким: по одну сторону – тьма, по другую – свет. Но в данном случае было не так.

Полумесяц Титана был очерчен скорее полосой, чем четкой линией, и рожки полумесяца выходили далеко вперед и почти соединялись туманным изгибом.

– У Титана атмосфера почти такая же плотная, как и на Земле, Бигмен, – проговорил Лакки.

– Пригодная для дыхания? – поинтересовался Бигмен.

– Нет, не пригодная. В ней преобладает метан.

Появилась, по крайней мере, дюжина других кораблей. Их можно было разглядеть невооруженным глазом. Они спускались к Титану один за другим, сходя с

космической трассы.

Лакки покачал головой.

– Двенадцать кораблей выделено для одного этого мероприятия. Должно быть, они находятся здесь уже долгие годы, занимаясь строительством и подготовкой. Как мы сможем их когда-нибудь изгнать отсюда, если не при помощи войны?

Бигмен и не пытался ответить.

К тому же резкий свист пучков газа, завихряющихся вокруг обтекаемого корпуса корабля, безошибочно свидетельствовал, что они вошли в атмосферу.

Бигмен беспокойно смотрел на циферблаты, регистрирующие температуру корпуса, но опасности не было. Робот уверенно управлял кораблем. Корабль снижался к Титану по тугой спирали, одновременно теряя скорость и высоту, так что от трения о плотные слои атмосферы температура резко повысилась.

Лакки опять засиял от восхищения.

– Он управлял кораблем, совершенно не затратив топлива. Честно говоря, по-моему, он мог бы посадить нас в нужном месте, используя атмосферу в качестве единственного тормоза.

– Что в этом хорошего, Лакки? – удивился Бигмен. – Если эти роботы могут управлять кораблем, как этот, то как мы можем надеяться когда-нибудь победить сирианцев, а?

– Мы обязаны научиться создавать своих собственных роботов, Бигмен. Эти роботы – достижение человека. Люди, достигшие этого, сирианцы, да, но они – человеческие существа, и все другие люди также могут вместе с ними гордиться таким достижением. Если нас страшат результаты их открытий, давай постараемся состязаться с ними или даже превзойти их. Но нет смысла отрицать ценность их достижений.

Поверхность Титана открылась из-под бледной атмосферной дымки. Они могли теперь различать горные кряжи: не остроконечные, скалистые пики безвоздушного мира, а сглаженные горные массивы свидетельствовали, что здесь поработали ветры и погода. Вершины были обнажены, в ущельях и долинах лежал глубокий снег.

– На самом деле это не снег, – пояснил Лакки, – а замерзший аммиак.

И конечно, всюду было безлюдно. Расположенные между горных кряжей холмистые равнины были либо покрыты снегом, либо представляли собой голую скалистую местность. Никаких признаков жизни. Ни рек, ни озер.

И тогда...

– О великая Галактика! – воскликнул Лакки.

Появился купол. Плоский купол достаточно обычного вида для внутренних планет. Купол был того же

типа, что на Марсе и на мелководьях океанов Венеры, но купол, построенный сирианцами здесь, на необитаемом Титане, выглядел бы респектабельным городом даже на давно колонизированном Марсе.

– Мы спали, а они в это время строили, – вздохнул Лакки.

– Когда радиокомментаторы растрезвонят об этом, – заметил Бигмен, – не очень здорово это будет выглядеть для Совета Науки.

– О космос, в Солнечной системе, которая исследована вдоль и поперек и где периодически проверяется каждый камешек, затерялся мир, подобный Титану!

– Кто бы мог подумать...

– Членам Совета Науки следовало бы подумать. Народ системы поддерживает их и верит в то, что они думают и заботятся о нем. И мне тоже следовало бы подумать.

Голос робота прервал их.

– Этот корабль приземлится после еще одного облета вокруг спутника. Принимая во внимание ионный мотор на борту этого корабля, не потребуются специальные предосторожности в связи с приземлением. Тем не менее чрезмерная беззаботность может нанести вред, и я не могу идти на это. Поэтому я должен попросить вас лечь и пристегнуть ремни.

– Неужели надо повиноваться этому куску металли-

ческой трубы, которая нам указывает, как нам вести себя в космосе! – возмутился Бигмен.

– Вот именно, – сказал Лакки, – тебе лучше лечь. Он нас силой заставит лечь, если мы этого не сделаем. Это его обязанность – следить, чтобы нам не был причинен вред.

Бигмен внезапно крикнул:

– Скажи, робот, как много людей приземлилось здесь, на Титане?

Ответа не последовало.

Поверхность спутника стремительно приближалась, притягивая их к себе. «Метеор» пошел к точке приземления хвостом вниз, двигатели сделали последний рывок, перед тем как заглохли, завершив свою работу.

Робот отвернулся от приборов управления.

– Вы целыми и невредимыми прибыли на Титан. Мои непосредственные задачи выполнены, и я хочу теперь передать вас наставникам.

– Стену Девуру?

– Это один из наставников. Вы можете беспрепятственно покинуть корабль. Температуру и давление вы найдете нормальными, а гравитация приближена к вашей норме.

– Мы прямо сейчас можем выйти? – спросил Лакки.

– Да. Наставники вас ждут.

Лакки кивнул. Так или иначе, но ему не вполне удалось справиться с охватывающим его необычным волнением. Хотя сирианцы были главным врагом в его столь недолгой, но бурной карьере в Совете Науки, он никогда не видел живого сирианца.

Он вышел из корабля, шагнув на выдвижную площадку выхода, Бигмен приготовился последовать за ним, и оба остановились в полнейшем изумлении.

9. Враг

Лакки поставил ногу на первую ступеньку лестницы, ведущей к поверхности спутника. Бигмен выглянул из-за широкой спины друга. Оба застыли с открытыми ртами.

Все вокруг выглядело так, как если бы они приземлились на поверхности Земли. Если над ними и была сводчатая крыша – свод из твердого металла и стекла, – то она была невидима в ярком свете голубого неба, и, была ли это иллюзия или нет, – в небе плыли летние облака.

Перед ними простирались лужайки и тянулись ряды зданий, перед которыми там и здесь были разбиты цветочные клумбы. Неподалеку бежал открытый ручей, а через него были переброшены маленькие каменные мостки.

Дюжинами спешили куда-то роботы, механически сосредоточенные, каждый своим путем, каждый со своим собственным заданием.

В нескольких сотнях ярдов поодаль стояли группой пять существ – сирианцы! – и с любопытством наблюдали за пришельцами.

Резкий и властный голос обрушился на Лакки и Бигмена:

– Эй, вы там! Спускайтесь! Спускайтесь, я сказал. Не теряйте времени!

Лакки посмотрел вниз. Высокий человек стоял внизу у лестницы, уперев руки в бока и широко расставив ноги. Его узкое, оливкового цвета лицо с выражением высокомерия было обращено к ним. Его темные волосы были подстрижены простым ежиком по сирианской моде. К тому же у него была аккуратная и хорошо подстриженная борода и тонкие усики. Его одежда была просторной и пестрой; рубашка распахнута на шее, а ее рукава доходили лишь до локтя.

– Если вы, сэр, так торопитесь – пожалуйста, – откликнулся Лакки.

Он качнулся и шагнул, балансируя руками, на лестницу, его гибкий стан грациозно изогнулся безо всяких усилий. Он оторвался от корабля, спустился по последним двенадцати ступенькам и очутился лицом к лицу с человеком, стоящим внизу. Его ноги слегка спружинили, чтоб самортизировать толчок, и, вновь выпрямившись, он легко отскочил в сторону, чтобы и Бигмен мог спрыгнуть.

Человек, рядом с которым оказался Лакки, был достаточно высоким, но все-таки на дюйм ниже его. Вблизи можно было разглядеть рыхлость кожи сирианца и одутловатость его лица.

Сирианец нахмурился, и его нижняя губа оттопыри-

лась в презрительной гримасе:

– Акробаты! Обезьяны!

– Ничуть, сэр, – со спокойным добродушным юмором отозвался Лакки. – Земляне.

Человек сказал:

– Ты Дэвид Старр, но зовут тебя Лакки. Что это означает на жаргоне землян и что это означает на нашем языке?

– Это означает «счастливчик».

– Похоже, ты недолго был «счастливчиком». Я Стен Девур.

– Я догадался об этом.

– Вы, видимо, удивлены всем увиденным, а? Обнаженной рукой Девур обвел окружающий ландшафт. – Это прекрасно.

– Да, но нужна ли это трата энергии?

– Трудом роботов по двадцать четыре часа в сутки это можно сделать, и у Сириуса достаточно энергии для этого. А у Земли, по-моему, ее нет.

– У нас есть все необходимое, ты узнаешь об этом, – спокойно ответил на это Лакки.

– Узнаю? Пошли, я поговорю с тобой в своем кабинете. – Он властно махнул пяти другим сирианцам, которые, сгрудившись, глазели на землянина, который до недавнего времени был таким везучим врагом Сириуса и которого наконец-то поймали.

Сирианцы ответили приветствием на жест Девура и тотчас же, повернувшись на каблуках, разошлись в разные стороны.

Девур сел в маленький открытый экипаж, который приблизился на бесшумном диагравитационном двигателе. Его плоское дно, без колес и какого-либо другого механического приспособления, висело в шести дюймах над поверхностью. Другой экипаж подъехал к Лакки. Каждый управлялся, разумеется роботом.

Лакки сел во второй автомобиль. Бигмен двинулся вслед за ним, но робот-водитель, протянув руку, вежливо преградил ему вход.

– Эй... – начал Бигмен.

Лакки прервал его:

– Мой друг едет со мной, сэр.

Впервые Девур направил свой пристальный взгляд на Бигмена, и необъяснимый огонь ненависти вспыхнул в его глазах.

– Меня абсолютно не интересует этот предмет, – процедил сквозь зубы он. – Если ты заинтересован в его компании, можешь пока взять его с собой, но мне не хотелось бы иметь от него лишнее беспокойство.

Бигмен с побелевшим лицом посмотрел на сирианца.

– Я тебя сейчас побеспокою своей правой, ты ублю...

Но Лакки схватил его и строго прошептал ему на ухо:

– Сейчас, Бигмен, ты ничего не сможешь сделать. Малыш, сейчас придется потерпеть. – И Лакки втянул его в автомобиль. Девур в это время сохранял полное безразличие.

Машины начали плавное движение, напоминавшее полет ласточки, и через две минуты замедлили ход перед одноэтажным зданием из белого гладкого кирпича, ничем не отличавшегося от остальных зданий, кроме темно-красной отделки окон и дверей, и по подъездной дорожке проехали вдоль одной из его сторон. На всем протяжении короткого путешествия им не повстречалось ни одного человеческого существа – одни роботы.

Девур первым прошел через сводчатую дверь в маленькую комнату с конференц-столом и альковом, в котором стоял большой диван. С потолка лился голубовато-белый свет, такой же голубовато-белый, как и под открытым небом.

Слишком синий, подумал Лакки, затем вспомнил, что Сириус более крупная, более горячая и поэтому более голубая звезда, чем Солнце Земли.

Робот принес два подноса с едой и высокими, покрытыми инеем стаканами с пенистым молочно-белым содержимым. Нежный фруктовый аромат напол-

нил воздух, и после долгих недель, проведенных в корабле, Лакки в предвкушении вкусной еды улыбнулся про себя. Один поднос поставили перед ним, другой – перед Девуром.

Лакки сказал роботу:

– Мой друг тоже хотел бы получить то же самое.

Робот, быстро взглянув на Девура, который, словно окаменев, смотрел вдаль, ушел и вернулся с еще одним подносом. Во время еды никто не проронил ни слова. Землянин и марсианин пили и ели с удовольствием.

После того как подносы унесли, сирианец заговорил:

– Прежде всего я должен заявить, что вы – шпионы. Вы проникли на территорию Сириуса и получили предупреждение о необходимости покинуть ее. Вначале вы ее покинули, а затем вернулись, делая всяческие усилия, чтобы замаскировать ваше возвращение. По законам межзвездного кодекса мы имеем полное право немедленно расправиться с вами, и это будет выполнено, хотя сейчас ваши действия заслуживают милосердия.

– Это какие же действия? – поинтересовался Лакки. – Приведите мне хоть один пример, сэр.

– С удовольствием, Советник. – Черные глаза сирианца засветились интересом. – Имеется капсула

информации, которую наш человек до своей гибели установил в кольцах.

– Ты полагаешь, что она у меня?

Сирианец снисходительно засмеялся.

– Во всем космосе нет ни единого шанса для этого. Мы ни в коем случае не позволили бы тебе приблизиться к кольцам менее чем на полусветовой скорости. Ну, спокойно – ты очень умный Советник. Мы так много слышали о тебе и твоих подвигах, даже на Сириусе. Были моменты, когда ты, скажем так, слегка мешал нам.

Внезапно Бигмен включился в разговор и резко выкрикнул:

– Совсем чуть-чуть: задержал вашего шпиона на Юпитере-9, добился прекращения вашей практики пиратства на астероидах, помог вас изгнать с Ганимеда...

– Советник, ты успокоишь это, – вспыхнув от гнева, потребовал Стен Девур. – Меня раздражает скрип этого предмета, который ты прихватил с собой.

– Тогда говорите то, что вы хотите сказать, властно потребовал Лакки, – не оскорбляя моего друга.

– Что я хочу, так это чтобы ты помог мне найти капсулу. Скажи мне, только избавь меня от своего невероятного остроумия, как бы ты взялся за это дело? – Девур оперся о стол локтями и в ожидании пылливо

посмотрел на Лакки.

– С какой информации мне начать?

– Только с той, мне кажется, какую ты получил. Последние сообщения нашего человека.

– Да, мы получили информацию. Не всю, но достаточную для того, чтобы понять, что он не дал координаты той орбиты, на которой поместил капсулу, и достаточную для того, чтобы знать, что он ее все-таки оставил.

– Да?

– С тех пор как этот человек довольно давно ускользнул от наших собственных агентов и почти преуспел с выполнением своей миссии, я пришел к выводу, что он умен.

– Он был сирианец.

– Это, – с важной учтивостью кивнул Лакки, – не одно и то же. В данном случае, однако, мы можем предположить, что он не сумел поместить капсулу в кольца таким образом, чтобы вы легко ее обнаружили.

– И следующий твой вывод, землянин?

– И если он поместил капсулу в сами кольца, то ее просто невозможно найти.

– Ты так думаешь?

– Да. И единственную альтернативу этому вижу в том, что он отправил ее на орбиту внутри деления Кассини.

Девур откинул назад голову и громко рассмеялся.

– Это приятно слышать от Лакки Старра, великого Советника, тратящего свою умственную энергию на эту проблему. Я думал, что ты предложишь что-нибудь удивительное, что-нибудь совершенно потрясающее. А вместо этого только предположения. Советник, а что если я скажу тебе, что мы без твоей помощи нашли такое решение сразу и что наши корабли прочесали деление Кассини почти в тот момент, как капсула была сброшена?

Лакки кивнул. (Если большинство личного состава баз на Титане находилось в кольцах, наблюдая за поисками капсулы, то это отчасти объясняло малочисленность людей на самой большой базе.)

– Ну, что ж, поздравляю вас и напоминаю, что деление Кассини велико и в нем есть некоторое количество гравия. К тому же капсула может оказаться из-за притяжения Мимаса на непостоянной орбите. В зависимости от ее положения ваша капсула будет медленно двигаться по внутреннему или внешнему кольцу, и если вы ее в ближайшее время не найдете, то она навечно потеряна для вас.

– Твоя попытка попугать меня глупа и бесполезна. Даже внутри самих колец капсула выглядела бы все же алюминием по сравнению со льдом.

– Большинство масс-детекторов не может отличить

алюминий ото льда.

– Это относится к масс-детекторам твоей планеты, землянин. Спросил ли ты себя, как мы выследили тебя, несмотря на твой топорный трюк с Идальго и твою авантюру с Мимасом?

– Я удивлен этим, – честно признался Лакки.

Девур снова рассмеялся:

– Ты прав, что удивляешься. Очевидно, Земля не обладает селективным масс-детектором.

– Совершенно секретным? – поинтересовался вежливо Лакки.

– Нет, в принципе – нет. Наш детекторный луч использует мягкие X-лучи, которые по-разному разбрасываются различными веществами в зависимости от массы их атомов. Некоторые из них возвращались отраженными к нам, и, анализируя отраженный луч, мы можем отличить металлический космический корабль от твердого астероида. Когда космические корабли проходят мимо астероида, двигающегося тем временем своим путем, регистрируется значительная металлическая масса, которой он раньше не обладал, и совсем не трудно прийти к выводу о том, что вблизи от астероида находится крадущийся космический корабль, на котором необоснованно предполагают, что их не обнаружили. Ну как, Советник?

– Понятно.

– Понимаешь ли ты то, что никоим образом не сумеешь замаскироваться с помощью колец Сатурна или даже самого Сатурна? Металла совсем нет в кольцах или во внешней поверхности Сатурна до глубины десять тысяч миль. Даже внутри Мимаса не удалось бы спрятаться. Через несколько часов мы узнали бы, что вы там делаете. Мы могли бы обнаружить металл под льдами Мимаса или же то, что осталось от вашего погибшего корабля. Но затем металл начал движение, и мы узнали, что вы все еще находитесь у нас. Мы разгадали ваш термоядерный трюк и только выжидали.

– Пока игра за вами.

– А теперь ты думаешь, что мы не сможем найти капсулу, даже если она путешествует по кольцам или была прежде всего помещена в кольцах?

– Хорошо, тогда как получилось, что вы до сих пор ее не нашли?

На мгновение лицо Девура помрачнело, будто он заподозрил в вопросе сарказм, но еще не успел Лакки вежливо полюбопытствовать, как он грубо прервал его:

– Мы найдем. Но это лишь вопрос времени. И поскольку ты не можешь помочь нам впредь в этом деле, то нет никакого резона откладывать экзекуцию.

– Сомневаюсь, что ты действительно понимаешь

значение только что сказанного тобой. Погибнув, мы станем для вас очень опасными.

– Может, от вас живых в какой-то мере и существует угроза, но я не могу поверить, что ты это говоришь всерьез.

– Мы – члены Совета Науки Земли. Если нас убьют, Совет не забудет этого и не простит. Возмездие будет направлено в одинаковой степени как против Сириуса, так и против тебя лично. Запомни это.

– Думаю, что знаю об этом больше, чем ты думаешь, – возразил Девур. – Это создание, которое прилетело вместе с тобой, не член вашего Совета.

– Формально, может быть, и нет, но...

– А ты сам, если ты позволишь мне закончить, намного больше чем просто его член. Ты приемный сын Гектора Конвея, Главного Советника, и ты являешься гордостью Совета. Поэтому, возможно, ты и прав. – Губы Девура растянулись в кривой усмешке. – Может быть, существуют условия, давай подумаем об этом, при которых для нас более выгодно оставить тебя в живых.

– Что за условия?

– В ближайшие недели Земля созывает межзвездную конференцию наций, чтоб рассмотреть то, что они называют нашим вторжением на их территорию. Может быть, ты знаешь об этом.

– Я предлагал такую конференцию, когда первым узнал о существовании этой базы.

– Хорошо. Сириус согласился на эту конференцию, и встреча вскоре состоится на вашем астероиде – Весте. Земля, похоже, – Девур улыбнулся более широко, – торопится. И мы уступим им, ибо мы не боимся ее результатов. Внешние миры большей частью не любят Землю и вовсе не обязаны ее любить. Наш собственный случай – лучшее подтверждение тому. Однако мы могли бы сделать все намного более драматично, если бы нам удалось представить доказательства земного лицемерия. Земляне созывают конференцию; они говорят, что желают разрешить дело мирными средствами; но в то же самое время они послали военный корабль на Титан с инструкциями разрушить нашу базу.

– Эти инструкции ко мне не относятся. Я действовал без инструкций, и у меня не было намерения предпринять какой-либо военный акт.

– Тем не менее, если ты подтвердишь то, что я сказал, это произведет большое впечатление.

– Я не могу свидетельствовать в пользу того, что не является правдой.

Девур проигнорировал его слова и жестоко сказал:

– Пусть они знают, что тебе не давали наркотиков и не обследовали. Дай показания по собственной воле,

как мы проинструктируем тебя. Пусть конференция узнает, что премированный член Совета Науки, сам сын Конвея, принял участие в незаконной вооруженной аванюре в то самое время, когда Земля лицемерно созывала конференцию и провозглашала приращенность миру. Это раз и навсегда решило бы дело.

Лакки сделал глубокий вздох и посмотрел в холодное улыбающееся лицо.

– И это все? Дача фальшивых показаний в обмен на жизнь?

– Совершенно верно. Воспользуйся случаем: сделай свой выбор.

– Это исключено. Я не хотел бы стать лжесвидетелем в подобном деле.

Глаза Девура сузились в щелчки.

– Я думаю, ты захочешь. Наши агенты тщательно изучали тебя, Советник, и мы знаем твои слабые места. Ты можешь скорее предпочесть смерть, чем сотрудничать с нами, но тебе, как землянину, присуще чувство жалости к слабому, калеке, уроду. Ты вынужден будешь сделать это, чтобы предотвратить, – и мягкая, пухлая рука сирианца внезапно поднялась, указывая пальцем на Бигмена, – его смерть.

10. Наставники и роботы

– Спокойно, Бигмен, – прошептал Лакки.

Маленький марсианин сгорбился в кресле, его глаза взволнованно следили за Девуром.

– Не стоит нас запугивать, – заметил Лакки. – Экзекуция на так проста в мире роботов. Роботы не могут нас убить, и я не уверен, что вы или ваши коллеги хладнокровно готовы убить человека.

– Конечно, нет, если ты подразумеваешь под убийством гильотинирование или расстрел. И к тому же нет ничего пугающего в быстрой смерти. Предположим, однако, что наши роботы подготовили разоруженный корабль. Твоего – ух! – компаньона можно приковать к одной из переборок корабля с помощью роботов, которые, конечно, позаботятся, чтобы не причинить ему вреда. Корабль можно снабдить автопилотом, который выведет его на орбиту, далекую от вашего Солнца и за пределами эклиптики. Нет ни единого шанса, что об этом когда-либо кто-либо узнает на Земле. Это будет путешествие в вечность.

Бигмен прервал его:

– Лакки, они никогда не поступят так со мной. Ни на что не соглашайся.

Девур продолжил, не обращая на него внимания:

– Твой компаньон получит достаточно воздуха и тубик с водой в пределах досягаемости, чтоб утолить жажду. Конечно, он будет один и не получит никакой пищи. Голод – это медленная смерть, а голод при полном одиночестве в космосе – это самая ужасная вещь, какую только можно представить.

– Это подлый и бесчеловечный способ обращения с военнопленным, – возмутился Лакки.

– Это не война. Вы ведь только шпионы. И во всяком случае, необязательно, чтобы это случилось, а, Советник? Тебе следует лишь подать знак, что ты готов признаться в том, что ты намеревался атаковать нас и согласен подтвердить это лично на конференции. Я уверен, ты примешь во внимание просьбы того предмета, с которым ты дружишь.

– Просьбы! – сильно покраснев, Бигмен вскочил на ноги.

Девур вдруг повысил голос:

– Этот предмет следует взять под стражу. Действуй-те.

Дна работа молчаливо стали по обе стороны Бигмена, схватив его за руки. На момент Бигмен скорчился от боли и, приложив все силы, оторвался от пола, но его руки остались неподвижными, крепко зажатыми роботами.

Один из роботов монотонно произнес:

– Пусть господин не сопротивляется, иначе господин причинит себе вред, несмотря на все, что мы можем сделать.

– У тебя будет двадцать четыре часа на раздумье. Уйма времени, а, Советник? – И Девур взглянул на сверкающие цифры на полоске декорированного металла, которая опоясывала его левое запястье. – И тем временем мы подготовим наш разоруженный корабль. Если он не пригодится, на что я надеюсь, ну что же, ведь это труд роботов, а, Советник? Сиди там, где находишься, бесполезно стараться оказать помощь твоему компаньону. Он останется пока невредим.

Бигмена вывели из комнаты; Лакки, наполовину приподнявшись со своего кресла, беспомощно наблюдал за этим.

На маленьком ящике на конференц-столе вспыхнул свет. Девур перегнулся и коснулся его, и светящаяся трубка появилась над ящиком. В ней возникло изображение головы. Раздался голос:

– Йонг и я получили сообщение о том, что у тебя Советник, Девур. Почему нам сказали только после его приземления?

– А какая разница, если это уже сделано, Зейон? Теперь вы знаете. Вы придете?

– Конечно. Мы хотим встретиться с Советником.

– Приходите тогда в мой офис.

Спустя пятнадцать минут прибыли два сирианца. Оба такие же высокие, как и Девур; оба с оливкового цвета кожей (более значительное ультрафиолетовое излучение Сириуса вызывает потемнение кожи, сообразил Лакки), но они были старше. Подстриженные волосы одного из них отливали стальной сединой. Он был тонкогуб и говорил быстро и четко. Его представили как Харрита Зейона, а его одеяние свидетельствовало о том, что он был членом Космической Службы Сириуса.

Другой начинал уже лысеть. На предплечье у него был шрам, и выглядел он старым космическим волком. Это был Баррет Йонг, тоже из Космической Службы.

– Ваша Космическая Служба, по-моему, что-то вроде нашего Совета Науки, – сказал Лакки.

– Да, это так, – важно подтвердил Зейон. – В этом смысле мы коллеги, хотя находимся в другом лагере.

– Значит, член Службы – Зейон. И член Службы Йонг. А мистер Девур...

Девур не дал Лакки договорить:

– Я не являюсь членом Космической Службы. Во-все не нужно, чтобы я был им. Сириусу кто-то может служить и вне Службы.

– Особенно, – заметил Йонг, положив руку на шрам на предплечье, как бы прикрывая его, – если этот

кто-то является племянником директора Центрального Управления.

– Что означает этот сарказм, Йонг? – вскочил Девур.

– Никакого сарказма. Это буквально. Родство позволяет вам приносить Сириусу больше пользы.

Это было лишь сухой констатацией факта, и Лакки не подозревал о вражде между двумя стареющими членами Службы и молодым и, без сомнения, властным родственником повелителя Сириуса.

Зейон попытался наладить отношения и, повернувшись к Лакки, мягко спросил:

– Наши предложения приняты тобой?

– Вы имеете в виду предложение, чтобы я солгал на межзвездной конференции?

Зейон посмотрел на него с досадой и легким недоумением:

– Я имею в виду, что ты присоединишься к нам, станешь сирианцем.

– По-моему, мы не подошли к этому пункту.

– Ладно, тогда рассмотрим этот вопрос. Наша Служба хорошо тебя знает, и мы уважаем твои способности и достижения. Они работали на Землю, которая однажды должна погибнуть как биологический факт.

– Биологический факт? – нахмурился Лакки. Сири-

анцы, происходят от землян.

– Да, это так, но не ото всех землян; только от некоторых, от лучших, от тех, которые проявили инициативу и силу, чтобы достигнуть звезды и колонизировать ее. Мы сохранили наше происхождение в чистоте; мы не допускаем появления хилых или со слабыми генами. Мы избавляемся от непригодных в нашей среде, так что теперь мы – чистая раса сильных, способных и здоровых, в то время как Земля остается конгломератом больных и уродливых.

Девур прервал его:

– У нас здесь есть образец такого, это компаньон Советника. Он приводит меня в бешенство и вызывает отвращение у меня, просто находясь со мной в одной комнате; обезьяна, человеческое существо ростом в пять футов, уродливый чурбан...

– Он лучше тебя, сирианец, – медленно проговорил Лакки.

Девур поднялся, дрожа, со сжатыми кулаками. Зейон быстро подошел к нему и положил руку на плечо.

– Девур, сядь, пожалуйста, и позволь мне продолжить. Сейчас не время для отвлеченных споров. – Девур грубо сбросил его руку и сел на свое место. Наставник Зейон серьезно продолжил: – Для внешних миров, Советник Старр, Земля представляет страшную угрозу, бомбу недочеловечества, готовую взо-

рваться и заразить чистую Галактику. Мы не хотим, чтобы это произошло; мы не можем позволить, чтобы это произошло. Вот за что мы боремся: за чистую человеческую расу, состоящую из достойных.

– Состоящую из тех, кого вы считаете достойными, – возразил Лакки. – Но достоинства проявляются во всех видах и формах. Великие люди Земли происходят от высоких и низких, от людей, обладающих всеми формами головы, разным цветом кожи и говорящих на разных языках. Разнообразие – вот в чем наше спасение и спасение всего человечества.

– Ты просто повторяешь, как попугай, нечто, что ты выучил. Советник, ты не молишь не видеть, что в действительности ты один из нас. Ты высокий, сильный, сложен, как сирианец, ты храбр и мужествен, как сирианец. Зачем смешивать пену Земли с людьми, подобными тебе, только из-за того, что ты родился на Земле?

– Итог всего этого, наставник, заключается в том, что вы хотите заставить меня прийти на межзвездную конференцию на Весте и там заявить о своем желании помогать Сириусу, – проговорил Лакки.

– Помогать Сириусу, да, но заявление должно быть искренним. Ты шпионил за нами. Твой корабль был вооружен.

– Вы впустую тратите свое время. Мистер Девур

уже обсуждал со мной этот вопрос.

– И ты согласился стать сирианцем, ты им в действительности и являешься? – Лицо Зейона загорелось ожиданием.

Лакки бросил мимолетный взгляд на Девура, рассматривавшего с безразличием костяшки своих рук.

– Правда, мистер Девур выдвинул предложение в несколько иной форме, – уклонился от ответа Лакки. – Может, прежде чем информировать вас о моем прибытии, он хотел обсудить со мной один на один этот вопрос и использовать для этого свои методы. Коротче, он просто сказал, что я должен посетить конференцию на сирианских условиях и что мой друг Бигмен будет послан на разоруженном космическом корабле умирать голодной смертью.

Оба сирианских наставника повернулись к Девуру, который продолжал созерцать костяшки пальцев.

Йонг медленно проговорил, обращаясь к Девуру:

– Сэр, это не в традициях Службы...

Девур внезапно взорвался:

– Я – не член Службы и не дам и половины кредитного билета за ваши традиции. Я отвечаю за эту базу и за ее безопасность. Вы оба назначены сопровождать меня как делегаты на конференцию на Весте, чтобы представлять там Службу, но я – глава делегации, и на мне лежит ответственность за успех конференции.

Если этому землянину не нравится тот вид смерти, который уготован его другу-обезьяне, то ему остается только пойти на наши условия, и он согласится на них еще быстрее благодаря вашему предложению сделать из него сирианца. И слушайте дальше. – Девур поднялся из кресла, прошел быстро в дальний угол комнаты, затем повернулся, глядя прямо в застывшие лица наставников, которые слушали его с дисциплинированным самоконтролем. – Я устал от вашего постоянного вмешательства. У Службы было достаточно времени, чтобы обогнуть Землю, и она сделала ничтожно мало в этом отношении. Пусть этот землянин слушает, что я говорю. Он знает это лучше, чем кто-либо другой. Достижения Службы жалки, и именно я заманил в ловушку этого Стажера, а не Служба. У вас, джентльмены, кишка тонка, и я намерен восполнить...

В этот момент робот распахнул дверь и произнес:

– Наставники, я должен извиниться за вторжение без вашего приказа, но я обязан рассказать вам нечто касающееся маленького господина, который был взят под стражу...

– Бигмен! – воскликнул Лакки, вскочив на ноги. – Что с ним случилось?

После того как Бигмена вывели из комнаты два робота, он напряженно обдумывал положение. Неужели на самом деле нет путей к освобождению? Он

был достаточно реалистичен, чтобы думать пробиться сквозь орду роботов и без посторонней помощи убежать с базы, столь хорошо охраняемой, будь даже в его распоряжении «Метеор», чего в действительности не было.

Это более чем очевидно.

Лакки склоняют пойти на бесчестье и предательство, жизнь Бигмена была приманкой.

Лакки ни в коем случае не должен соглашаться на это. Ему не следует спасать жизнь Бигмена ценой предательства. Не должен он также спасти свою честь, пожертвовав Бигменом, и потом испытывать вину за это до конца своих дней. Есть единственная возможность избежать и того и другого. Бигмен пришел к этому решению хладнокровно. Если он выберет такой способ смерти, против которого Лакки ничего не сможет предпринять, то большого землянина не смогут ни в чем обвинить, да и сам себя он не сможет ни в чем обвинить. И Бигмен не был бы больше предметом сделки.

Бигмена втиснули в маленький диагравитационный экипаж и одну-две минуты куда-то везли.

Но этих двух минут хватило, чтобы у него в голове четко сложился план. Его годы, проведенные с Лакки, были годами счастья. Он прожил полнокровную жизнь и не испытывал страха перед смертью. Теперь он мог

спокойно умереть. Но прежде он должен еще этим вечером использовать малейшую возможность расквитаться с Девуром. В его жизни не было случая, чтобы человек, оскорбивший его, ушел от возмездия. Он не мог умереть, не сравняв счет. Мысль о высокомерном сирианце наполняла Бигмена таким гневом, что временами он не мог сам себе сказать, что им движет – дружба к Лакки или ненависть к Девуру.

Роботы вытащили его из диагравитационного экипажа, и один ощупал бока марсианина своими крючковатыми металлическими лапами нежно и опытно снизу вверх, как обычно ищут оружие.

Бигмен на мгновение запаниковал, безуспешно стараясь оттолкнуть руку робота.

– Меня обыскали на корабле, прежде чем разрешили покинуть его, – закричал он, но робот продолжил обыск, не обращая на него никакого внимания.

Второй снова схватил его, собираясь поместить в камеру. Итак, наступило время. Однажды он уже был в настоящей камере – в помещении с мощными стенами его задача станет намного тяжелее.

Бигмен отчаянно взбрыкнул ногами и перекувыркнулся между роботами. Но роботы крепко держали его руки.

Один из них произнес:

– Мне неприятно, господин, что вы поставили себя

в такое положение, которое причиняет вам боль. Если вы будете вести себя спокойно и не сопротивляться выполнению поставленного перед нами задания, то мы будем сжимать вас как можно легче.

Но Бигмен вновь брыкнулся и затем пронзительно закричал:

– Моя рука!

Роботы разом стали на колени и мягко положили Бигмена на спину.

– Вам больно, господин?

– Вы, глупые болваны, сломали мне руку. Не касайтесь ее! Привезите какого-либо человека, который знает, как позаботиться о сломанной руке, или робота, который это умеет, – закончил он со стоном, и его лицо скривилось от боли.

Роботы медленно, глядя на него, отступили. Они не испытывали никаких чувств, да и не могли их иметь. Но внутри их находились извилины позитронного мозга, ориентация которых контролировалась потенциалами и контр-потенциалами, основанными на Трех Законах робототехники. Выполняя установку одного из Законов, Второго – обязательность повиновения приказу, они в данном случае причинили человеческому существу боль и тем самым нарушили высший Закон, Первый, гласящий, что они никогда не могут причинить вред человеческому существу. В результа-

те этого в их позитронном мозгу должен был возникнуть хаос.

Бигмен выкрикнул резко и повелительно:

– Помогите... проклятье... помогите!..

Это был приказ, основанный на власти Первого Закона. Человеческому существу был причинен вред. Роботы повернулись, стали удаляться, а правая рука Бигмена потянулась к голенищу его сапога и проникла внутрь. Он быстро поднялся с игольчатым пистолетом, согретым теплом его руки.

Услышав шум, один из роботов возвратился, его голос звучал неясно и хрипло, как признак ослабленного действия сбитого с толку позитронного мозга.

– Как, разве господин не пострадал? – Второй робот тоже вернулся.

– Отведите меня к вашим сирианским наставникам, – строго бросил Бигмен.

Это был другой приказ, но он больше не подкреплялся Первым Законом. Человеческому существу, в конце концов, не был причинен вред. Это открытие не вызвало ни потрясения, ни удивления. Стоящий ближе робот просто произнес чуть более ясным голосом:

– Поскольку ваша рука в действительности не пострадала, это обязывает нас выполнить наш первый приказ. Просим пройти с нами.

Бигмен не терял времени. Его игольчатый пистолет

беззвучно сверкнул – и голова робота превратилась в брызги плавящегося металла. Это его доконало.

– Это не сможет разрушить наше функционирование, – сказал второй робот и двинулся к нему.

Самозащита была для робота лишь Третьим Законом. Робот не мог отказаться от выполнения приказа (Второй Закон), опираясь лишь на Третий Закон. Поэтому он был готов двинуться на нацеленный на него игольчатый пистолет. Со всех сторон приближались уже другие роботы, без сомнения, вызванные по радио в тот момент, когда Бигмен притворился, что у него сломана рука.

Все они двигались навстречу игольчатому пистолету, но их было довольно много, и какие-то вполне могли ускользнуть от его выстрелов. Те, которым удастся спастись, затем схватят его и отправят в тюрьму. Он терял надежду на столь необходимую ему быструю смерть, и перед Лакки снова вставала невыносимая альтернатива.

Оставался единственный выход. Бигмен приставил игольчатый пистолет к своему виску.

11. Бигмен против всех

Бигмен пронзительно выкрикнул:

– Ни шагу вперед! Чуть кто двинется, я стреляю в себя. Значит, вы меня убьете.

Он сам нервничал из-за возможного выстрела. Если ничего не получится, то придется выстрелить.

Но роботы остановились. Не двигался ни один. Глаза Бигмена медленно перебежали справа налево. Один робот лежал на земле, обезглавленный, бесполезная груда металла. Один стоял, чуть вытянув руки по направлению к нему. Еще один застыл с приподнятой в шаге ногой на расстоянии ста футов от него.

Бигмен медленно повернулся, из здания вышел робот. Он остановился на пороге. Еще несколько роботов находились поодаль. Будто леденящий ветер коснулся их всех, мгновенно парализовав.

Вступил в силу Первый Закон. Все остальное: приказы, их собственное существование – все отошло на второй план. Они не могли двигаться, если движение наносило вред человеческому существу.

И тогда, передохнув, Бигмен начал отдавать приказы:

– Все роботы, кроме одного, – он указал на того, что стоял около него, ближайшего, который был ком-

паньоном разрушенного, – уходите. Немедленно приступайте к выполнению вашего первоначального задания и забудьте обо мне и о том, что здесь сейчас произошло. Отказ повиноваться будет означать мою немедленную смерть.

Итак, все, кроме одного робота, должны оставить его.

Он обошелся с ними грубо и теперь с напряженным лицом ожидал, не пойдет ли позитронный процесс столь интенсивно, что сможет причинить вред иридиевой трубке, образующей тончайшую мозговую структуру робота.

У него, как и у землянина, существовало недоверие к роботам, и все же он в какой-то мере надеялся, что все будет как нужно.

Все роботы, кроме одного, теперь ушли. Дуло игольчатого пистолета все еще было приставлено к виску Бигмена.

– Отведи меня назад к твоему наставнику, – велел он роботу и с трудом сдержался, чтобы не выругаться, да вряд ли этот робот понял бы оскорбительный намек. – Сейчас же, – приказал он, – и быстро. Нельзя допустить, чтобы какой-либо наставник или робот стали помехой на нашем пути... У меня игольчатый пистолет, и я выстрелю в любого приблизившегося к нам наставника или убью самого себя.

Робот хрипло проговорил (первый признак плохого функционирования позитронов, как однажды Лакки объяснил Бигмену, – изменение в тембре голоса):

– Я выполняю приказ. Господин может быть уверен, что я ничего не сделаю, что может повредить ему или другому господину.

Он повернулся и направился к диагравитационному экипажу. Бигмен шел за ним. Он был готов к возможному обману с его стороны, но ничего не произошло. Робот был машиной, следовавшей нерушимым правилам действия. Он должен был это помнить. Только человеческие существа могут лгать и жульничать.

Когда они остановились у офиса Девура, Бигмен твердо сказал:

– Я подожду в машине. Я не хочу из нее выходить. Войди и скажи наставнику Девуру, что господин Бигмен на свободе ожидает его.

Бигмен пытался снова преодолеть искушение выругаться, но на этот раз не выдержал – уж слишком близко был Девур.

– Скажи ему, что он может захватить меня с помощью игольчатого пистолета или кулаков, мне безразлично. Скажи, что если он слишком гнушается сделать либо то, либо другое, то я приду и заберу его отсюда на Марс.

Стен Девур смотрел недоверчиво на робота, его темное лицо приняло угрожающий вид, а злые глаза сверкали из-под нависших бровей.

– Ты говоришь: он на свободе? И вооружен?

Девур посмотрел на двух наставников, которые, в свою очередь, с неописуемым изумлением глядели на него. (Лакки в ужасе прошептал: «Неукротимый Бигмен разрушит все, а также распрощается со своей собственной жизнью».)

Наставник Зейон тяжело поднялся.

– Ну, Девур, вы не исключаете, что робот лжет, а? – Он подошел к телефону на стене и набрал аварийную комбинацию цифр. – Если у нас на базе находится землянин, вооруженный и решительный, то нам лучше начать действовать.

– Но как получилось, что он вооружен? – Девур все еще не преодолел замешательства, но теперь он двинулся к двери.

Лакки последовал за ним, и сирианец сразу же пришел в себя:

– Старр, вернись.

Он повернулся к роботу:

– Оставайся с этим землянином. Он не должен покидать это здание ни при каких обстоятельствах.

Теперь, по-видимому, он принял решение. Он выбежал из комнаты и, как обычно, захватил тяжелый

бластер. Зейон и Йонг колебались, быстро взглянули на Лакки, затем на робота и, приняв решение, также последовали за Девуром.

Обширное пространство перед офисом Девура утопало в искусственном свете, напоминавшем слабую голубоватую окраску атмосферы Сириуса. Бигмен стоял один в центре, а на расстоянии ста ярдов от него находились пять роботов. С другой стороны приближались еще роботы.

– Подойдите и возьмите его, – прорычал Девур, указывая ближайшим роботам на Бигмена.

– Они не подойдут ближе, – прокричал в ответ Бигмен. – Если они сделают хотя бы шаг в мою сторону, я зажгу твое сердце в груди, и они знают, что я это сделаю. По крайней мере, они не станут рисковать. – Он стоял спокойно и усмехался.

Девур вспыхнул и поднял свой бластер.

– Смотри, не причини сам себе вреда этим бластером. Ты держишь его слишком близко к телу, – продолжал дерзить Бигмен.

Его правый локоть был опущен на ладонь левой руки. Его правый кулак мягко сжимался, пока он говорил, и из дула игольчатого пистолета, торчащего между вторым и третьим пальцами, вырвалась струя дейтерия, управляемая мгновенно установленным магнитным полем. Требовалось мастерство высшего по-

рядка, чтобы точно регулировать сжатие и позицию большого пальца, но Бигмен всем этим владел. Ни один человек в Солнечной системе не обладал большим искусством. На кончике дула бластера Девура появилась крошечная белая искорка, и Девур завопил от удивления и опустил его.

– Я не знаю, кто эти двое, но если кто-либо из вас сделает движение, чтобы достать бластер, то вам уж не удастся закончить это движение, – предупредил Бигмен.

Все замерли. Йонг наконец опомнился и спросил:

– Как тебе удалось вооружиться?

– Робот, – усмехнулся Бигмен, – оказался таким же несообразительным, как и парень, который управляет им. Роботы, обыскивавшие меня на корабле и потом здесь, были проинструктированы кем-то, кто не знал, что марсианин использует свои сапоги не только для того, чтобы надевать их на ноги.

– И как тебе удалось избавиться от роботов?

– Я вынужден был разрушить одного из них, холодно ответил Бигмен.

– Ты разрушил робота? – Нечто вроде электрошока охватило трех сирианцев.

Бигмен почувствовал нарастание напряженности. Его не беспокоили роботы, стоящие вокруг, но в любой момент мог появиться еще один сирианец и вы-

стрелить ему в спину с безопасной дистанции.

Место между лопатками заныло в ожидании выстрела. Конечно, была бы вспышка. Он ее совсем бы не почувствовал. И после этого они потеряли бы возможность оказывать давление на Лакки и, мертвый или нет, Бигмен вышел бы победителем.

Разумеется, он хотел сначала решить судьбу Девура, этого изнеженного сирианского ублюдка, который сидел напротив него за столом и говорил вещи, которые ни один человек во Вселенной не мог сказать ему, Бигмену, и остаться в живых.

– Я мог расстрелять вас всех. Приступим ли мы к переговорам? – хладнокровно произнес маленький марсианин.

– Ты не можешь нас расстрелять, – спокойно возразил наставник Йонг. – Расстрел означал бы, что землянин начал военные действия на планете сирианцев. Это может означать войну.

– Кроме того, – прорычал Девур, – если ты атакуешь, это освободит роботов. Они станут скорее защищать трех человек, чем одного. Брось на землю свой игольчатый пистолет и вернись под их стражу.

– Хорошо, отошлите роботов, и я капитулирую.

– Роботы вновь тебя захватят, – сказал Девур и, повернувшись к другим сирианцам, добавил: – У меня по коже мурашки бегут, когда я вынужден разговари-

вать с этим бесформенным гуманоидом.

Пистолет Бигмена сразу же вспыхнул, маленький огненный шарик взорвался в фуге от глаз Девура.

– Скажи снова что-нибудь подобное – и я навсегда ослеплю тебя. Если роботы сделают движение, все вы трое получите то же, прежде чем они подойдут к нам. Это может означать войну, но вы трое не увидите этого, если это случится. Прикажите роботам уйти, и я сдамся Девуру, если он сам сможет взять меня. Я брошу свой игольчатый пистолет одному из вас двоих и сдамся.

Зейон сказал жестко:

– Это звучит разумно, Девур.

Девур все еще потирал свои глаза.

– Возьмите тогда его пистолет. Подойдите и схватите его.

– Подожди, – сказал Бигмен, – пока не двигайся. Я хочу получить от вас слово чести, что меня не расстреляют или не отдадут роботам. Девур сам должен взять меня.

– Мое слово чести тебе? – взорвался Девур.

– Мне. Но не твое. Слово чести одного из тех двух. Они облачены в форму Космической Службы, и я поверю их слову. Если я отдам им игольчатый пистолет, будут ли они стоять безучастно и позволят ли тебе, Девур, подойти и взять меня голыми руками?

– Я даю тебе слово чести, – твердо сказал Зейон.

– И я тоже, – добавил Йонг.

– Что это такое? У меня нет никакого желания прикасаться даже к этому созданию, – заявил Девур.

– Боишься? – мягко спросил Бигмен. – Я слишком велик для тебя, Девур? Ты всячески обзывал меня. Так не хочешь ли ты использовать свои мускулы вместо своего трусливого рта? Вот игольчатый пистолет, наставники, – и он швырнул пистолет Зейону, тот протянул руку и ловко поймал его.

Бигмен ждал. Теперь смерть?

Но Зейон положил игольчатый пистолет в карман.

Девур закричал:

– Роботы!

И Зейон закричал с той же силой:

– Роботы! Оставьте нас!

– Мы дали ему слово, – обратился Зейон к Девуру. – Ты должен будешь сам взять его под стражу.

– Или мне подойти к тебе? – выкрикнул Бигмен с вызывающей насмешкой.

Девур прорычал что-то неразборчивое и быстро двинулся к Бигмену. Маленький марсианин ждал, слегка пригнувшись, затем сделал небольшой шаг в сторону, чтобы уклониться от руки, протянутой к нему, и быстро распрямылся, подобно плотно сжатой пружине.

Его кулак нанес по лицу наставника тупой удар, подобно молоту, ударившему по качану капусты, и Девур отступил назад, пошатнулся и сел на землю. Оглушенный, он с изумлением смотрел на Бигмена.

Его правая щека стала красной, струйка крови медленно текла из уголка рта. Он прикоснулся к ней пальцем, отвел руку и удивленно уставился на кровь.

– Землянин на самом деле выше, чем кажется, – заметил Йонг.

– Я не землянин, я марсианин... – поправил Бигмен. – Вставай, Девур. Или ты слишком слаб? Ты ничего не можешь сделать без помощи роботов? Они вытирают тебе рот, когда ты ешь?

Девур хрипло завопил и вскочил на ноги, но не бросился на Бигмена, а закружил вокруг него, тяжело дыша.

Бигмен тоже кружился, внимательно наблюдая за тяжело дышащим человеком, изнеженным хорошей жизнью и заботой роботов, он видел его нетренированные руки и неуклюжие ноги. Сирианец, в этом Бигмен был уверен, никогда прежде не дрался на кулаках.

Бигмен снова шагнул, внезапно схватил сирианца уверенным движением за руку и заломил ее. Девур издал дикий вопль, рванулся и упал ничком.

– В чем дело? Я – не человек, я всего лишь вещь.

Что тебя беспокоит? – отступил Бигмен.

Девур смотрел со смертельной тоской в глазах на двух наставников. Он поднялся на колени и застонал, коснувшись рукой той стороны тела, на которую упал.

Двое сирианцев не сделали ни одного движения, чтобы помочь ему. Они флегматично наблюдали за тем, как Бигмен снова и снова швырял Девура на землю.

Наконец Зейон шагнул вперед:

– Марсианин, ты здорово изувечишь его, если будешь продолжать в том же духе. Наше согласие тебе было дано на то, чтобы позволить Девуру взять тебя голыми руками. И фактически, по-моему, ты получил то, чего хотел, когда давал свое согласие. Вот и все. Сдайся теперь спокойно мне, или я воспользуюсь игольчатым пистолетом.

Но Девур, шумно дыша, выпалил:

– Отойди, отойди, Зейон. Теперь уже слишком поздно. Назад я говорю. – Взвизгнув, он воскликнул: – Роботы! Ко мне!

– Он сдастся мне, – возразил Зейон.

– Не сдастся, – сказал Девур, его разбитое лицо кривилось от физической боли и огромной ярости. – Не сдастся. Слишком поздно для этого... Ты, робот, самый ближайший к нему – я не интересуюсь твоим серийным номером, – ты! Взять его, взять эту вещь! –

Его голос возвысился до визга, когда он указывал на Бигмена. – Разружьте его! Разломайте его! Разломайте его на составные части!

– Девур! Ты сошел с ума! Робот не может сделать то, чего ты требуешь, – крикнул Йонг.

Робот продолжал стоять. Он не двигался.

И тогда Девур сказал:

– Ты не можешь причинить вред человеческому существу, робот. Я не просил тебя об этом. Но это – не человеческое существо.

Робот повернулся, чтобы посмотреть на Бигмена.

– Он не хочет верить этому. Ты можешь считать меня не человеком, но робот знает лучше, – закричал в ответ Бигмен.

– Робот, посмотри на него, – настаивал Девур. – Он говорит, и у него человеческая фигура, но ты действуешь так же, а ты не являешься человеком. Я могу доказать тебе, что это не человек. Когда-либо ты видел, чтобы человек в полный рост был таким маленьким? Это доказывает, что он не человек. Это животное, и оно причинило мне вред. Ты должен разрушить его.

– Спасайся под крылышком у маменьки-робота, – крикнул Бигмен с насмешкой.

Но робот сделал первый шаг к нему.

Йонг шагнул и стал между роботом и Бигменом.

– Я не могу позволить этого, Девур. Робот не дол-

жен делать этого, потому что нет никакого другого повода, кроме как напряжение потенциала, побуждающего его к разрушению.

Но Девур хрипло прошептал:

– Я – твой начальник. Если ты сделаешь что-либо, чтоб остановить меня, завтра я тебя вышвырну со Службы.

Привычка повиноваться была сильной. Йонг отступил, но на его лице появилось выражение глубокого страдания и ужаса.

Робот двинулся быстрее, и теперь Бигмен сделал осторожный шаг назад.

– Я человеческое существо, – сказал он.

– Это не человек! – дико закричал Девур. – Это не человек. Разломай на куски эту вещь. Медленно...

Озноб пробежал по Бигмену, и во рту у него пересохло. На это он не рассчитывал. Быстрая смерть, да, но такое...

Отступить было некуда, и без игольчатого пистолета ему не убежать. Позади находились другие роботы, и все слышали слова о том, что он не человек.

12. Капитуляция

На раздувшемся и разбитом лице Девура появилась улыбка. Она причинила ему боль, поскольку одна губа была разбита, и он рассеянно приложил носовой платок к ней, но глаза его смотрели на робота, двигающегося прямо к Бигмену, и тот, казалось, ничего еще не понимал.

У маленького марсианина было всего лишь шесть футов для отступления, и Девур не сделал никакого усилия, чтобы поторопить приближающегося робота или двинуть тех, что находились в тылу у Бигмена.

– Девур, ради спасения Сириуса, в этом нет необходимости, – предостерег Йонг.

– Без замечаний, Йонг, – настойчиво произнес Девур. – Этот гуманоид разрушил робота и, возможно, причинил вред другим. Нам потребуется проверка каждого робота, оказавшегося под его грубым воздействием. Он заслуживает смерти.

Зейон поднял было руку, чтобы остановить Йонга, но раздумал и опустил ее.

– Смерть? Хорошо, – согласился Йонг, – но тогда отправь его на Сириус, подвергни суду и казни с соответствующим приговором. Или устрой суд здесь, на базе, и в соответствии с ним накажи его. Но это не бу-

дет расправой. Просто из-за того, что он ударил...

Девур, разозлившись, внезапно закричал:

– Хватит! Ты слишком часто вмешиваешься. Ты арестован. Зейон, возьми его бластер и передай мне.

И он быстро отвернулся, не желая даже на минуту оставлять без своего присмотра Бигмена:

– Выполний, Зейон, или я с помощью всех дьяволов космоса уничтожу и тебя.

Нахмутив брови и ничего не говоря, Зейон протянул руку к Йонгу. Йонг колебался, его пальцы крепко сжимали приклад бластера, в гневе наполовину вынутого из кобуры.

Зейон настойчиво прошептал:

– Не надо, Йонг. Не давай ему повода. Он будет арестован, когда его сумасшествие отойдет. Так будет.

Девур приказал:

– Подай мне бластер!

Дрожащей рукой Йонг рванул его из кобуры и бросил с силой Зейону. Последний отшвырнул его под ноги Девуру, и Девур поднял его.

Бигмен, который сохранял молчание все это время, занятый мучительными поисками выхода из создавшегося положения, теперь, когда железная рука робота сжала его запястье, прокричал:

– Не тронь меня!

На миг робот заколебался, и тут же его хватка ослабла. Другая его рука потянулась к локтю Бигмена. Девур засмеялся резким, пронзительным смехом.

Йонг повернулся на каблуках и сказал сдавленным голосом:

– По крайней мере, я не обязан наблюдать это трусливое преступление. – И поэтому он не увидел того, что последовало за этим...

Лакки с трудом заставлял себя сохранять спокойствие, когда три сирианца вышли из комнаты. С чисто физической точки зрения, он не мог сломать робота голыми руками. Конечно, где-то в здании могло быть оружие, которое он мог использовать для уничтожения робота, затем выйти и даже разделаться с тремя сирианцами.

Но все равно не было возможности ни покинуть Титан, ни добиться победы над всей базой.

Хуже всего, если бы его убили – и в конце концов это могло случиться, – тогда поставленные перед ним задачи не были бы выполнены, а он не мог этим рисковать.

– Что произошло с господином Бигменом? Быстро расскажи главное, – приказал он роботу.

Робот выполнил приказ, и Лакки слушал его с напряжением и болезненным вниманием. Временами он слышал невнятное бормотание робота, его шепе-

лявое произношение отдельных слов, неясность речи, что возникло в результате двойного травмирующего воздействия на роботов со стороны Бигмена: сначала, когда он притворился раненым, а затем, когда угрожал нанести вред человеку.

Лакки вздохнул про себя. Робот разрушен. Сила сирианского закона должна со всей полнотой распространяться и на Бигмена. Лакки достаточно хорошо был знаком с сирианской культурой и с их отношением к своим роботам, чтобы знать: оправдательных мотивов для уничтожения робота не существует.

Как теперь спасти импульсивного Бигмена?

Лакки вспомнил свою нерешительную попытку оставить Бигмена на Мимасе. Он не предусмотрел всего, но его испугало поведение Бигмена в том щекотливом положении, в каком они теперь оказались. Он мог настоять на том, чтобы остался там Бигмен, но что пользы в том? Даже когда он всего лишь думал об этом, он понимал, что нуждается в компании Бигмена.

И он обязан спасти его. Любым способом обязан спасти его.

Он быстро пошел к двери здания, робот вяло преградил ему дорогу.

– Согласно моим инструкциям, господин не может покинуть здание ни при каких обстоятельствах.

– Я не ухожу из здания, – сказал Лакки резко. – Я

только подошел к двери. У тебя нет инструкций препятствовать этому.

На миг робот замолчал, затем, запинаясь, проговорил:

– Согласно моим инструкциям, господин не должен покидать здание ни при каких обстоятельствах.

В отчаянии Лакки попытался его отстранить, но робот его схватил, сжал в своих объятиях и затем мягко оттолкнул обратно.

Лакки в нетерпении закусил губу. Невредимый робот, подумал он, может интерпретировать свои инструкции расширительно. Этот робот, однако, поврежден. Это сводило его способность понимания лишь к восприятию голой сути.

Но он должен увидеть Бигмена. Он подбежал к конференц-столу. В его центре находилось трехмерное, воспроизводящее изображение устройство. Девур пользовался им, когда два наставника вызвали его.

– Ты, робот! – позвал Лакки.

Робот прогромыхал к столу.

– Как работает изображающий репродуктор? – спросил Лакки.

Робот медлил. Его речь становилась все более хриплой.

– Рычаги управления спрятаны.

– Где спрятаны?

Робот показал ему, неуклюже сдвинув в сторону панель.

– Отлично, – воскликнул Лакки. – Могу я настроиться на пространство перед зданием? Покажи мне. Сделай это.

Он отошел в сторону. Робот работал, неумело нащупывая кнопки.

– Сделано, господин.

– Тогда позволь посмотреть. – Изображение внешнего пространства возникло на экране стола в уменьшенном виде, фигуры людей были еще меньше. Робот отошел и стал тупо смотреть куда-то вдаль.

Лакки не позвал его назад. Звука не было, но пока он нащупывал кнопку регулятора звука, его внимание приковала драма, которая разыгралась перед ним. Девур дрался с Бигменом. Бигмен – боец!

Как этот маленький чертенок заставил двух сирийцев стоять в стороне и не мешать тому, что происходило? Иначе, конечно, Бигмен был бы разорван в клочья своими противниками. Однако Лакки от увиденного не стало веселее. Это могло закончиться только смертью Бигмена, и Лакки знал, что Бигмен понимал это и не волновался. Марсианин шел на верную смерть, используя любую возможность, чтобы отомстить за обиду... Ах, один из наставников остановил бой.

В это время Лакки нашел звуковой регулятор. Слова вырвались из репродуктора: неистовый призыв Девура к роботам и его приказ, чтобы они разрушили Бигмена.

В первые секунды Лакки не был уверен, что слышал все правильно, но затем он в отчаянии ударил кулаками по столу и впал в настоящую панику.

Он должен выбраться отсюда, но как?

Он был наедине с роботом, получившим только одну инструкцию: любой ценой парализовать Лакки.

Неужели нет ничего более важного, чем этот приказ? У него не было даже оружия, с помощью которого он мог бы пригрозить покончить жизнь самоубийством или уничтожить робота.

Его взгляд упал на телефон на стене. В последний момент он видел возле него Зейона, к нему, видимо, обращались при крайней необходимости, как в случае с вестями о Бигмене.

– Робот! Быстро, – потребовал Лакки. – Что здесь следует сделать?

Робот приблизился, посмотрел на светящуюся легким красным светом комбинацию кнопок и произнес с мучительной медлительностью:

– Наставник приказал всем роботам приготовить боевой пост.

– Как мог бы я приказать всем роботам на самом

деле отправиться на боевые посты? Отменив немедленно все предшествующие приказы?

Робот уставился на него, и Лакки почти в бешенстве схватил руку робота и дернул ее:

– Скажи мне. Скажи мне.

Мог ли механизм понять его? Или его разрушенный мозг все еще находится под властью последних остатков инструкции, которая предостерегает его от сообщения такой информации?

– Скажи мне! Или сделай это сам, сделай это!

Робот, ничего не говоря, вяло протянул палец к прибору и медленно нажал на две кнопки. Затем его палец поднялся на дюйм и замер.

– Это все? Ты сделал? – спросил Лакки в отчаянии.

Но робот только повернулся и вялой походкой, приволакивая заметно ногу, подошел к двери и исчез.

Неслышными шагами Лакки устремился за ним вон из здания, чтобы преодолеть ту сотню ярдов, которая отделяла его от Бигмена и трех сирианцев.

Йонг, отвернувшись в ужасе от предполагаемой леденящей душу сцены уничтожения человеческого существа, не услышал криков агонии, которых ожидал. Вместо этого послышалось испуганное ворчанье Зейона и дикий крик Девура.

Он обернулся. Робот, державший за руку Бигмена, отпустил его. Он тяжело убежал прочь. Остальные ро-

боты в обозримом пространстве также спешили убежать.

И землянин, Лакки Старр, каким-то непонятным образом оказался рядом с Бигменом.

Лакки склонился над Бигменом, а маленький марсианин, зло размахивая своей левой рукой, тряс головой. Йонг услышал, как тот шептал:

– Опоздай ты на одну минутку, Лакки, только на одну минуту позже и...

Девур хрипло и бесполезно взывал к роботам, и тогда громкоговоритель внезапно наполнил воздух громом:

– КОМАНДУЮЩИЙ ДЕВУР, ПОЖАЛУЙСТА, ИНСТРУКЦИИ. НАШИ ПРИБОРЫ НЕ РЕГИСТРИРУЮТ НИКАКИХ ПРИЗНАКОВ ВРАГА. ОБЪЯСНИТЕ ПРИКАЗ ПО БОЕВЫМ ПОСТАМ. КОМАНДУЮЩИЙ ДЕВУР...

– Боевые посты, – ошеломленно пробормотал Девур. – Неудивительно, что роботы... – Его глаза уставились на Лакки. – Ты сделал это?

– Да, сэр.

Девур надул губы и хрипло проговорил:

– Мудрый, изобретательный Советник! На миг ты спас свою обезьяну. – Его бластер целился в грудь Лакки. – Отправляйся в мой офис. Ты тоже, Зейон. Все вы.

Видеоприемник на его столе сумасшедше жужжал. Очевидно, отчаявшись найти Девура в офисе, его обезумевшие подчиненные пустили громкоговоритель на полную мощь.

Девур выключил звук, но оставил слабое изображение.

– Отменяю приказ о боевых постах. Это была ошибка.

Человек на другом конце связи сказал что-то, запинаясь, и Девур резко ответил:

– С изображением все в порядке. Живее! Каждый возвращается к своему прежнему заданию. – И почти против воли его рука в нерешительности повисла между лицом и экраном, как будто он испугался, что кто-то другой каким-то образом сможет наладить изображение и тогда увидит его разбитое лицо и удивится этому.

Ноздри Йонга раздулись, когда он заметил это, и он медленно протер глаза покрытой шрамами рукой.

Девур сел за свой стол.

– Остальным стоять, – приказал он и посмотрел угрюмо по очереди всем в лицо. – Этот марсианин умрет, может быть, не от рук роботов или не в обезоруженном корабле. Я подумаю об этом; и если ты, землянин, полагаешь, что спас его, то будь уверен, что я придумаю что-то еще более забавное. У меня

великое воображение.

– Я требую, чтобы его считали военнопленным, – заявил Лакки.

– Но войны нет, – ответил Девур. – Он же шпион. Он заслуживает смерти. Он убийца робота. Он дважды заслуживает смерти. – Его голос внезапно задрожал. – Он поднял руку на меня. Он заслуживает смерти дюжину раз.

– Я выкупаю моего друга, – прошептал Лакки.

– Он не продается.

– Я заплачу высокую цену.

– Каким образом? – свирепо ухмыльнулся Девур. – Выступив свидетелем на конференции, как я тебе предлагал? Теперь уже слишком поздно. И этого недостаточно.

– Этого я никогда не смогу сделать, – сказал Лакки. – Я не буду лгать во вред Земле, но существует правда, и я могу ее рассказать; правда, о которой вы не знаете.

Бигмен резко его прервал:

– Не торгуйся с ним, Лакки.

– Обезьяна права, – поддержал Девур. – Не торгуйся. Ты ничего не сможешь сделать мне такого, чтобы выкупить его. Я не продам его даже за всю Землю.

Неожиданно вошел Йонг.

– Я бы согласился и на меньшее. Послушаем Со-

ветника. Их жизни, возможно, стоят той информации, которой они располагают.

– Не провоцируй меня. Ты под арестом, – оборвал его Девур.

Но Йонг поднял стул и швырнул его с треском:

– Я не признаю твоего ареста. Я наставник. Ты не можешь собственноручно наказать меня. Ты не осмелишься, как бы я тебя ни провоцировал. Ты обязан сохранить меня для суда. И на любом суде у меня есть что сказать.

– А именно?

Вся неприязнь стареющего наставника к молодому аристократу выплеснулась наружу:

– Обо всем, что произошло сегодня: как пятифутый землянин бил тебя до тех пор, пока ты не взвыл и Зейон не вынужден был вступиться, чтобы спасти тебе жизнь. Зейон выступит свидетелем. Все на базе запомнят, что ты не осмелился показать свое лицо в течение нескольких дней после сегодняшнего происшествия. Или у тебя хватит мужества показать разбитое лицо до того, как оно заживет?

– Умолкни!

– Не хочу молчать. Мне не потребуется ничего говорить, если ты прекратишь ставить свою личную ненависть выше блага Сириуса. Слушай то, что собирается сказать Советник. – Он повернулся к Лакки. – Я

обещаю тебе честное соглашение.

– Что еще за честное соглашение? – проговорил Бигмен. – Ты и Зейон однажды проснетесь утром и обнаружите себя случайно убитыми, а Девур будет весьма сожалеть и пошлет вам цветы, только после этого уже некому будет рассказать, как он призывал на помощь роботов, чтобы спрятаться за их спиной, когда марсианин вытряхивал из него душу. И все пойдет так, как ему угодно. Итак, из-за чего торгуемся?

– Ничего подобного не произойдет, – твердо сказал Йонг, – потому что я рассказал всю историю одному из роботов в течение того часа, что был здесь. Девур не знает, какому роботу, и не узнает. Если же Зейон или я сам умрем каким-то неестественным образом, история будет передана полностью в общественный субэфир. Я совершенно уверен, что Девур будет старательно заботиться, чтобы с Зейоном и мной ничего не случилось.

– Мне не нравится это, Йонг, – затряс головой Зейон.

– Тебе это понравится, Зейон. Ты засвидетельствуешь его избиение. Не думаешь ли ты, что он сделает себе хуже из-за тебя, не прими ты предохранительных мер? Идем, мне надоело жертвовать честью Службы ради племянника властителя.

– Хорошо, что за информация у тебя, Советник

Старр?

– Это больше чем информация, – проговорил глухо Лакки. – Это капитуляция. Есть еще один Советник в пространстве, которое вы называете территорией Сириуса. Согласитесь признать моего друга в качестве военнопленного и сохранить ему жизнь, забыв об инциденте с уничтожением робота, и я выдам этого другого Советника.

13. Накануне полета на Весту

Бигмен, который до самого конца был уверен, что у Лакки есть какая-то уловка, ужаснулся. Он душераздирающе закричал:

– Нет, Лакки! Нет! Такой ценой я не хочу освободиться!

Девур откровенно удивился:

– Где? Ни один корабль не мог проникнуть сквозь нашу оборону. Это ложь.

– Я доставлю вас к этому человеку, – угрюмо сказал Лакки, – если мы достигнем соглашения.

– О силы! – прорычал Йонг. – Ведь это и есть соглашение.

– Подожди, – зло прервал его Девур. – Я признаю, что это может представлять для нас ценность; но предлагает ли Старр откровенно выступить на конференции на Весте и сообщить о том, что другой Советник вторгся на нашу территорию и сам Старр добровольно раскрыл его тайное местопребывание?

– Это так, – ответил Лакки. – Я признаюсь в этом.

– Слово чести Советника? – презрительно усмехнулся Девур.

– Я уже сказал, что дам показания.

– Ну что ж, идет, – сказал Девур, – поскольку на-

ши наставники хотят получить эту информацию, у тебя есть возможность в обмен на нее получить ваши жизни. – Внезапно его глаза яростно вспыхнули. – На Мимасе. Это так, Советник? Мимас?

– Ты прав.

– Клянусь Сириусом! – Девур вскочил в волнении. – Мы едва не проворонили его. Службе, по-видимому, это не пришло в голову.

– Мимас? – задумчиво повторил Зейон.

– Служба пока его не получит, – злобно глядя на него, заявил Девур. – На «Метеоре» было три человека, очевидно, все трое вышли на Мимасе, двое вернулись на борт корабля, один же остался там. Мне кажется, именно в вашем отчете, Йонг, утверждалось, что Старр всегда работает в паре.

– Он всегда так действовал, – возразил Йонг.

– И у вас не хватило сообразительности предугадать возможность присутствия третьего человека? Когда мы отправимся на Мимас? – Казалось, Девур подавил в себе яростное стремление к мести под влиянием этого неожиданного развития событий, возвратившись к той насмешливой иронии, которую демонстрировал, когда двое землян опустились на Титане. – Своим присутствием ты доставишь нам удовольствие, Советник, не так ли?

– Конечно, мистер Девур, – кивнул Лакки.

Бигмен отошел, опустив голову. Теперь он почувствовал себя плохо, даже хуже, чем в момент приближения робота, когда металлические клешни сжали его руку, готовые ее сломать.

«Метеор» снова летел в космосе, но уже не как независимый корабль. Его взяли в жесткие магнитные объятия, и он шел в соответствии с импульсами от мотора сопровождающего сирийского корабля.

Полет от Титана до Мимаса занял полных два дня, и это было тяжелое для Лакки время, полное горьких, тревожных ожиданий.

С ним не было Бигмена, его у него забрали и поместили на сирийском корабле. (Как подчеркнул Девур, находясь на разных кораблях, они стали заложниками соответствующего поведения каждого из них.)

Вторым на корабле был сирийский наставник Харрит Зейон. С ним было нелегко. Он не пытался обратить Лакки Старра в сирийскую веру, и Лакки не мог удержаться, чтобы не перейти в наступление по этому поводу. Он спросил, был ли Девур, по мнению Зейона, образцом высшей расы человеческих существ, которые населяют планеты Сириуса.

Зейон отвечал неохотно:

- Девур не принес пользы ни на Службе учебной, ни на Службе порядка. Он слишком эмоционален.
- Ваш коллега Йонг, похоже, считает последнее са-

мым серьезным недостатком. Он не делает секрета из своего невысокого мнения о Девуре.

– Йонг является... является представителем экстремистского течения среди наставников. Тот шрам на руке он получил во время каких-то звездных волнений, сопровождавших приход к власти нынешнего руководителя Центрального Управления.

– Дяди Девура?

– Да. Служба была на стороне предыдущего руководителя, и Йонг честно исполнял приказы. В результате при новом режиме он не получил повышения по службе. О, они отослали его сюда и назначили в комитет, который представлял Сириус на Весте, но фактически он оставался в подчинении Девура.

– Племянника руководителя.

– Да. И Йонга это возмутило. Сам Йонг не может понять, что Служба является государственной организацией, и нет никаких вопросов в отношении ее политики или политики лиц или групп, которые ею руководят. В других отношениях он прекрасный наставник.

– Но вы не ответили на вопрос, считаете ли вы Девура соответствующим требованиям сирийской элиты.

– А что у вас на Земле? У вас разве никогда не было неподходящих правителей? Или даже преступных? – разозлился Зейон.

– Да, были, – признался Лакки, – но на Земле мы – разнообразная масса; мы отличаемся друг от друга. Ни один правитель не может оставаться у власти очень долго, если он не идет на компромиссы. Стоящие за компромисс правители, может быть, не динамичны, но зато они не тираны. На Сириусе вы развивались в сторону единообразия, и правитель может идти на крайности ради этого единообразия. По этой причине автократия и насилие в политике представляют собой исключение на Земле, а у вас же они становятся правилом.

Зейон вздохнул, и прошли долгие часы, прежде чем он снова заговорил с Лакки. Разговор продолжался до тех пор, пока Мимас на видеоэкране не увеличился в размерах, и они должны были сбросить скорость перед приземлением.

– Скажи мне, Советник (я говорю о твоей чести), это своего рода уловка? – в конце спросил Зейон.

У Лакки засосало под ложечкой, но он сказал спокойно:

– Что вы подразумеваете под уловкой?

– Действительно ли на Мимасе находится Советник?

– Да. Чего вы боитесь? Того, что у меня на Мимасе есть какое-то силовое замаскированное приспособление, предназначенное отправить всех нас в небы-

тие?

– Может быть, что-то в этом роде.

– А что я в таком случае выиграю? Уничтожу один из сирийских кораблей и дюжину сирийцев?

– Зато будет восстановлена твоя репутация.

Лакки пожал плечами.

– Я заключил сделку. Там у нас есть Советник. Я пойду и заберу его, он не окажет сопротивления.

– Очень хорошо. Думаю, в конце концов ты не стал бы сирийцем. Лучше тебе оставаться землянином.

Лакки горько улыбнулся. Вот что, значит, было причиной горького юмора Зейона. Его представление о чести вступало в противоречие с поведением Лакки, несмотря на то что таким образом он собирался принести пользу Сириусу.

С Центрального Порта Интернейшенл-Сити, Земля, Главный Советник Гектор Конвей собирался лететь на Весту. Он ничего не слышал о Лакки с тех пор, как «Метеор» скрылся в тени Идальго.

Краткий доклад, представленный капитаном Бернольдом, был достаточно специфическим и отличался, как обычно, твердым здравым смыслом, присутствием Лакки. Созыв конференции был единственным выходом из создавшегося положения. Президент сразу понял это, и, хотя некоторые члены кабинета были настроены воинственно, их позиция не прошла.

Даже Сириус (совсем как и предсказывал Лакки) энергично поддержал эту идею. Очевидно, сирийское правительство надеялось, что конференция не удастся и приведет к войне. Внешние события давали им карты в руки.

Именно этот факт следовало во что бы то ни стало держать в тайне от общественности. Если бы все подробности были переданы через субэфир без тщательной подготовки, возмущенная общественность, несомненно, подталкивала бы правительство Земли к войне против всей Галактики. Созыв конференции только бы ухудшил положение, его могли интерпретировать как трусливое предательство в пользу сирийцев.

Но и полная секретность была просто невозможна, к тому же и пресса была разозлена и возмущена выхолощенными правительственными отчетами. С каждым днем положение ухудшалось. Президенту следовало любым способом продержаться до начала конференции. А если бы конференция провалилась, то существующая ситуация показалась бы медом по сравнению с той, которая надвигалась.

Последовавшее затем всеобщее негодование обрушилось бы на Совет Науки, он был бы совершенно дискредитирован и уничтожен, Земная Федерация лишилась бы своего могущественного оружия как раз

тогда, когда она более всего нуждалась в нем.

Уже несколько недель Гектор Конвей не спал без снотворного и впервые за всю свою карьеру всерьез подумывал об отставке.

Он тяжело поднялся и направился к кораблю, подготавливаемому к запуску. Через неделю он будет на Весте для предварительных дискуссий с Доремо. Этот старый красноглазый государственный деятель способствовал балансу сил. В этом не было сомнения. Его могущество держалось на слабости окружающего его маленького мира. Он был, пожалуй, самым честным и бескорыстным нейтралом в Галактике, и даже сирианцы прислушивались к нему.

Если бы Конвей сумел достучаться до него, чтобы начать с...

Он едва заметил приближающегося к нему человека и остановился, чтобы избежать столкновения.

– Эй! Что такое? – воскликнул с досадой Конвей.

Человек притронулся к полям шляпы:

– Жан Дьепп из Транс-субэфира, шеф. Я хотел бы знать, не ответите ли вы на несколько вопросов?

– Нет, нет. Я уже готов подняться на борт корабля.

– Понимаю, сэр. Но у меня есть важная причина, чтобы задержать вас. Другого шанса у меня может и не быть. Вы, конечно, направляетесь на Весту.

– Да, конечно.

– Чтобы обсудить грубые нарушения закона на Сатурне?

– Ну и что?

– Чего вы ожидаете от конференции, шеф? Вы предполагаете, что Сириус прислушается к резолюциям и голосованию?

– Да, думаю, это будет так.

– Вы думаете, что голоса будут против него?

– Уверен в этом. Теперь я могу пройти?

– Простите, сэр, но как раз теперь возникло нечто очень важное, о чем должны знать люди Земли.

– Прошу вас, только не говорите мне, о чем они, по вашему мнению, должны знать. Уверяю вас, что благоденствие людей на Земле близко моему сердцу.

– И именно поэтому Совет Науки разрешит иностранным правительствам голосовать за или против вторжения на территорию Земной Федерации? Этот вопрос отложен до вашего собственного решения?

Конвей не мог не заметить скрытой угрозы во внешне вежливых, но настойчивых вопросах репортера. Вблизи от корабля за спиной репортера он увидел Государственного секретаря, беседующего с группой других представителей печати.

– Чего вы добиваетесь? – устало спросил он.

– Боюсь, шеф, что общественность сомневается в добросовестности Совета. И еще раз в этой связи:

Транс-субэфир принял сообщения сирийского радиовещания, которые не доведены до широкой публики. Мы нуждаемся в ваших комментариях по поводу этих сообщений.

– Никаких комментариев. Сообщения сирийского радиовещания годятся только для домашнего употребления, но не содержат ничего, заслуживающего комментариев.

– Этот отчет был довольно обстоятельным. Кстати, где сейчас Советник Дэвид Старр, легендарный Лакки? Где он?

– Что?

– Продолжим, шеф. Я знаю, что агенты Совета не любят гласности, но разве Советник Старр не был послан на Сатурн с секретной миссией?

– Ну, если это так, молодой человек, неужели вы думаете, что я вам скажу об этом?

– Да, если уже на Сириусе говорят об этом. Для них это уже не секрет. Они говорят, что Лакки Старр вторгся в Сирийскую систему и был схвачен. Это правда?

– Я ничего не знаю о настоящем местонахождении Советника Дэвида Старра, – жестко проговорил Конвей.

– Не означает ли это, что он, возможно, находится сейчас в системе Сатурна?

– Это означает, что я ничего не знаю о его местона-

хождении.

Репортер наморщил нос:

– Отлично. Если вы думаете, что фраза «Шеф Совета Науки признается в том, что не знает о местонахождении одного из своих лучших агентов» звучит лучше, то это ваше дело. Но в обществе растут настроения, направленные против Совета. Идут разговоры о недееспособности Совета, допустившего, чтобы Сириус получил преимущества на Сатурне, и о его попытках оправдать свои действия ради спасения своей политической репутации.

– Вы разговариваете в оскорбительном тоне. До свидания, сэр.

– Сирианцы определенно утверждают, что Лакки Старр захвачен в системе Сатурна. Никаких комментариев и по этому поводу?

– Нет. Позвольте пройти.

– Сирианцы говорят, что Лакки Старр будет на конференции.

– О? – На момент Конвей не смог подавить своего интереса.

– Похоже, что вас задело, шеф. Вся штука заключается в том, что сирианцы убеждены: Старр будет давать показания в их пользу.

– Поживем – увидим.

– Вы признаете, что он будет на конференции?

– Мне ничего не известно об этом.

Репортер отступил в сторону.

– Превосходно, шеф. А сирианцы между тем говорят, что Старр уже дал им ценную информацию и что сирианцы на основе этого готовы обвинить нас в агрессии. Интересно, что собирается делать Совет? Бороться с нами или против нас?

Чувствуя себя в западне, Конвей измученно проворчал:

– Никаких комментариев, – и двинулся к кораблю.

Репортер прокричал ему вслед:

– Старр – ваш приемный сын, не так ли, шеф?

На миг Конвей обернулся. Затем, не сказав ни слова, поспешил на корабль.

Ну что ему говорить? Что он мог сказать, кроме того, что впереди его ждет межзвездная конференция, более важная для Земли, чем любое другое совещание в истории? То, что эта конференция дает огромные преимущества Сириусу. Что весьма велики шансы, что мир, Совет Науки, Земная Федерация – все будет уничтожено.

И что только тонкий щит, создаваемый усилиями Лакки, может спасти их. Больше, чем что-либо еще – больше даже, чем проигранная война – Конвея угнетала мысль о том, что, если сирианская сводка новостей верна и если конференция, несмотря на нестан-

дартные действия Лакки, все же провалится, Лакки останется в истории как архипредатель Земли! И лишь очень немногие знают истину.

14. На Весте

Государственный секретарь Ламонт Финни был профессиональным политиком, прослужив около пятнадцати лет в законодательных органах, и его отношения с Советом Науки никогда не были очень дружественными. Теперь он постарел, здоровье его не улучшилось, и он стал брюзгой. Официально он возглавлял делегацию Земли на Весту. В действительности, однако, и Конвей очень хорошо это понимал, будучи главой Совета Науки, именно он, Главный Советник, должен быть готовым взять на себя всю ответственность за провал конференции, если она провалится.

Финни сделал это понятным, прежде чем корабль, один из самых лучших космических лайнеров Земли, взмыл вверх.

– Пресса почти не контролируется. Ваше положение, Конвей, неважное, – сказал он.

– И всей Земли также.

– Ваше, Конвей.

Конвей мрачно проговорил:

– Ну что ж, у меня нет никаких сомнений относительно того, что, если дела пойдут плохо, Совет не сможет ожидать поддержки от правительства.

– Да, боюсь, никакой поддержки не будет. –

Тщательно заботясь об уменьшении неприятностей при взлете, Государственный секретарь пристегнулся ремнями и убедился, что бутылочка с пилюлями против космической болезни у него под рукой. – Правительственная поддержка, оказанная вам, означала бы лишь отставку правительства, и возникло бы множество неприятностей в связи с военным положением. Мы не можем допустить политическую нестабильность.

Конвей подумал, что Финни совсем не верит в благоприятный результат конференции, он ожидает войны, и вслух сказал:

– Послушайте, Финни, если произойдет самое худшее, мне понадобятся голоса, чтобы спасти репутацию Советника Старра от...

Финни мгновенно поднял свою седую голову с гидравлической подушки кресла и посмотрел на него потухшими глазами.

– Невозможно. Ваш Советник отправился на Сатурн самовольно, не спрашивая разрешения, не получив никакого приказа. Он добровольно шел на риск. Если дело обернется плохо, то это его вина. Что еще мы можем сделать?

– Я знаю, он...

– Я не знаю, – настаивал политик. – Я ничего не знаю официально. Вы достаточно долго участвовали

в общественной жизни, чтобы знать, что при определенных условиях народ нуждается в козле отпущения и настоятельно его требует. Советник Старр станет козлом отпущения.

Он снова откинулся на подушку и закрыл глаза. Конвей откинулся рядом с ним. Где-то в другом конце корабля другие люди находились на своих постах, и слышался нарастающий гул двигателей, их рев достиг пика, когда корабль оторвался от стартовой площадки и исчез в небе.

«Метеор» парил над Вестой на высоте тысячи миль, схваченный ее слабым притяжением, медленно кружил вокруг нее, блокировав двигатели. К нему пришвартовалась маленькая спасательная шлюпка, отошедшая от сирийского корабля. Наставник Зейон покинул «Метеор», чтобы присоединиться к сирийской делегации на Весте, и его место занял робот. В спасательной шлюпке находились наставник Йонг и Бигмен.

Лакки удивился, когда на видеоэкране показалось лицо Йонга.

– Что вы делаете в космосе? Бигмен с вами?

– Да. Я его страж. Думаю, вы ожидали увидеть робота.

– Да, конечно. Или после событий последнего времени они не доверяют роботам Бигмену?

– Нет, это только маленькая уловка Девура для того, чтобы я не присутствовал на конференции. Это пощечина Службе.

– Наставник Зейон будет там, – заметил Лакки.

– Зейон, – фыркнул Йонг. – Он подходящий человек, но он их сторонник. Он не может осознать, что Служба – это больше, чем слепое повиновение приказам сверху; у нас моральный долг перед Сириусом, и задача Службы – следить, чтобы планета управлялась в соответствии с нерушимыми принципами чести, которыми руководствуется и сама Служба.

– Как Бигмен? – поинтересовался Лакки.

– Вполне прилично. Он выглядит несчастным. Странно, что такая странно выглядящая личность имеет более твердое чувство долга и чести, чем личность, подобная вашей.

Лакки стиснул зубы. Оставалось немного времени, и всякий раз, когда Йонг принимался рассуждать о потере чести Лакки, он волновался. Ведь отсюда был лишь шаг до вопроса, не имеет ли Лакки каких-либо шансов восстановить свою честь, а тогда они могли заинтересоваться истинными намерениями Лакки, после чего...

Йонг пожал плечами.

– Ну, ладно, я обязан сделать так, чтобы все было хорошо. Я отвечаю за ваше благополучие. И своевре-

менно мы опустим вас перед конференцией.

– Пойдите, наставник. Вы оказали мне услугу, вернувшись на Титан...

– Я ничего не сделал для вас лично. Я исполнял долг.

– Тем не менее вы спасли жизнь Бигмену и мне. Может так случиться, что по окончании конференции ваша жизнь, не исключено, окажется в опасности.

– Моя жизнь?

Лакки сказал озабоченно:

– Один раз я уже получил доказательство того, что Девур способен по той или иной причине решить отделаться от вас из-за риска, что сирианцы узнают о его драке с Бигменом.

Йонг горько улыбнулся:

– Его ни разу не было видно за все путешествие, он находился все время в своей кабине из-за лица. Так что я в достаточной безопасности.

– И все же, если вы посчитаете себя в опасности, сразу обратитесь к Гектору Конвею, шефу Совета Науки. Клянусь, он примет вас как политического изгнанника.

– Думаю, вы говорите из добрых побуждений, но мне кажется, что после конференции именно Конвей будет нуждаться в политическом убежище. – И Йонг отключил связь.

А Лакки посмотрел вниз на мерцающую Весту и грустно подумал о том, что в конце концов шансов в пользу предположений Йонга значительно больше.

Веста – один из крупнейших астероидов. По размеру она была меньше Цереры, которая имела в диаметре более пятисот миль и считалась великаном среди астероидов, но благодаря своей двухсотпятнадцатимильной окружности Веста попадала во второй класс астероидов вместе с Палладой и Юноной.

С Земли Веста казалась самым ярким астероидом из-за того, что ее оболочка состояла в основном из карбоната кальция, в то время как другие астероиды были покрыты более темными силикатами и металлическими окислами.

Ученые много размышляли об этом странном отклонении ее химического состава (о чем они не подозревали до недавней высадки на нее; до этого древние астрономы полагали, что Веста лежит под слоем льда или замерзшего карбона диоксида), но не пришли ни к какому выводу. Принимая во внимание эту особенность, ее называли «мраморным миром».

«Мраморный мир» служил базой для космических кораблей, начиная с первых дней битвы с космическими пиратами пояса астероидов. Естественные пещеры под ее поверхностью были расширены и герметизированы, и там хватало места для размещения ко-

раблей и для хранения двухлетнего запаса провизии для их команд.

Теперь база более или менее устарела, но с небольшой реконструкцией пещер она могла представлять (и представляла) наиболее подходящее место для встречи делегатов со всех концов Галактики.

Внизу находились склады с продовольствием и водой, там же были и предметы роскоши, в которых пилоты не отказывали себе. Пройдя через мраморную поверхность и оказавшись внутри астероида, вы не могли отличить местную обстановку от интерьера превосходного земного отеля.

Делегация Земли, как хозяйева (Веста считалась территорией Земли; даже сирианцы не могли оспорить это), занималась размещением гостей. Во всех номерах имелись приспособления, позволявшие регулировать в них давление и создавать атмосферные условия, к каким делегаты привыкли. Делегаты с Уоррена, к примеру, имели, номера с кондиционированным воздухом, умеренно охлажденным в соответствии с прохладным климатом на их родной планете.

Больших осложнений не произошло и с делегацией от Элама. Этот маленький мир вращался вокруг красной карликовой звезды. Окружающие условия были таковы, что никому и в голову не могла прийти мысль о возможности процветания там че-

ловеческих существ. Неутомимая человеческая изобретательность сумела преодолеть его существенные недостатки.

Нехватка света мешала земным растениям развиваться там как следует, тогда использовали искусственное освещение и вырастили особые породы растений, так что зерно Элама и его сельскохозяйственные продукты были высшего качества, которое вряд ли можно было превзойти где-либо в другом месте Галактики. Процветание Элама базировалось на его сельскохозяйственном экспорте, и в этом другие миры, более защищенные природой, не могли с ним состязаться.

Видимо, в результате слабого света эламского солнца у эламитов не было биологической защиты – кожной пигментации. Жители его обладали чрезвычайно светлой кожей.

Глава делегации Элама, например, был почти альбинос. Это был Агас Доремо, на протяжении более тридцати лет признанный лидер нейтральных сил в Галактике. По каждому вопросу, который возникал между Землей и Сириусом (последний, конечно, представлял экстремистские силы Галактики, выступающие против Земли), он стремился сохранить между ними равновесие.

Конвей и на этот раз рассчитывал на то, что Доре-

мо сумеет его сохранить. Он вошел в номера, предназначенные для эламитов, с дружелюбным выражением лица. Стараясь избежать излишнего чувства, он сердечно пожал всем руки. Он сощурился в слабом красноватом свете и взял стакан эламитского напитка.

– Ваши волосы тоже стали совсем белыми, с тех пор как я видел вас, Конвей, такими же белыми, как и у меня, – заметил Доремо.

– Прошло много времени с нашей последней встречи, Доремо.

– Значит, они побелели не из-за событий последних месяцев?

Конвей печально улыбнулся.

– Это оказало бы свое воздействие в том случае, если бы они были темными.

Доремо кивнул, продолжая потягивать напиток.

– Земля сама поставила себя в такое неприятное положение.

– Это так, и все же по всем правилам логики Земля права.

– Да? – уклончиво молвил Доремо.

– Не знаю, много ли вы размышляли, прежде чем поднять этот вопрос...

– Достаточно много.

– Не хотите ли вы обсудить его предварительно...

– А почему бы и не обсудить? Сирианцы уже были

у меня.

– Ах! Уже?

– Я останавливался на Титане по пути сюда. – Доремо покачал головой. – Они устроили там отличную базу, насколько я мог заметить; они сразу же снабдили меня темными очками – как ужасен этот голубой свет Сатурна, который, конечно, так вреден для зрения. Вы должны доверять им, Конвей; они делают замечательные вещи.

– И вы решили, что они имеют право колонизировать Сатурн?

– Мой дорогой Конвей, я знаю только одно – я хочу мира, – твердо произнес Доремо. – Война никому не принесет добра. Ситуация, однако, такова: сирианцы овладели системой Сатурна. Как можно вытеснить их оттуда, не прибегая к войне?

– Существует только один путь, – проговорил Конвей. – Если другие внешние миры уяснят, что они должны рассматривать Сириус как агрессора, то Сириус не сможет противостоять всей Галактике.

– Ах, но каким образом можно убедить внешние миры голосовать против Сириуса? – спросил Доремо. – Многие из них, уж простите меня, пожалуйста, традиционно относятся к Земле с подозрением, к тому же они скажут, что система Сатурна была необитаемой.

– Но это была явная оккупация, после того как Зем-

ля первой признала независимость внешних миров, как результат гегелевской доктрины, согласно которой способной к независимости следует считать лишь систему, не меньшую, чем звездная система. Когда мы говорим о неоккупированной планетной системе, то подразумевается, что она является частью неоккупированной звездной системы как целого.

– Я согласен с вами. Я признаю, что это был захват. Однако этот захват никогда не подвергался испытанию. Теперь же это произойдет.

– Вы думаете, – мягко сказал Конвей, – что было бы мудрым не считать это захватом, принять новый закон, согласно которому было бы разрешено любому постороннему лицу проникать в систему и колонизировать там незаселенные планеты?

– Нет, – ответил Доремо решительно, – я так не думаю. Я думаю, в наших общих интересах следует продолжать рассматривать звездные системы как неделимое целое, но...

– Но?

– На этой конференции разгорятся страсти, делегатам будет нелегко логически сблизить свои позиции. Если я осмелюсь посоветовать Земле...

– Давайте. Это неофициально и не войдет в отчет.

– Мне хотелось бы сказать: не рассчитывайте на поддержку на этой конференции. Позвольте Сириусу

на этот раз остаться на Сатурне. В конце концов он превысит свою власть, и тогда вы сможете созвать новую конференцию с большей надеждой на успех.

Конвей покачал головой.

– Невозможно. Если мы потерпим здесь провал, у нас разгорятся страсти; они уже разгораются.

Доремо пожал плечами:

– Страсти повсюду. Я в целом настроен весьма пессимистически.

– Но если вы сами уверены в том, что Сириус не должен находиться на Сатурне, неужели вы не постараетесь убедить в этом других? Вы влиятельная личность, обладающая авторитетом в Галактике. Я не прошу вас поступать вопреки своим убеждениям. Это привело бы борозду между войной и миром.

Доремо оставил свой бокал и вытер губы салфеткой.

– Именно так я поступил бы охотнее всего, Конвей, но на этой конференции я не осмелюсь даже сделать и попытки. Сириус имеет основания действовать по-своему, и Эламу опасно становиться у него на пути. Мы – маленький мир... В конце концов, Конвей, если вы созвали эту конференцию, чтобы достичь мирного решения, зачем вы одновременно посылаете свои военные корабли в систему Сатурна?

– Это то, что вам рассказали сирианцы, Доремо?

– Да. Они сообщили мне некоторые факты, которыми они располагают. Мне показали даже захваченный корабль землян, который летел на Весту, ведомый с помощью магнитных щупалец сирийского корабля. Мне сказали, что не кто иной, как Лакки Старр, о котором даже мы на Эламе слышали многое, находится на его борту. Я знаю, что Старра сейчас препроводили на Весту для дачи показаний.

Конвей медленно наклонил голову.

– Теперь, – продолжал Доремо, – если Старр подтвердит военные действия против сирийцев – а он это сделает, другого и не может быть, коль сирийцы разрешают ему дать показания, – тогда это все, что нужно конференции. Все другие аргументы отпадут. Старр, мне это известно, ваш приемный сын.

– До некоторой степени, да, – пробормотал Конвей.

– Вы понимаете, что это еще хуже. И если вы скажете, что он действовал без санкций Земли, как я предполагаю, то вы должны...

– Это действительно так, – подтвердил Конвей, – но я не готов сказать, что мы предъявим ему претензии.

– Если вы отречетесь от него, никто вам не поверит. Делегаты внешних миров поднимут крик о «вероломстве Земли», о ее лицемерии. Сириус приложит к этому все усилия, и я не смогу ничего сделать. Я не смогу даже подать свой голос в защиту Земли... Земле в

настоящий момент лучше уступить.

Конвей отрицательно качнул головой:

– Земля не сможет пойти на это.

– Тогда, – сказал Доремо с бесконечной грустью, – это будет означать войну, войну всех нас против Земли, Конвей.

15. Конференция

Конвей опорожнил свой бокал. Затем поднялся, чтобы уйти, на лице его было выражение крайнего отчаяния.

Как запоздалое объяснение прозвучали его слова:

– Но, вы знаете, мы ведь не слышали еще показаний Лакки. Если результаты не будут такими плохими, как вы полагаете, если его показания окажутся даже не наносящими вреда, то не смогли бы вы тогда выступить в защиту мира?

Доремо пожал плечами:

– Вы хватаетесь за соломинку. Да, да, в том маловероятном случае, если конференция не бросится врассыпную в результате выступления взлелеянного вами сына, я сделаю свой взнос. Как я вам уже сказал, я действительно на вашей стороне.

– Благодарю вас, сэ. – Они вновь пожали друг другу руки.

Доремо глядел вслед уходящему Главному Советнику, грустно покачивая головой. За дверью Конвей остановился, чтоб восстановить дыхание. Все оказалось намного хуже, чем он ожидал. Теперь только бы сирийцы выпустили Лакки.

Как и предполагалось, конференция открылась на

непреклонной и официальной ноте. Каждый выступающий был мучительно корректен, и, когда появилась делегация Земли, чтоб занять свои места в центре зала и на его правом краю, все делегаты встали, в том числе и сирианцы, сидящие в центре зала и с левой стороны.

Затем поднялся Государственный секретарь, представляющий интересы хозяев, чтобы произнести ответственную речь. Он говорил в общих выражениях о мире и о том, что дверь открыта для продолжения экспансии человечества в Галактике; об общем происхождении и братстве всех людей, о серьезных бедах, которые принесет война. Он изо всех сил постарался не упоминать об особой точке зрения, не упомянул сирианцев и сверх всего не произнес никаких угроз.

Ему благосклонно аплодировали. Затем конференция избрала Агаса Доремо председателем (он был единственным человеком, на избрание которого согласились обе стороны), и после этого она приступила к рассмотрению главного вопроса.

Конференция была закрыта для публики, но для репортеров, представляющих разные миры, были устроены специальные кабины. Они не могли интервьюировать отдельных делегатов, но им было разрешено слушать и посылать не просмотренные цензу-

рой отчеты.

Заседания, как это бывало обычно на таких межзвездных собраниях, шли на интерлингве, смешанном языке, который использовался во всей Галактике.

После краткой речи Доремо, превозносившего достоинства компромисса и страстно призывавшего делегатов не быть упрямыми и не рисковать миром, идти на взаимные уступки, чтобы сохранить мир, было вновь предоставлено слово Государственному секретарю Земли.

На этот раз секретарь выступил в полемике хорошо и убедительно.

Однако невозможно было ошибиться относительно враждебности позиций разных делегатов. Эта враждебность, как мгла, висела над залом.

Конвей сидел рядом с ораторствующим секретарем, опустив подбородок на грудь. В обычных условиях было бы ошибкой Земли представить свой основной доклад в самом начале конференции. Это означало бы выпустить все лучшие заряды до того, как стала хорошо видна цель. Это дало бы Сириусу возможность обрушиться с сокрушающими возражениями.

Но в данном случае именно этого хотел Конвей.

Он вытащил носовой платок, провел им по лбу и поспешно положил его обратно, надеясь, что никто этого не заметил. Он не хотел, чтобы заметили его вол-

нение.

Сириус придержал свои возражения, и, без сомнения, по договоренности стали подниматься и выступать с краткими речами представители трех внешних миров, которые заведомо находились под сирианским влиянием. Каждый выступающий избегал касаться главной темы, но убежденно настаивал на агрессивных устремлениях Земли и на ее претензиях снова поставить правительство Галактики под свою власть.

Наконец спустя шесть часов после начала конференции вызвали Стена Девура, и он не спеша встал. Со спокойной осторожностью он подошел к трибуне и стоял там, глядя вниз на делегатов, с выражением гордой самоуверенности на оливковом лице. (На нем не было и следа недавней стычки с Бигменом.)

Конвей был уверен, что всем делегатам известно о том, что Лакки Старр будет давать показания. Они ожидали этого явного унижения Земли с волнением и радостью.

Наконец очень спокойно Девур начал свою речь. Сначала шло историческое вступление. Возвращаясь к тем дням, когда Сириус был колонией Земли, он перечислил обиды тех дней. Он слегка затронул гегелевскую доктрину, давшую независимость Сириусу и другим колониям, и назвал ее лицемерной, ибо затем он перечислил одно за другим мнимые усилия Земли

восстановить свое владычество.

Перейдя к современности, он сказал:

– Сейчас нас обвиняют в стремлении колонизировать незанятый мир. Мы признаем себя виновными в этом. Нас обвиняют в том, что мы захватили пустой мир и превратили его в прекрасное обиталище для человеческих существ. Мы признаем себя виновными и в этом. Нас обвиняют в расширении пределов обитания человеческой расы в мире, возможность чего отвергалась другими. Мы признаем себя виновными и в этом.

Нас нельзя обвинить в применении насилия по отношению к кому бы то ни было в ходе развития. Нас нельзя обвинить и в провоцировании войны, в убийствах и нанесении оскорблений во время нашей оккупации. Нас нельзя обвинить также вообще в каком-либо преступлении. Напротив, можно только констатировать, что на расстоянии не менее миллиарда миль от мира, который мы столь мирно оккупировали, существует другой оккупированный мир по имени Земля.

Мы не осведомлены, хочет ли она что-либо предпринять в отношении нашего мира – Сатурна. Мы не применяем насилия по отношению к Земле, и она не может обвинить нас ни в чем. Мы просим только предоставить нам возможность заниматься сами-

ми собой, и, наоборот, мы будем рады предоставить Землю самой себе.

Они говорят, что Сатурн принадлежит им. Почему? Разве они когда-то оккупировали его спутники? Нет. Проявляли ли они интерес к нему? Нет. В течение многих тысяч лет они могли спокойно захватить его, но хотели ли они этого? Нет. Именно только после того как мы высадились на нем, они внезапно проявили свою заинтересованность в нем.

Они говорят, что Сатурн вращается вокруг того же самого Солнца, что и Земля. Мы признаем это, но мы одновременно подчеркиваем, что этот факт к делу не относится. Незанятый мир и есть незанятый мир, невзирая на особую орбиту, по которой он путешествует в космосе. Мы первыми колонизировали его, и он наш.

Сегодня я сказал, что Сириус оккупировал всю систему Сатурна без применения какого-либо насилия и не нанес миру какого-либо ущерба. Мы много не разглагольствуем о мире, как поступает Земля, но мы, по крайней мере, проводим миролюбивую политику на деле. Когда Земля выступила за созыв конференции, мы сразу же приняли это предложение во имя спасения мира, хотя нет ни малейшего сомнения в нашем праве собственности на систему Сатурна.

Но что Земля? Отказалась ли она от своих взгля-

дов? Они весьма преуспели в разговорах о мире, но их действия на деле противоречат их словам. Они выступают за мир, а практикуют войну. Они требуют конференции и в то же самое время снаряжают военную экспедицию. Короче, в то время как Сириус рисковал своими интересами во имя мира, Земля, наоборот, делает все, чтобы спровоцировать войну против нас. Я могу доказать это устами самого члена Совета Науки Земли.

Он поднял руку, когда произносил последнюю фразу, и драматическим жестом указал на выход, где внезапно возникло пятно света. Там стоял Лакки Старр, высокий и вызывающе прямой.

Лишь приземлившись на Весте, Лакки наконец-то снова увидел Бигмена. Маленький марсианин подбежал к нему. Йонг же наблюдал за ними, строго улыбаясь.

– Лакки, – попросил Бигмен. – О, Лакки, не соглашайся на это. Они не смогут заставить тебя сказать хоть слово, если ты не захочешь, и неважно, что потом будет со мной.

Лакки медленно покачал головой:

– Подожди, Бигмен. Подожди только один день.

Йонг подошел и взял Бигмена за локоть.

– Простите, Старр, но нам он нужен, пока вы не выполнили свою миссию. Девур постоянно думает о за-

ложнике, и с этой точки зрения, думаю, он прав. Вы собираетесь выступить перед лицом представителей своего собственного народа, и бесчестье будет тяжелым.

Лакки сам нервничал вплоть до того момента, кого он оказался в дверном проеме и почувствовал на себе взгляды, ощутил тишину и замершее дыхание зала. Стоя на свету, Лакки видел не отдельных делегатов конференции, а огромную темную массу. Лишь после того как роботы подвели его к свидетельскому месту, лица людей стали выплывать из тьмы и он смог увидеть Гектора Конвея в первом ряду.

На миг Конвей улыбнулся ему устало и взволнованно, но Лакки не осмелился ответить ему улыбкой. Наступал критический момент, и ничего нельзя было допустить такого, что могло бы вызвать беспокойство у сирианцев.

Девур жадно смотрел на землянина, смакуя триумф от его появления.

– Джентльмены, – возгласил он, – я хочу на время превратить конференцию в своего рода судилище. У меня здесь есть свидетель, и я желал бы, чтобы его послушали все делегаты. Мне выпал прекрасный случай, когда он согласился говорить, он – землянин и важный агент Совета Науки.

Затем с внезапной резкостью он обратился к Лакки:

– Ваше имя, гражданство и положение, пожалуйста.

Лакки ответил:

– Я, Дэвид Старр, уроженец Земли и член Совета Науки.

– Подвергались ли вы воздействию наркотиков, физической обработке или какому-либо насилию над разумом, что заставило бы вас дать показания?

– Нет, сэр.

– Вы говорите добровольно и будете говорить правду?

– Я говорю добровольно и скажу правду.

Девур повернулся к делегатам:

– Кому-то из вас может прийти на ум, что разум Советника Старра в действительности все же подвергся обработке, о чем он и сам не подозревал, или что, может быть, он отрицает наличие повреждения его умственных способностей, не осознавая того, что оно налицо. Если так, то любой член этой конференции, обладающий соответствующей квалификацией, может его обследовать. Я знаю, что такие есть среди вас. Требуется ли кто-нибудь такого обследования?

Но никто не требовал такого обследования, и Девур продолжил, обратившись к Лакки:

– Когда вы впервые обнаружили сирийскую базу внутри системы Сатурна?

Сжато, без эмоций, глядя прямо в зал, Лакки рассказал о своем первом посещении системы Сатурна, о требовании покинуть ее.

Конвей слегка кивнул и заметил, что Лакки опустил полностью сведения о капсуле и о шпионских действиях агента X. Агент X мог быть только преступником с Земли. Очевидно, сирианцы не хотели упоминания о своем собственном шпионаже в это время, и, похоже, Лакки был готов продолжить с ними сотрудничество в этом вопросе.

– А вы покинули систему Сатурна после предупреждения?

– Да, сэр.

– Навсегда?

– Нет, сэр.

– Как вы поступили впоследствии?

Лакки описал уловку с Идальго, посещение южного полюса Сатурна, полет через глубокое ущелье в кольцах к Мимасу.

Девур прервал его:

– Мы когда-либо применяли насилие к вашему кораблю?

– Нет, сэр.

Девур снова повернулся к делегатам:

– Не следует полагаться лишь на сказанное Советником. У меня здесь есть снимки погони за кораблем

Советника, летящим к Мимасу.

Лакки остался стоять в освещенном пространстве, остальная часть зала утопала во мраке, делегаты смотрели в трехмерном изображении эпизоды полета «Метеора», спешащего к кольцам и внезапно исчезнувшего в глубоком ущелье, которое было плохо видно, ибо его изображение было расположено в самом углу фотографии.

На следующем фото был запечатлен стремительный полет корабля внутрь Мимаса и его исчезновение во вспышке красного света и пара.

В этот момент Девур не мог не почувствовать, что в зале нарастает скрытое восхищение смелостью землянина, поэтому он раздраженно заметил:

– Наша неспособность настигнуть корабль Советника объясняется наличием на нем аграв-двигателя. Маневры вблизи Сатурна поэтому были более затруднены для нас, чем для него. По этой причине мы не смогли добраться до Мимаса раньше его и из-за этого не были психологически подготовлены осуществить это.

Если бы Конвей осмелился, он мог бы громко крикнуть в ответ на это: «Дурак!» Девур заплатит за это мгновение зависти. Конечно, упоминая об аграве, он стремился вызвать страх у внешних миров перед научными достижениями Земли, и это тоже можно счи-

тать его ошибкой. Страх мог сильно разрастись.

– Ну а теперь о том, что произошло после вашего отлета с Мимаса! – обратился Девур к Лакки.

Лакки рассказал, как он был схвачен, и Девур, намекая на то, что Сириус обладает более совершенным масс-детектором, сказал:

– И тогда, сразу же на Титане, вы дали нам новую информацию относительно вашей деятельности на Мимасе, так?

– Да, сэр. Я рассказал вам, что на Мимасе остался еще один Советник, а потом я сопровождал вас на Мимас.

Этого, по-видимому, делегаты не знали. Поднялся шум, но Девур заставил всех замолчать. Он закричал:

– У меня есть также теле-фото отлета Советника с Мимаса, куда его послали для создания секретной базы против нас как раз в то время, когда Земля созвала эту конференцию, якобы заботясь о мире.

Опять затемнение в зале и снова трехмерное изображение. Конференция могла в деталях наблюдать приземление на Мимасе, видеть его расплавленную поверхность, следить за тем, как Лакки исчез в построенном туннеле и Советник Бен Вессилевски оказался на борту корабля. В последних сценах демонстрировалось внутреннее помещение Весса под поверхностью Мимаса.

– Как вы видите, это полностью оборудованная база, – сказал Девур. Затем, повернувшись к Лакки, спросил: – Может, все ваши действия в течение всего этого времени получили официальное одобрение на Земле?

Это был главный вопрос, и не было сомнения в том, каков будет ответ, которого жаждали, но тут Лакки заколебался, в то время как аудитория ждала, затаив дыхание, а Девур нахмурился.

Наконец Лакки произнес:

– Я хочу сказать вам подлинную правду. Я не получил непосредственного разрешения на повторное возвращение на Сатурн, но я знаю, что во всем, что я делал, я получил бы полное одобрение Совета Науки.

И это признание вызвало сильное волнение среди репортеров и шум в зале. Делегаты конференции поднялись со своих мест и начали кричать: «Голосовать! Голосовать!»

Судя по всему, конференция на этом завершилась, и Земля проиграла.

16. Попался, который кусался

Агас Доремо поднялся, ударяя традиционным молотком и совершенно безуспешно призывая к порядку. Конвей с трудом продвигался среди моря угрожающих жестов и свиста и потянул рукоятку автоматического выключателя – раздался старый, сообщающий о пиратах сигнал тревоги. Среди ужасного шума и гамма прорезалось пронзительное дребезжание с попеременным повышением и понижением звука, это восстановило среди делегатов необычайную тишину.

Конвей отключил сигнал, и Доремо с неожиданным спокойствием быстро произнес:

– Я согласился с предложением Главного Советника Земной Федерации Гектора Конвея подвергнуть перекрестному допросу Советника Старра.

Раздались крики «Нет, нет», но Доремо угрюмо продолжил:

– Я прошу конференцию оставаться беспристрастной в этом вопросе. Главный Советник заверил меня, что перекрестный допрос будет кратким.

Посреди шороха и шепота Конвей приблизился к Лакки. Он улыбался, но слова его звучали сухо:

– Советник Старр, мистер Девур не спросил вас о целях, какие вы преследовали. Ответьте мне, зачем

вы проникли в систему Сатурна?

– Чтобы колонизовать Мимас, шеф.

– Считаете ли вы, что имели на это право?

– Это был незанятый мир, шеф.

Конвей повернулся лицом к затихшим в замешательстве делегатам.

– Советник Старр, вы могли бы повторить это?

– Я хотел доставить человеческие существа на Мимас, незанятый мир, принадлежащий Земной Федерации, шеф.

Девур поднялся, яростно выкрикнув:

– Мимас – это часть системы Сатурна!

– Верно, – сказал Лакки, – но Сатурн – это часть Солнечной системы Земли. По вашей же интерпретации, Мимас является только незанятым миром. А чуть позже вы признались, что сирианские корабли никогда не приближались к Мимасу, пока на него не приземлился мой корабль.

Конвей улыбнулся. Значит, Лакки также заметил ошибку, допущенную Девуром.

– Советника Старра не было здесь, мистер Девур, когда вы произносили свою вступительную речь, сказал Конвей. – Позвольте мне процитировать из нее пассаж, слово в слово: «Незанятый мир есть незанятый мир, несмотря на его особую орбиту, по которой он движется в космосе. Мы колонизовали его первы-

ми, и он наш».

Главный Советник повернулся к делегатам и продолжил, тщательно взвешивая каждое слово:

– Если верна точка зрения Земной Федерации, тогда Мимас принадлежит Земле, потому что он обращается вокруг планеты, которая обращается вокруг нашего Солнца. Если верна точка зрения Сириуса, то и тогда Мимас все равно принадлежит Земле, потому что он не был занят и мы колонизовали его первыми. Сирианская же линия рассуждения, основанная на том факте, что какой-то другой спутник Сириуса был колонизован Сириусом, к данному случаю не имеет никакого отношения.

В конечном счете, проникнув в мир, принадлежащий Земной Федерации и выдворив оттуда нашего колониста, Сириус тем самым совершил акт развязывания войны и продемонстрировал свое лицемерие, отказывая другим в тех правах, которые присвоил себе.

И в этот момент, когда снова поднялся переполох в зале, именно Доремо заявил следующее:

– Джентльмены, позвольте сказать. Факты, приведенные Советником Старром и Конвеем, неопровержимы. Они демонстрируют полную анархию, в которую будет ввергнута Галактика, если восторжествует сирианская точка зрения. Каждая незаселенная скала стала бы источником спора, каждый астероид –

угрозой миру. Сирианцы своими действиями показали свою неискренность...

Так произошел неожиданный и полный переворот на конференции.

Если бы позволило время, Сириус, возможно, мог собраться с силами, но Доремо, опытный и хитрый парламентарий, подвел конференцию к голосованию в тот момент, когда сторонники сирианцев были совершенно деморализованы и не готовы были выступить против очевидных и вновь приведенных фактов.

Три мира проголосовали в поддержку Сириуса. Это были Пенфесилейя, Дуварн и Муллен, маленькие миры, находившиеся, как всем было известно, под политическим влиянием Сириуса. Остальная часть, более пятидесяти голосов, была на стороне Земли. Сириусу предписывалось освободить захваченных земель. Также предписывалось демонтировать его базу и в течение месяца покинуть Солнечную систему.

Выполнить принятые решения невозможно было без применения военной силы, но Земля была готова к войне, а Сириус был поставлен перед необходимостью воевать, не рассчитывая на поддержку внешних миров. На Весте теперь не оказалось ни единого человека, кто ожидал победы Сириуса при таких условиях.

Девур, тяжело дыша, с перекошенным лицом, еще

раз встретился с Лакки.

– Это был непристойный трюк, – сказал он. – Этот ваш план загнать нас в...

– Вы вынудили меня, – спокойно возразил Лакки, – поставив под угрозу жизнь Бигмена. Вы помните это? Или, может, вам хотелось бы, чтобы детали этого стали известны?

– Ваш друг-обезьяна еще у нас, – начал злобно Девур, – проголосует конференция или нет...

Главный Советник Конвей, присутствовавший при этом, улыбнулся:

– Если вы имеете в виду Бигмена, Девур, то у вас его нет. Он в наших руках вместе с наставником по имени Йонг, который сообщил мне, что Советник Старр снабдил его охранным свидетельством на случай необходимости. Очевидно, он почувствовал, что при вашем настоящем настроении для него небезопасно сопровождать вас назад на Титан. Могу ли я предложить, чтобы и вы подумали, не опасно ли для вас возвращение на Титан? Если вы хотите просить убежища...

Но Девур молча повернулся и ушел.

Доремо расплылся в улыбке, когда прощался с Конвеем и Лакки.

– Вам, молодой человек, будет очень приятно увидеть Землю, осмелюсь сказать.

Лакки кивнул, согласившись с ним:

– Сэр, через час я отправлюсь домой на лайнере, буксирующем бедный «Метеор», и, откровенно говоря, теперь нет ничего более радостного для меня, чем это.

– Ну что ж! Я вас поздравляю с великолепно сделанной работой. Когда шеф Конвей просил меня в начале заседания предоставить ему время для перекрестного допроса, я согласился, но думал, что он, должно быть, сошел с ума. Когда вы начали давать показания и он одобрил их, я был уверен, что он сумасшедший. Но очевидно, все это было заранее спланировано.

Конвей подтвердил это:

– Лакки прислал мне набросок плана своих действий. Конечно, это было не за час или два до того, как мы окончательно уверились в том, что все будет выполнено.

– Думаю, вы очень верили в Советника, – сказал Доремо. – Вот почему во время первого вашего разговора со мной вы просили, чтобы я выступил на вашей стороне, если вдруг показания Лакки обманут ожидания. Тогда я, конечно, не понял, что вы имели в виду, но, когда наступило время, мне все стало ясно.

– Я благодарен вам за то, что вы всем своим авторитетом поддержали нас.

– Я поддержал тех, на чьей стороне была справедливость... Вы искусный оппонент, молодой человек, – похвалил он Лакки.

Лакки улыбнулся:

– Я прежде всего рассчитывал на неискреннюю позицию сирианцев. Если они действительно верили в то, что провозглашали именно свою точку зрения, то мой коллега, Советник, покинул бы Мимас, и все мы в результате наших стараний получили бы маленький спутник из льда и тяжелую войну.

– О да. Ну что ж, без сомнения, у делегатов возникнут новые мысли, когда они вернутся домой, и они будут злиться на Землю, на меня и даже на самих себя, я думаю, из-за того, что им пришлось обратиться в паническое бегство. Хладнокровно подумав, они поймут, что здесь они восстановили принцип неделимости звездных систем, и, думаю, что они тогда поймут, что польза от этого принципа превысит любой урон, нанесенный их гордости и предрассудкам. Я действительно думаю, эту конференцию будут изучать историки как нечто важное и нечто такое, что способствовало великому делу мира и благоденствию Галактики. Я абсолютно удовлетворен этим.

И весьма энергично он пожал обоим руки.

Лакки и Бигмен снова оказались вместе, и, хотя корабль был большой, со множеством пассажиров, они

были заняты лишь собой. Марс остался позади них (Бигмен более часа наблюдал его с большим удовольствием), а Земля была не так уж далеко.

Бигмен никак не мог овладеть голосом, в котором звучало смущение.

– О Лакки! Я никогда, ни разу не заметил того, что ты делал. Я думал... Ну я не хочу говорить о том, что я думал. Только мне хочется, чтобы ты предупреждал меня.

– Бигмен, я не мог. Это как раз то, чего я не мог сделать. Не понимаешь? Я обязан был убедить сирианцев во внедрении Весса на Мимас и не дать им возможности понять суть замысла. Я не мог перед ними обнаружить то, что я хотел в действительности сделать, не мог допустить, чтобы они сразу поняли, что это ловушка. Я должен был все сделать так, чтобы казалось, что меня вынудили к этому вопреки моей воле. Вначале, уверяю тебя, я не знал точно, как я сумею осуществить это, но я знал лишь одно – если ты узнаешь о плане, Бигмен, ты выдашь секрет.

– Я выдал бы секрет? Да знаешь ли ты, земляной червь, что и под дулом бластера из меня ничего не выудишь!!!

– Знаю. Никакие мучения не принудили бы тебя к этому, Бигмен. Но ты мог сделать это случайно. Ты плохой актер, сам знаешь. Ты сразу же стал бы су-

масшешдшим, так или иначе это вывело бы тебя из себя. Вот почему я хотел оставить тебя на Мимасе, помнишь? Я знал, что не смогу рассказать тебе о задуманном плане действий, и знал также, что ты не принял бы того, что я собирался сделать, и страдал бы из-за этого. Вот как это все было. Однако ты мне принес неожиданную удачу.

– Я? Избив этого подонка?

– Косвенно, да. Это дало мне повод сделать вид, будто я в действительности обмениваю свободу Весса на твою жизнь. Пришлось меньше прикладывать усилий, чтобы отдать Весса при каких-то условиях, которые я должен был бы выдумать, не будь тебя. В результате же того, что произошло с тобой, мне не нужно было совсем ничего выдумывать. Это была хорошая сделка.

– Ну и ну, Лакки.

– Вот так-то, Бигмен. К тому же ты был в таком отчаянии, что они ни разу не заподозрили нашей уловки. Любой, кто наблюдал за тобой со стороны, был бы совершенно убежден в том, что я действительно предал Землю.

– О пески Марса! Я должен был знать, что ты не сделал бы ничего подобного. Я оказался просто олухом.

– Я рад, что ты был олухом, – рассмеялся Лакки и

с нежностью взлохматил волосы маленького марсианина.

Когда Конвей и Весс присоединились к ним во время обеда, Весс сказал:

– Наше возвращение домой будет вовсе не таким, каким его представлял бедняга Девур. Субэфир на корабле был полон белибердой, которую они опубликовали на Земле о нас, особенно, конечно, о тебе.

Лакки нахмурился:

– Да, за это не поблагодаришь. В будущем это здорово затруднит нашу работу. Реклама! Только подумайте, что бы они говорили, если бы сирианцы оказались хотя бы на дюйм проницательнее, не поддались гневу и не ушли с конференции в последнюю минуту.

Конвей даже вздрогнул:

– Лучше не думать. Но как бы там ни было, нечто подобное ожидает Девура.

– По-моему, он выкрутится. Его спасет дядя, – заметил Лакки.

– Во всяком случае, – подвел итог Бигмен, – мы разделались с ним.

– Так ли? – угрюмо проговорил Лакки. – Не знаю.

И в течение некоторого времени трапеза проходила в полном молчании.

Конвей, очевидно, стремясь смягчить внезапно возникшую напряженность, решился прервать молчание:

– Конечно, в известном отношении сирианцы не могли позволить Вессу остаться на Мимасе, и мы не дали им шансов. В конце концов они искали капсулу в кольцах, и, насколько им было известно, Весс, лишь в тридцати тысячах миль за пределами колец могло...

Бигмен уронил вилку, и его глаза стали как блюдца.

– Взрывающаяся ракета!

– В чем дело, Бигмен? – спросил добродушно Весс. – Ты что-то вдруг вспомнил и пошевелил мозгами?

– Заткнись, болван! – рявкнул Бигмен. – Послушай, Лакки, во всей этой суматохе мы забыли о капсуле агента X. Она все еще в кольцах, если сирианцы ее уже не нашли. Если она не у них, то у них есть еще пара недель, чтобы ее обнаружить.

Конвей сразу же ответил:

– Я думал об этом, Бигмен. Но честно говоря, считаю, что она потеряна навсегда. Вряд ли ты сможешь что-нибудь найти в кольцах.

– Но, шеф, разве Лакки не рассказал вам о многочисленных специальных масс-детекторах с X-лучами, которые у них есть и...

Все теперь смотрели на Лакки. Странное выражение появилось у него на лице – будто он не мог решить, то ли ему смеяться, то ли ругаться.

– О великая Галактика! – воскликнул он. Я совер-

шенно забыл об этом.

– О капсуле? – спросил Бигмен. – Ты забыл о ней?

– Да. Я забыл, что она у меня. Она здесь. – И Лакки выхватил из кармана что-то металлическое диаметром примерно в дюйм и положил на стол.

Быстрые пальцы Бигмена первыми протянулись к ней, он ее поворачивал и так и эдак, потом и остальные по очереди рассматривали ее.

– Это капсула? Ты уверен в этом? – недоверчиво спросил Бигмен.

– Вне всяких сомнений. Мы, конечно, ее вскроем и убедимся в этом окончательно.

– Но когда, как, где... – Они все устремили на него вопрошающие взгляды.

– Простите меня, – стал оправдываться Лакки. – Я действительно... Вы помните те несколько слов, которые мы перехватили от агента X как раз перед тем, как взорвался его корабль? Помните отрывки слов «нормальная орб...», которые, по нашему мнению, означали «нормальная орбита»? Ну, сирианцы сделали естественное предположение, что «нормальная» означает «обычная», и, следовательно, капсула будет выведена на «обычную орбиту» для частиц колец, и искали ее там.

Однако «нормальная» означает также и «перпендикулярная». Кольца Сатурна движутся с запада на

восток, следовательно, капсула с нормальной орбитой в кольцах двигалась бы прямо с севера на юг или с юга на север. И это имеет смысл, потому что тогда капсула не потеряется в кольцах.

Далее, любая орбита вокруг Сатурна, идущая прямо на север и на юг, должна проходить над северным и южным полюсами независимо от вариаций. Мы приблизились к южному полюсу Сатурна, и я следил за масс-детектором, чтобы обнаружить что-либо на орбите подходящего типа. В полярном пространстве едва ли есть какие-нибудь частицы. И я почувствовал, что смогу опознать капсулу, если она там. Мне не хотелось говорить об этом, потому что вероятность была невелика, а я не люблю пробуждать несбыточные надежды.

Но что-то регистрировалось на масс-детекторах, и у меня появился шанс. Я сравнил скорости и тогда покинул корабль. Как ты позже догадался, Бигмен, я воспользовался случаем, чтобы помудрить с аграустройством, рассчитывая на капитуляцию в дальнейшем, но в то же время я забрал капсулу.

Когда мы приземлились на Мимасе, я оставил ее среди катушек воздушного кондиционера в помещении Весса. Когда же мы вернулись за ним, чтобы передать его Девуру, я забрал капсулу и положил ее в карман. Как обычно, меня обыскали в поисках оружия, ко-

гда я садился вновь на корабль, но обыскивающий меня робот не посчитал дюймовый шарик оружием... В этом один из серьезных недостатков применения роботов. Во всяком случае, вот и вся история.

– Почему же ты все это не рассказал нам? закричал Бигмен.

Лакки выглядел сконфуженным.

– Я собирался. Честно. Но после того как я забрал капсулу и вернулся на корабль, нас уже заметили сирианцы, помнишь, и встал вопрос, не попытаться ли удрать от них. А после этого действительно, если ты помнишь, не было ни одного момента, когда что-то не возникало. По правде, я не знаю, почему я больше не вспоминал о ней, чтобы кому-то все это рассказать.

– Не мозги, а решето, – с пренебрежением фыркнул Бигмен. – Неудивительно, что тебе нельзя отправляться куда-либо без меня.

Конвей рассмеялся и хлопнул марсианина по спине.

– Верно, Бигмен, позаботься о большом болване и будь уверен, он знает свой путь.

– Когда-нибудь, – сказал Весс, – и у тебя будет свой собственный путь.

И корабль, рассекая атмосферу Земли, пошел на посадку.